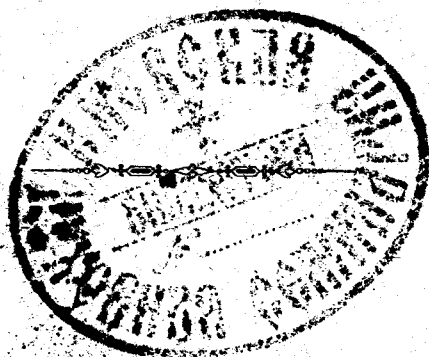

СВЯТЫЙ

ПРОРОКЪ ДАНИЛЬ,

ЕГО ВРЕМЯ, ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

С. А. Песоцкаго.

КІЄВЪ.

Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул. д. № 4.

1897.

„Во время плѣна вавилонскаго, какъ оригинально выразился одинъ библиологъ, народъ іудейскій совершенно не имѣлъ своей исторіи: на время она окончательно прервалась“¹⁾. Дѣйствительно, живя въ Вавилонѣ, въ плѣну, народъ богоизбранный остается какъ-то въ тѣни и ничѣмъ не заявляетъ своего политическаго существованія. И еслибы не было св. Даніила, великаго пророка вавилонскаго плѣна, тогда и непродолжительное сравнительно по числу лѣтъ, но богатое по внутреннему содержанію своему время этого плѣна было-бы для насъ довольно безцвѣтнымъ и неопредѣленнымъ²⁾. И тѣ западные, протестантскіе экзегеты - историки, которые, какъ увидимъ впереди, совершенно отрицаютъ историческое существованіе св. пророка Даніила или переносятъ этого праведника въ другую эпоху библейской исторіи, раннѣйшую или позднѣйшую вавилонскаго плѣна, какъ-то слишкомъ блѣдно отзываются и вообще о времени этого плѣна, — всю исторію котораго даже въ самыхъ обширныхъ и обстоятельныхъ

¹⁾ *Savari. Zur Einführung in das Buch Daniel. Leipzig. 1869. S. 107—108.*

²⁾ Нѣсколько аналогичный этому примѣръ мы видимъ въ исторіи ассирійскаго (израильскаго) плѣна: половина потомковъ Авраама какъ-то безслѣдно ступевалась и исчезла съ историческаго горизонта, хотя политически и не погибла (ср. 1 Цѣдр. 2, 27—29).

руководствахъ своихъ помѣщаются на 2—3 страницахъ. Между тѣмъ плѣнъ вавилонскій по существу имѣетъ весьма важное значеніе въ исторической жизни іудейскаго народа: это—эпоха его перерожденія, наказаніе за прошлое, но вмѣстѣ и возрожденіе для будущаго. Исторія пророка Даніила особенно рельефно выдвигаетъ на видъ внѣшнюю по преимуществу сторону вавилонскаго плѣна: она значительно окрашиваетъ ее и придаетъ ей гораздо большій интересъ и значеніе. Излишне, поэтому, и прибавлять, насколько важна и интересна для богослова-библеиста исторія жизни и дѣятельности св. пророка Даніила: свѣтлая личность его настолько замѣтно выдѣляется въ виду исторіи богоизбраннаго народа, что привлекаетъ къ ходѣ особенное вниманіе.

Библейско-историческій очеркъ жизни и дѣятельности этого великаго пророка въ связи съ тою историческою и бытовою обстановкою, какою окружена была высокая личность его,—вотъ что составляетъ задачу нашего изслѣдованія. Приступая къ рѣшенію этой положительной намѣченной нами задачи, мы встрѣчаемся съ существующими въ западной литературѣ и наукѣ гипотезами, или совершенно отрицающими историческое существованіе св. пророка Даніила, или относящими жизнь и дѣятельность его не къ періоду плѣна вавилонскаго, а къ иному времени—болѣе раннему или позднему,—а равно и со столь же своеобразными взглядами на подлинность и историческую достовѣрность богодухновенной книги Даніиловой. Вотъ почему мы сочли необходимымъ, въ качествѣ пробнаго камня нашей работы, первую (вводную) часть изслѣдованія посвятить (разбору отрицательныхъ теорій касательно историческаго существованія и времени жизни св. пророка, а равно и защитѣ, противъ возраженій, подлинности и достовѣрности книги его,—съ цѣлію расчистить почву для себя, обосновать съ возможною обстоятельностью, что пророкъ Даніиль жилъ въ то именно время, въ тѣхъ историческихъ условіяхъ и въ той бытовой обстановкѣ, въ какихъ

онъ является въ извѣстной съ его именемъ богодухновенной книгѣ. Затѣмъ, во второй части настоящаго сочиненія мы скажемъ объ историческихъ условіяхъ, среди которыхъ проходила дѣятельность пророка: коснемся въ общихъ чертахъ исторіи іудейскаго царства за послѣдніе годы его существованія, преимущественно, конечно, тѣхъ царствованій и періодовъ, на которые падаютъ важнѣйшіе моменты жизни пророка—его рожденіе и воспитаніе и отведеніе въ плѣнъ вавилонскій; а далѣе разсмотримъ обстоятельства жизни іудеевъ въ Вавилонѣ. Третья глава нашего изслѣдованія посвящена будетъ историческому очерку жизни и дѣятельности св. пророка Даніила; раздѣленіе ея на три главы обуславливается тремя періодами въ жизни самого пророка въ Вавилонѣ: возвышеніемъ его на поприщѣ административной государственной службы при Навуходоносорѣ, сравнительнымъ пониженіемъ и удаленіемъ его отъ двора при преемникахъ этого государя и, наконецъ, вторичнымъ возвышеніемъ и авторитетнымъ вліяніемъ его при дворѣ мидо-персидскихъ государей. Параллельно съ исторіей жизни и дѣятельности пророка Даніила мы по необходимости затронемъ внутреннюю жизнь ассиро-вавилонскаго и мидо-персидскаго народовъ и даже нѣкоторые факты изъ внѣшней исторіи ихъ,—но, конечно, въ такой только мѣрѣ, въ какой это нужно для проясненія или обрисовки тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ изъ жизни св. пророка: организація различныхъ классовъ вавилонскаго населенія, безуміе Навуходоносора, исторія преемниковъ его на вавилонскомъ престолѣ, паденіе самого Вавилона и т. п.—все это такія историко-бытовыя явленія, такіе факты и исторические моменты, которые или служатъ подкладкой или значительно отдѣляютъ тѣ блестящія страницы изъ жизни пророка, о какихъ говоритъ намъ его богодухновенная книга. Такъ какъ, притомъ, судьба св. Даніила (особенно въ первую половину его жизни) тѣсно связана съ судьбою трехъ

друзей его, поставленныхъ съ нимъ въ одни и тѣже быт-
вые условія въ Вавилонѣ и подвизавшихся на одной и той-
же исторической почвѣ, то мы не вправѣ оставить безъ вни-
манія и этихъ трехъ сподвижниковъ великаго пророка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (ВВОДНАЯ).

ЛИЧНОСТЬ СВ. ПРОРОКА ДАНИЛА И ХАРАКТЕРЪ ЕГО БОГОДУХ- НОВЕННОЙ КНИГИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Историческое существованіе пророка Данила, и именно въ
эпоху вавилонскаго плѣна (разборъ отрицательныхъ взгля-
довъ и положительное обоснованіе этой истины)

Существовалъ ли когда-нибудь св. пророкъ Даниль? Есть ли онъ историческая личность? Если же да, то когда онъ жилъ,—дѣйствительно ли въ эпоху плѣна вавилонскаго, какъ говорятъ объ этомъ богодухновенныя книги священнаго писанія,—или же, можетъ быть, въ какой-либо другой періодъ исторіи іудейскаго народа? Какъ ни странными могутъ показаться на первый взглядъ такого рода вопросы (въ виду положительнаго отвѣта на это слова Божія), тѣмъ не менѣе надлежащій отвѣтъ на нихъ дать необходимо, такъ какъ многіе изъ видныхъ представителей протестантской богословской науки не только стремятся подорвать въ корнѣ авторитетъ, подлинность и значеніе книги пророка Данила, главнаго и, можно сказать, единственнаго источника для изложенія жизни и дѣятельности этого великаго пророка, но и отрицаютъ историческій характеръ самой личности Данила или же переносятъ ее въ какую-либо другую эпоху ветхозавѣтной исторіи, предполагая въ нашей библейской книгѣ Данила про-

изведеіе совершенно сторонняго лица, жившаго въ позднѣйшую сравнительно эпоху ветхозавѣтной исторіи и имѣвшаго въ виду свои особыя интересы. Попробуемъ разобрать тако-го рода своеобразныя взгляды на характеръ личности или на время жизни и дѣятельности великаго пророка, попробуемъ доказать ихъ неосновательность, чтобы тѣмъ ярче и рельефнѣе выставить на видъ истину библейскаго повѣствованія. Замѣтимъ, притомъ, что доказать историческое существованіе пророка Даниила вообще или существованіе его въ эпоху именно плѣна вавилонскаго—доказать это исключительно апріорнымъ путемъ едва-ли возможно: вѣдь это не математическая теорема, гдѣ одно съ необходимостью вытекаетъ изъ другого и гдѣ путемъ длиннаго ряда самыхъ разнообразныхъ аксіомъ, силлогизмовъ и выводовъ можно доказать самое, такъ сказать, отдаленное предположеніе. О существованіи пророка Даниила (какъ и всякой вообще исторической личности) мы знаемъ исключительно изъ свидѣтельствъ историковъ (главнымъ образомъ—современныхъ извѣстной личности); въ частности о св. Даниилѣ, какъ историческомъ лицѣ, мы знаемъ, прежде всего, изъ богодухновенной библейской книги, извѣстной подъ его именемъ, подлинность и авторитетъ которой представители указываемыхъ нами взглядовъ отрицаютъ. Если же, такимъ образомъ, хотятъ подорвать значеніе основнаго историческаго свидѣтельства о личности, жизни и дѣятельности пророка Даниила, то понятно, что возстановить это значеніе библейскаго свидѣтельства и обосновать его достовѣрность можно не иначе, какъ только путемъ разбора коренныхъ основъ, а по мѣрѣ возможности—и всѣхъ частныхъ той или другой рационалистической теоріи, съ цѣлью показать ея шаткость и неосновательность. Этимъ-то именно путемъ стараемся выполнить свою задачу и мы.

Всѣ отрицательныя теоріи, которыя намъ предстоитъ здѣсь разсмотрѣть, несмотря на ихъ частнѣйшія развѣтвленія, можно свести къ нѣсколькимъ однороднымъ группамъ. Пред-

ставители одного рода взглядовъ совершенно отрицаютъ св. Даниила, какъ историческую личность, а видятъ въ немъ только миѣческаго героя разнообразныхъ сагъ и легендъ, лишенныхъ всякой вообще исторической подкладки. Другіе, хотя и считаютъ Даниила историческимъ лицомъ, но время его жизни и дѣятельности относятъ не къ плѣну вавилонскому, а къ періоду послѣпотопному, допатріархальному. Третьи, на основаніи своихъ соображеній, признаютъ Даниила пророкомъ и жившимъ именно въ плѣну, но плѣну не вавилонскомъ, а ассирійскомъ (израильскомъ). Наконецъ, еще иные отождествляютъ нашего пророка Даниила съ Даниломъ - священникомъ, современникомъ Эздры и Нееміи. Обратимся къ болѣе частному изложенію указаннаго рода теорій.

Въ ряду самыхъ крайнихъ отрицательныхъ взглядовъ на историческій характеръ личности Даниила первое мѣсто, кажется, нужно отвести теоріи Гитцига. Хотя теорія эта въ своемъ окончательномъ выводѣ проводитъ одну общую для всѣхъ относящихся къ этой группѣ теорій мысль,—что пророкъ Даниилъ, о которомъ говоритъ извѣстная подъ его именемъ священная книга, есть только миѣческая личность, сказочный герой,—тѣмъ не менѣе въ своемъ постепенномъ ходѣ раскрытія, въ своихъ частностяхъ представляетъ собою гипотезу довольно оригинальную и своеобразную. О Даниилѣ, разсуждаетъ Гитцигъ, кромѣ извѣстной подъ его именемъ книги, упоминаетъ еще пророкъ Іезекииль, который изображаетъ его, съ одной стороны, необыкновеннымъ мудрецомъ¹⁾, съ другой—идеаломъ праведности и благочестія²⁾. Не случайно онъ и назвалъ этого идеальнаго мудреца-праведника именно Даниломъ: имя это значитъ „Богъ есть мой судья“ или „Божественный судья“³⁾; а мудрость и справедливость и служатъ отличительными признаками идеальнаго судьи⁴⁾.

¹⁾ Іез. 28, 3.

²⁾ Іез. 14, 14. 20.

³⁾ Ср. Быт. 30, 6; 1 Цар. 24, 16.

⁴⁾ 3 Цар. 3, 28.

Кто же таков этот упоминаемый у Иезекииля идеальный мудрец-праведник? Иезекииль ставит его между Ноемъ и Иовомъ; слѣдовательно, и Данииль, подобно этимъ двумъ лицамъ, есть одинъ изъ древнихъ патриарховъ. Но вѣдь Ной, собственно говоря, есть мифическій герой, сказочный богатырь, съ именемъ котораго связывается одна изъ главнѣйшихъ мировыхъ катастрофъ¹⁾; а Иовъ—это просто поэтическая личность, созданная фантазіей писателя его книги. Не къ разряду ли этого рода легендарныхъ личностей нужно отнести и Даниила? Правда, о немъ нѣтъ никакихъ древнихъ сагъ и легендъ; даже имя его не встрѣчается въ древнихъ генеалогіяхъ іудейскихъ родовъ и семействъ; но въ томъ-то и дѣло, что личность Даниила выводится въ древнихъ легендахъ и мифахъ подъ другимъ именемъ. Уже изъ словъ Иезекииля²⁾ видно, что Данииль былъ современникомъ той катастрофы истребленія городовъ Содома и Гоморры, о которой говоритъ ап. Петръ³⁾; изъ этой-то эпохи и является предъ нами личность, подъ именемъ которой скрывается позднѣйшій Данииль:—это Мелхиседекъ. Самыя имена Даниила и Мелхиседека по своему значенію сродны⁴⁾; подобно Даниилу, происхожденіе котораго почти неизвѣстно, и Мелхиседекъ не имѣетъ ни рода, ни племени⁵⁾; какъ священникъ же, и онъ, подобно Ною и Иову, приносятъ жертвы. Но Мелхиседекъ—это, несомнѣнно, мифическая личность древнихъ временъ, воспроизведенная въ сагахъ уже въ позднѣйшее время; ту-же самую личность Мелхиседека, окру-

¹⁾ Кажется, что и на эту мировую катастрофу (всемирный потопъ) Гитцигъ смотритъ, какъ на легенду или мифъ, хотя прямо не высказываетъ этого.

²⁾ Iez. 14. 13—20.

³⁾ 2 Петр. 2, 6; ср. Вят. 19, 24.

⁴⁾ Данииль значитъ „Божественный судья“, а Мелхиседекъ—„царь правды“ и „царь мира“ (Евр. 7, 2); но каждый царь, разсуждаетъ Гитцигъ, есть вѣсть съ тѣмъ и судья; слѣдовательно, заключаетъ онъ, имена Даниила и Мелхиседека филологически сродны.

⁵⁾ Евр. 7, 3.

женную какимъ-то ореоломъ таинственности, позднѣйшія саги вывели при определенной обстановкѣ и отнесли ее къ эпохѣ плѣна вавилонскаго: это-то и есть позднѣйшій Данииль. Различіе именъ еще ничего не говоритъ: самъ Данииль въ Вавилонѣ носилъ кромѣ еврейскаго и другое, вавилонское имя; да и вообще древніе патриархи у разныхъ народовъ называются различными именами.

Вотъ въ сущности взглядъ Гитцига на личность пророка Даниила. Какъ же онъ объясняетъ происхожденіе самой книги Данииловой,—почему писателю ея вздумалось отнести древняго мифическаго Мелхиседека-Даниила къ эпохѣ именно плѣна вавилонскаго? И на этотъ вопросъ Гитцигъ отвѣчаетъ также своеобразно. Собственно говоря, разсуждаетъ онъ, Данииль, упоминаемый у Иезекииля, и Данииль, о которомъ говоритъ книга его имени,—это два различныя лица: первый—это одинъ изъ древнихъ патриарховъ, жившій неизвѣстно гдѣ и когда; о немъ можно сказать только то, что онъ былъ идеаломъ мудрости и благочестія; второй же Данииль—это определенное лицо, современникъ и сотрудникъ Иезекииля среди плѣнныхъ іудеевъ въ Вавилонѣ. Но при всемъ томъ признавать дѣйствительно двухъ Даниилонъ (древнѣйшаго и позднѣйшаго) мы не имѣемъ основаній; нужно, по-этому, допустить, что позднѣйшій, вавилонскій Данииль есть тотъ-же самый древній Данииль, о которомъ упоминаетъ Иезекииль. У него-то позднѣйшій писатель¹⁾ книги Данииловой и позаимствовалъ самое имя своего Даниила и отличительныя особенности этой личности и на основаніи только двухъ указанныхъ у Иезекииля свойствъ легендарнаго Даниила (мудрости и праведности) создалъ пространную легенду про этого пророка плѣна вавилонскаго. Такъ какъ, притомъ, Иезекииль говоритъ о Даниилѣ, какъ объ извѣстной ему личности, то всего

¹⁾ Кто такой писатель книги Данииловой, по мнѣнію Гитцига, объ этомъ упоминаемъ впоследствии.

естественнѣе было писателю книги Данииловой изобразить своего героя современникомъ самого Іезекиіла, жившимъ съ нимъ же въ Вавилонѣ среди плѣнныхъ іудеевъ; а такъ какъ Іезекииль называетъ Даниила образцомъ мудрости и праведности и ставитъ его въ примѣръ своимъ соотечественникамъ, какъ прекрасно уже извѣстнаго всѣмъ плѣннымъ іудеямъ мудреца-праведника,—то естественно было, поэтому, самое переселеніе Даниила въ Вавилонъ отнести ко времени болѣе раннему, чѣмъ плѣненіе самого Іезекиіла (въ третій мѣсяцъ Іехоніи¹⁾). Такъ именно смотритъ Гитцигъ на личность пророка Даниила и на обстоятельства происхожденія его книги.

Съ нимъ согласны нѣкоторые и другіе смѣлые представители рационалистической критики, съ тѣмъ только различіемъ, что, не входя въ подробности и тонкости постепеннаго развитія своихъ теорій, они ограничиваются въ большинствѣ только общими фразами: въ этомъ отношеніи теорія Гитцига есть единственная въ своемъ родѣ по своей послѣдовательности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайней искусственности.

Де-Ветте исходитъ изъ тѣхъ-же основаній и приходитъ къ тому-же выводу, какъ и Гитцигъ. Такъ какъ пророкъ Іезекииль, рассуждаетъ онъ, называетъ Даниила необыкновеннымъ мудрецомъ-праведникомъ, а самъ Данииль, если вѣрить разсказу его книги, былъ въ это время еще очень молодъ, то гораздо вѣроятнѣе, что писатель книги Данииловой вывелъ въ ней не современника Іезекиіла, а древняго, миѳическаго Даниила, причемъ за основу своего повѣствованія принялъ отзвѣвъ Іезекиіла, а самыя имена Даниила и друзей его позаимствовалъ изъ книги Нееміи²⁾. Во всякомъ случаѣ, историческое существованіе пророка Даниила весьма сомнительно: это только легендарный, миѳическій герой, поставленный пи-

¹⁾ Hitzig F. Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. X. Lieferung. Das Buch Daniel. Leipzig. 1850. S. VII—IX.

²⁾ Неем. 10, 2. 6. 23; 8, 4.

сателемъ его книги, сообразно со своими цѣлями и задачами, въ самую фантастическую и привлекательную обстановку и выведенный имъ въ качествѣ представителя богоизбраннаго народа въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ его политической и религиозно-нравственной жизни¹⁾.

По Ренану, пророкъ Данииль—это одинъ изъ миѳическихъ героевъ древнихъ сагъ; наша же каноническая книга Даниилова есть произведеніе фантазіи какого-то позднѣйшаго іудея,—легенда, въ цѣломъ своемъ составѣ и въ своихъ частностяхъ не только не вѣроятная, но даже и не правдоподобная²⁾.

Наряду съ только что указанными представителями отрицательной критики считаемъ возможнымъ поставить и тѣхъ изъ нихъ, которые не высказываютъ опредѣленнаго сужденія по поводу того, считаютъ ли они пророка Даниила только миѳическимъ лицомъ, или же, можетъ быть, и историческимъ, но только древнимъ патриархомъ, современникомъ Ноя и Іова, хотя въ то же время скорѣе склоняются въ пользу перваго предположенія. Таковъ прежде всего взглядъ Ленгерке.

Хотя пророкъ Іезекииль, говоритъ онъ, упоминаетъ о Даниилѣ, какъ объ извѣстной его современникамъ личности, и даже прилагаетъ къ нему тѣ же эпитеты, какіе употребляются въ книгѣ Данииловой³⁾, тѣмъ не менѣе считать этого Даниила современникомъ самого Іезекиіла, какъ передаетъ намъ книга Даниилова, нѣтъ основаній. Очевидно, Іезекииль имѣлъ въ виду древнѣйшаго Даниила, современника Ноя и

¹⁾ De-Wette W. M. L., bearb. v. E. Schrader. Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in die kanonischen und apokryphischen Bücher des Alten Testaments. 8. Ausgabe. Berlin. 1869. S. 488.

²⁾ Renan E. Histoire du peuple d'Israel. Tome IV. Paris. 1893. P. 342, 345—346. Tome III. 1891. P. 139—140, 384.

³⁾ וְדָנִיִּיל הַמְּדוּרָה („дорогой человекъ“). Іез. 14, 14. 20. Дан. 9, 23; 10, 11. 19.

Іова; объ этомъ же древнемъ мудрецѣ говоритъ и писатель книги Данииловой. По всей вѣроятности, среди плѣнныхъ іудеевъ передавалась какая-нибудь легенда о Даниилѣ (подобно тому, какъ существовали саги и объ Іовѣ, дѣйствительно исторической, только древнѣйшей по времени своей жизни личности); но эта легенда появилась именно не раньше плѣна вавилонскаго, — чѣмъ, конечно, объясняется и то, почему до Іезекіиля никто изъ древнихъ библейскихъ писателей не упомянулъ о Даниилѣ. Однако и послѣ Іезекіиля до времени самого писателя книги Данииловой ¹⁾ о Даниилѣ какъ-то никто не зналъ; по крайней мѣрѣ Іисусъ, сынъ Сираховъ, не упомянулъ даже его имени ²⁾. Что же касается характера самихъ легендъ (одной или многихъ) о Даниилѣ и эпохѣ плѣна вавилонскаго, послужившихъ основаніемъ книги Данииловой, то историческаго элемента въ нихъ весьма мало; только въ 5-й главѣ этой книги писатель ея воспроизвелъ сагу (да и то неправдоподобную во всякомъ случаѣ) о завоеваніи Вавилона и о послѣднемъ царѣ вавилонскомъ; все же прочее составляетъ собою подражаніе библейско-историческимъ рассказамъ, особенно исторіи Іосифа. И подражаніе это бываетъ иногда положительно рабскимъ: напр., какъ Іосифъ въ Египтѣ, такъ и Даниилъ въ Вавилонѣ живутъ въ качествѣ плѣнниковъ ³⁾, оба воспитываются при царскомъ дворѣ ⁴⁾, оба получаютъ мѣстныхъ языческія имена ⁵⁾, оба находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ начальниками евнуховъ ⁶⁾; тотъ и другой объясняютъ царямъ сновидѣнія, послѣ того какъ всѣ мудрецы и снотолкователи отказываются объяснить ихъ ⁷⁾;

¹⁾ Писатель этого жилъ, по мнѣнію Ленгерке, во время македавскихъ войнъ.

²⁾ Сир., гл. 41—50.

³⁾ Дан. 1, 2. 3. 6; Быт. 39, 1.

⁴⁾ Дан. 1, 4—5; Быт. 39, 1—6.

⁵⁾ Дан. 1, 7; Быт. 41, 45.

⁶⁾ Дан. 1, 9; Быт. 39, 2. 4. 21.

⁷⁾ Дан. 2, 1—11. 27—45; 4, 8—24; Быт. 41, 1—7. 8. 14—36.

тотъ и другой за это получаютъ большія награды и почести, достигаютъ высокаго положенія въ государствѣ ¹⁾ и т. д. Кроме библейско-историческихъ рассказовъ писатель книги Данииловой бралъ въ основаніе своего повѣствованія легенды и саги, заключающіяся то въ гагадѣ іудейской, то у языческихъ писателей. Наряду же съ подражаніемъ замѣтна здѣсь не малая доля и вымысла. И замѣчательно, что всѣ отдѣльные рассказы, передаваемые въ книгѣ Данииловой, слагаются изъ однихъ и тѣхъ-же элементовъ и заканчиваются всѣ совершенно одинаково — прославленіемъ какъ Бога іудейскаго, такъ и самого Даниила; такого рода построенія событій не бываетъ ни въ исторіи, ни даже въ историческихъ легендахъ и сагахъ. Что же касается частнѣйшей обрисовки передаваемыхъ фактовъ, ихъ дополненія и видоизмѣненія, то все это, несомнѣнно, принадлежитъ фантазіи самого писателя книги Данииловой ²⁾.

Подобно Ленгерке, рассуждаетъ и Блекъ: И онъ считаетъ упоминаемаго Іезекіилемъ мудреца Даниила отнюдь не современникомъ его, а однимъ изъ древнѣйшихъ патриарховъ, подобныхъ Ною и Іову, и притомъ не историческою личностью, а скорѣе поэтическимъ типомъ, подобнымъ Іову. Называя Даниила образцомъ мудрости и благочестія, Іезекіиль, рассуждаетъ Блекъ, имѣлъ въ виду дѣйствительно идеальную личность и притомъ не въ смыслѣ только общаго типа или отвлеченнаго идеала мудреца-праведника, но въ смыслѣ реальной, конкретной личности со всѣми отличительными ея качествами и особенностями, — словомъ, личность, по характеру своему близко подходящую къ той, какая изображена въ книгѣ Данииловой. Вѣроятно, самъ Іезекіиль узналъ объ этомъ древнѣйшемъ мудрецѣ изъ древней книги или легенды о немъ, которая, однако, во время плѣна вавилонскаго затерялась, такъ что и

¹⁾ Дан. 2, 48; Быт. 41, 42—43.

²⁾ Lengerke C. Das Buch Daniel. Königsberg. 1835. S. XCIII—XCIX.

писатель нашей канонической книги Даниловой не знал и не имѣлъ ее подъ руками. Онъ могъ воспользоваться только общимъ очеркомъ личности Даниила, какой дѣлаетъ о ней пророкъ Іезекіиль, и на основаніи только этихъ двухъ-трехъ словъ составилъ нашу, легендарную, конечно, книгу Данилову, наполнивъ ее всю цѣликомъ вымыслами своей услужливой фантазіи. Но почему же, спрашивается, онъ отнесъ этого древнѣйшаго мудреца-праведника къ эпохѣ именно плѣна вавилонскаго? А просто потому, что въ это именно время, какъ нельзя болѣе, былъ нуженъ такой мужъ вѣры, благочестія и мудрости, какимъ является Данииль у Іезекіиля,—такой пророкъ, который бы въ эту эпоху израильской исторіи, если не возстановлялъ, то защищалъ права угнетеннаго народа, свидѣтельствовалъ о величіи Бога іудейскаго и вызывалъ уваженіе къ поклонникамъ его. Да въ это именно время ¹⁾ и былъ среди іудеевъ какой-то Данииль—священникъ изъ потомства Исамарова, возвратившійся съ іудеями изъ плѣна ²⁾ и принимавшій вмѣстѣ съ Эздромъ и Нееміей дѣятельное участіе въ устроеніи новой жизни іудейской колоніи на развалинахъ прежняго отечества ³⁾. И замѣчательно, что, наряду съ Данииломъ—священникомъ, среди іудеевъ, возвратившихся изъ плѣна, встрѣчаются имена Ананіи, Азаріи и Мисаила: двое первыхъ принадлежали къ числу священниковъ или старѣйшинъ народныхъ, подписавшихся въ неуклонномъ исполненіи закона Господня ⁴⁾, а Мисаиль—одинъ изъ окружавшихъ Эздру при чтеніи имъ народу книги закона ⁵⁾. Можетъ быть, конечно, это чисто случайное совпаденіе именъ; тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ вниманія, такъ какъ Данииль и Мисаиль—это имена, чрезвычайно рѣдко встрѣчающіяся у евреевъ. Есть, поэтому, основаніе предположить, что позднѣйшій

¹⁾ Во всякомъ случаѣ, въ концѣ вавилонскаго плѣна.

²⁾ 1 Эздр. 8, 2.

³⁾ Неем. 10, 6.

⁴⁾ Неем. 10, 2. 23.

⁵⁾ Неем. 8, 4.

писатель книги Даниловой позаимствовалъ имена своихъ героевъ отъ этихъ именно лицъ. Зналъ ли онъ обстоятельства ихъ жизни и дѣятельности въ Вавилонѣ,—это, конечно, трудно сказать; но, во всякомъ случаѣ, на первый планъ онъ выдвинулъ личность Даниила, взявши отличительныя черты (схему) ее изъ книги Іезекіиля ¹⁾.

Подобно Блеку, и Фатке высказывается въ пользу заимствования писателемъ книги Даниловой именъ и основныхъ чертъ личностей своихъ героевъ, съ одной стороны, изъ книги Іезекіиля, съ другой—Эздры и Нееміи, считая самую книгу Данилову произведеніемъ фантазіи писателя ее ²⁾.

Большое, часто даже буквальное сходство съ гипотезами Ленгерке и Блека имѣетъ теорія Рима, который нашу каноническую книгу Данилову считаетъ только легендой, составленной на основаніи какой-то саги о древнемъ мудрецѣ Даниилѣ, легендарныхъ преданій о паденіи вавилонской монархіи, разукрашенныхъ притомъ же вымыслами самого писателя книги Даниловой, и извѣстныхъ мѣстъ книгъ Эздры и Нееміи, откуда заимствованы имена Даниила и друзей его ³⁾.

Такое же предположеніе высказываетъ Кампгаузенъ. Въ историческомъ существованіи пророка Даниила онъ, во всякомъ случаѣ, сильно сомнѣвается; книгу же Данилову считаетъ, конечно, легендой, въ основу которой легла та же сказочная сага о плѣнномъ уже Даниилѣ съ примѣсью разнаго рода другихъ элементовъ и приемовъ авторскаго поэтическаго искусства, разграничить и указать которые Кампгаузенъ, однако, не рѣшается ⁴⁾.

¹⁾ Bleek Fr. Einleitung in die heilige Schrift. I. Th. Einl. in d. A. T. 5. Aufl. Berlin. 1886. S. 437—439.

²⁾ Vatke W. Historisch-kritische Einleitung in das Alte Testament. Bonn. 1886. S. 666.

³⁾ Richm Ed., bearb. u. herausg. v. A. Brandt. Einleitung in das Alte Testament. X. Lieferung. Halle. 1890. S. 309—310.

⁴⁾ Kamphausen Ad. Das Buch Daniel und die neuere Geschichtsforschung. Leipzig. 1893. S. 42, 43.

Корниль тоже считает пророка Даниила однимъ изъ древнѣйшихъ патриарховъ, современникомъ Ноя и Юва, но никакъ не вавилонскимъ пророкомъ, современнымъ Іезекіилю, у котораго писатель книги Данииловой только позаимствовалъ имя своего героя; что же касается всей вообще книги Данииловой, какъ цѣльнаго художественнаго разсказа, то, по мнѣнію Корниля, писатель заимствовалъ его или изъ той-же саги о Даниилѣ, передававшейся по преданію, или просто самъ выдумалъ ¹⁾.

Взгляды названныхъ нами критиковъ раздѣляетъ въ общемъ и Смендъ ²⁾.

Наконецъ, Бернштейнъ, останавливаясь на тѣхъ-же словахъ Іезекіила, рѣшительно не допускаетъ, чтобы пророкъ съ такою лестною похвалою могъ отзываться о человѣкѣ, жившемъ рядомъ съ нимъ же въ плѣну, и потому или всѣ эти мѣста Іезекіила считаетъ неподлинными, или, по крайней мѣрѣ, упоминаемое здѣсь имя Даниила считаетъ позднѣйшей вставкой ³⁾.

Всѣ указанная нами гипотезы по существу тождественны между собою: различіе только въ частностяхъ, основныя же черты однѣ и тѣже. И на эти-то основныя пункты мы должны обратить свое вниманіе, чтобы, доказавши ихъ неосновательность, тѣмъ самымъ отнять прочность и твердость и у дальнѣйшихъ выводовъ и построеній изъ нихъ. Только взглядъ Бернштейна, направленный противъ самой подлинности извѣстныхъ мѣстъ Іезекіила, стоитъ въ этомъ отношеніи совершенно особнякомъ.

¹⁾ Cornill C. H. Grundriss der Theologischen Wissenschaften. II. Theil, I. Band. Einleitung in das Alte Testament. 2. Auflage. Freiburg im Br. 1892. S. 260.

²⁾ Smend R. Lehrbuch der alttestamentlichen Religionsgeschichte. Freiburg i. B. u. Leipzig. 1893. S. 516.

³⁾ Tschirner. Analecten, I, 3. S. 10.—Hengstenberg E. W. Beiträge zur Einleitung ins Alte Testament. I. Band: die Authentie des Daniel und die Integrität des Sacharjah. Berlin. 1831. S. 70—71.

Что же въ самомъ дѣлѣ сказать о немъ? Справедливо, во всякомъ случаѣ, отзывается на его счетъ Генгстенбергъ: „указанныя мѣста Іезекіила, говоритъ онъ, представляютъ собою такое неопровержимое доказательство въ пользу того что упоминаемые здѣсь Ной, Даниилъ и Іовъ суть дѣйствительно историческія лица (а не поэтическіе только образы), что ревностный противникъ этого историческаго свидѣтельства Бернштейнъ, чувствуя какъ-бы всю силу его, думаетъ, наконецъ, освободиться отъ него тѣмъ, что признаетъ его или вообще неподлиннымъ, или же искаженнымъ“ ¹⁾. Дѣйствительно, возраженіе Бернштейна само собою выдаетъ свою неосновательность: самъ Бернштейнъ не представляетъ въ свою пользу рѣшительно никакихъ не только доказательствъ, но и доводовъ; его гипотезу можно назвать только его личной догадкой или вѣрнѣе—упорствомъ и нежеланіемъ согласиться съ библейскимъ свидѣтельствомъ, всю силу котораго онъ долженъ былъ чувствовать. Довольно замѣтить, что книга пророка Іезекіила принадлежитъ къ числу немногихъ такихъ священныхъ книгъ, подлинность и неповрежденность которыхъ какъ въ общемъ ихъ составѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ признается и всѣми представителями отрицательной критики: по словамъ одного изъ наиболѣе видныхъ ортодоксальныхъ западныхъ богослововъ-эзегетовъ, „не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ самыя пророчества книги Іезекіилевоы, такъ и настоящая ихъ редакция принадлежатъ самому же Іезекіилю“ ²⁾. И въ самомъ контекстѣ рѣчи указанная мѣста Іезекіила сохраняютъ за собою свою полную силу, какъ оригинальныя именно, а не вставочныя слова. Рѣчь, изложенная въ 14 главѣ книги Іезекіилевоы, произнесена въ 6 годъ царствованія Седекіи ³⁾, когда онъ, на-

¹⁾ Hengstenberg. Beiträge z. Einleitung ins A. T. I. B. S. 74.

²⁾ Keil C. F. u. Delitzsch Fr. Biblischer Commentar über das Alte Testament. III. Theil, 3. Band. Leipzig. 1868. S. 10.

³⁾ Ср. Іезек. 8, 1.

Св. пророкъ Даниилъ.

дбась на защиту и поддержку могущественнаго египетскаго фараона Хофры или Вафрія ¹⁾, вздумалъ отложиться отъ вавилонскаго царя Навуходоносора, которому самъ же далъ клятву въ вѣрности; въ виду-то этого имѣвшаго совершиться клятвопреступленія, пророкъ и развиваетъ сначала общую мысль о вѣроломствѣ, за которое Господь наказываетъ мечемъ, голодомъ, лютыми звѣрями и моровою язвою, этими „четырьмя тяжкими казнями“ ²⁾, а рядомъ съ этимъ прибавляетъ: „и еслибы нашлись въ ней сіи три мужа: Ной, Данилъ и Іовъ,—то они праведностью своею спасли-бы только свои души... не спасли-бы ни сыновей, ни дочерей, а они, только они спаслись - бы“ ³⁾, т. е. даже и такіе праведники спасли-бы только себя, но не своихъ вѣроломныхъ соотечественниковъ и современниковъ;—или, по объясненію св. Ефрема Сирина, „ни Ной, который спасъ сыновей и женъ ихъ, ни Іовъ, который исходатайствовалъ помилованіе друзьямъ, ни Данилъ, который въ Вавилонѣ спасъ мудрецовъ и товарищей своихъ, еслибы теперь ходатайствовали за грѣшниковъ, то не были-бы услышаны и не спасли-бы ни сыновей, ни дочерей“ ⁴⁾. Изъ этого объясненія ясно видно, съ какою цѣлью и почему пророкъ говоритъ объ этихъ именно праведникахъ, а не о какихъ-либо другихъ. Видѣть здѣсь только позднѣйшую вставку едвали возможно; безъ этого свидѣтельства обличительная рѣчь пророка Іезекіиля потеряла-бы на половину свою грозную силу и далеко не имѣла-бы той выразительности и оригинальности, какую она имѣетъ теперь. Да и на одно имя Даниила нельзя смотрѣть, какъ на позднѣйшую вставку; безъ него не было-бы полного параллелизма рѣчи: какъ Ной является представителемъ первобытныхъ временъ человѣчества,

¹⁾ Ср. Іер. 44, 30.

²⁾ Іез. 14, 21.

³⁾ Іезек. 14, 14. 16. 18. 20.

⁴⁾ Творенія св. отцевъ. Томъ XXII: творенія св. Ефрема Сирина, часть 8. Москва. 1853. Стр. 19.

а Іовъ—средняго періода, такъ и Данилъ является образцомъ вѣры и праведности въ позднѣйшую эпоху іудейской исторіи. Что касается втораго мѣста Іезекіиля—въ 28 главѣ его книги, то и здѣсь, судя по смыслу рѣчи, едвали возможна позднѣйшая вставка. Рѣчь обращена къ царю тирскому въ виду завоеванія Тира Навуходоносоромъ, какъ свидѣтельства гнѣва Божія за чрезмѣрную гордость и самообожаніе царя тирскаго: „пустъ ты мудрѣ Даниила“, говоритъ къ нему пророкъ,—т. е., хотя ты и считаешь себя мудрѣ Даниила (который не только превзошелъ всѣхъ мудрецовъ халдейскихъ, но и получилъ отъ Бога откровеніе о судьбѣ цѣлыхъ царствъ и народовъ), но... „говоритъ Господь Богъ“... Такія образныя рѣчи весьма употребительны у священныхъ писателей.

Дальнѣйшія возраженія всѣ цѣликомъ строятся на этихъ двухъ свидѣтельствахъ пророка Іезекіиля. Мы не будемъ входить въ подробный разборъ каждой фразы, предлагаемой тою или другою теоріей: для насъ важно опровергнуть общія положенія, которыя собственно и имѣютъ отношеніе къ нашему вопросу. Нѣтъ нужды говорить о предполагаемомъ Гитцигомъ соотвѣтствіи между именемъ пророка Даниила и отличительными особенностями этого мудреца - праведника у Іезекіиля, такъ какъ факты такого рода соотвѣтствія общеизвѣстны и указанное нами соображеніе Гитцига, понятно, не лишено основанія. Справедливо и утвержденіе Блека, что пророкъ Іезекіиль имѣлъ въ виду не одинъ только отвлеченный типъ мудреца Даниила, а опредѣленную, конкретную личность, такъ какъ тогда только онъ могъ сопоставлять ее съ царемъ тирскимъ или ставить наряду съ Ноемъ и Іовомъ, вполне обрисованными и опредѣленными лицами. Но можно ли, далѣе, предполагать, будто самъ пророкъ Іезекіиль узналъ о Даниилѣ только изъ какой-то легенды о немъ, которая послѣ Іезекіиля куда-то затерялась—или навсегда уже, или только

до времени писателя книги Даниловой, имѣвшего ее подъ руками и положившаго въ основу своего произведенія? Такое предположеніе Блека, Ленгерке, Кампгаузена и другихъ, во всякомъ случаѣ, весьма странно; особенно непонятно внезапное то исчезновеніе, то появленіе этой легенды о древнемъ или плѣнномъ мудрецѣ Даниилѣ (будь она составлена даже во времена самого Іезекииля). Повидимому, такого рода легенда предназначалась для народа и должна была быть извѣстна современникамъ Іезекииля; а между тѣмъ, напр., пророки Іеремія и Варухъ, жившіе и писавшіе приблизительно въ одно время съ Іезекиилемъ, не знали, какъ видно, ни самой этой легенды, ни ея легендарнаго героя. Кромѣ того, еслибы даже пророкъ Іезекииль упомянулъ о Даниилѣ на основаніи только этой легенды о немъ, то и тогда самое упоминаніе это показывало - бы, что пророкъ считалъ самаго героя легенды за историческую именно личность; иначе было-бы странно и недостойно его пророческаго достоинства приводить въ примѣръ народу какихъ-то мифическихъ лицъ, устрашать грѣшниковъ какими-то призраками или ставить извѣстные историческіе факты проявленія гнѣва Божія надъ грѣшниками въ параллель съ мифами о какихъ-то баснословныхъ герояхъ.

Іезекииль, — говорятъ Гитцигъ, де-Ветте, Ленгерке, Блекъ и др., — въ своемъ упоминаніи о пророкѣ Даниилѣ ставитъ его между Ноемъ и Іовомъ, — слѣдовательно, видитъ въ немъ одного изъ древнихъ патриарховъ, современныхъ Ноею и Іову. Не будемъ пока касаться такого рода своеобразныхъ соображеній, такъ какъ объ этомъ вопросѣ придется говорить впоследствии. Для насъ важны теперь дальнѣйшія слова Гитцига: но Ной, говоритъ онъ, это — мифическая личность, а Іовъ — поэтическое лицо, созданное фантазіей писателя его книги¹⁾; слѣдовательно, — такое же мифическое или поэтическое

¹⁾ Такого рода взглядъ на характеръ личности св. Іова проводятъ Гит-

лицо есть и Данииль. Въ данномъ случаѣ, очевидно, Гитцигъ не уклоняется отъ общаго воззрѣнія представителей такъ называемой мифической теоріи, превращающихъ чуть не половину Библии въ сборникъ только мифовъ, лишенный какого бы то ни было историческаго значенія, — считающихъ не только древнѣйшихъ допотопныхъ патриарховъ, но и позднѣйшихъ — Авраама, Исаака, Іакова, даже Моисея и др. мифическими только героями, подобными греческимъ Геркулесу, Одиссею и др.¹⁾. Понятно, такого рода гипотезы строятся только на однихъ предположеніяхъ или какихъ-то апріорныхъ соображеніяхъ, но не представляютъ въ свою пользу никакихъ вѣскихъ доводовъ. Такъ, напр., исходя изъ филологическаго значенія именъ древнихъ патриарховъ, предполагаютъ, что все это имена древнееврейскихъ боговъ или полубоговъ; подъ эту же категорію именъ подводятъ и имя Ноя. Между тѣмъ, по словамъ одного изъ авторитетныхъ западныхъ богослововъ - экзегетовъ, имя это толкуютъ настолько различно и противорѣчиво, что установить какое-либо опредѣленное объясненіе имени Ноя положительно невозможно²⁾; и это вполне понятно, такъ какъ, по словамъ другого спеціальнаго изслѣдователя, филологическое значеніе этого имени такъ темно, что даже путемъ самыхъ смѣлыхъ комбинацій и гипотезъ едвали возможно извлечь изъ него какіе-либо признаки, указывающіе на Ноя, какъ на одного

цигъ и въ своемъ спеціальномъ комментарий „Das Buch Hiob.“ Leipzig u. Heidelberg. 1874. S. IX—XXIII. Комментарія его на книгу Бытія или какого-либо спеціальнаго сочиненія, откуда можно было-бы почерпнуть взглядъ Гитцига на характеръ личности Ноя, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ.

¹⁾ См., напр., *Fürst J. Geschichte der biblischen Literatur. I. Band. Leipzig. 1867, и др.*

²⁾ *Dillmann A. Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. XI. Lieferung. Die Genesis. 5. Auflage. Leipzig. 1886. S. 116.* Самъ Гитцигъ, по словамъ того-же Дильмана, объясняетъ имя Ноя, какъ „погоня“ (ibid., S. 116).

изъ древнееврейскихъ боговъ¹⁾. Или, напр., защитники мифической теоріи указываютъ на то, что библейскій рассказъ о первобытныхъ временахъ есть якобы только одинъ изъ національныхъ еврейскихъ мифовъ, такъ какъ замѣчено, что каждый народъ предваряетъ обыкновенно свою дѣйствительную исторію мифами о такъ называемыхъ доисторическихъ временахъ; ту же мѣрку прилагаютъ и къ исторіи Ноя. Между тѣмъ въ сущности эти же самые мифы различныхъ народовъ и племенъ служатъ только подтвержденіемъ истины библейскаго рассказа. Такъ, въ частности, историческое существованіе Ноя нельзя отрицать уже потому, что исторія этого патріарха неразрывно связана съ исторіей всемірнаго потопа; а послѣдняя (не только вообще, но даже и въ частностяхъ) до того запечатлѣлась въ памяти человѣчества, что, по словамъ одного спеціального изслѣдователя этого вопроса, „нѣтъ почти ни одного народа, который бы, наряду съ другими воспоминаніями о первобытныхъ временахъ, не сохранилъ и воспоминанія о потопѣ; конечно, первоначальное преданіе въ той или другой степени извращено, однако оно отражается у различныхъ народовъ въ самыхъ разнообразныхъ мифическихъ представленіяхъ, не лишенныхъ, понятно, національной окраски, среди которой, при всемъ томъ, ярко выступаетъ на видъ историческое зерно первоначальнаго преданія“²⁾. Эта мѣстная и національная окраска, это „націонализированіе и локализациа“³⁾ преданій о потопѣ бываютъ, понятно, у различныхъ народовъ весьма сильны: извращенія, смѣшенія, перестановки—все это здѣсь возможно; но основное зерно не теряется никогда и сохраняется сравнительно чистымъ у всѣхъ народовъ. Вездѣ

¹⁾ Baethgen F. Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte. Der Gott Israel's und die Götter der Heiden. Berlin. 1888. S. 153—154.

²⁾ Lükken H. Die Traditionen des Menschengeschlechts oder die Uroffenbarung Gottes unter den Heiden. Münster. 1856. S. 170.

³⁾ Ibid., S. 171.

есть представленіе о нравственномъ развращеніи *всего живущаго* на землѣ, какъ причинѣ потопа,—о Ное или, лучше, о нѣкоторомъ благочестивомъ человѣкѣ (какъ бы онъ ни назывался), спасшемся отъ потопа вмѣстѣ со своимъ семействомъ и избранными родами животныхъ и птицъ,—о ковчегѣ Ноевомъ и даже его формѣ,—о птицахъ, выпущенныхъ изъ ковчега,—о горѣ, на которой остановился ковчегъ, и ея географическомъ положеніи,—а во многихъ преданіяхъ даже о жертвѣ Ноевой послѣ потопа, о масличной вѣтви, о радугѣ и т. д.¹⁾ Что это значитъ? А то, что эти основные элементы рассказа, глубоко запечатлѣвшіеся въ памяти человѣчества и отражающіеся во всѣхъ самыхъ разнородныхъ и „націонализованныхъ“ мифическихъ представленіяхъ о потопѣ, и составляютъ ихъ *историческое зерно*, которое только подтверждаетъ истину библейскаго повѣствованія. Очевидно, исторія потопа, истребившаго дѣйствительно *все живущее* на землѣ, произвела самое сильное впечатлѣніе на послѣпотопное человѣчество, глубоко внѣдрилась въ памяти всѣхъ и каждого со всѣми даже мельчайшими подробностями, которыя и вошли въ національныя преданія различныхъ народовъ и племенъ послѣдующаго времени, принявъ только своеобразную окраску или, лучше выразиться, внѣшнюю оболочку. А если такъ, то понятно, что самого-то потопа не могло не быть; не могъ не существовать и Ной, такъ какъ и его образъ выступаетъ рѣшительно вездѣ, гдѣ только говорится о потопѣ. И вотъ почему для самаго предубѣжденнаго изслѣдователя библейско-историческихъ фактовъ отрицать частнѣйшія показанія Библии (напр., касательно лѣтъ жизни Ноя и т. п.) еще можно, потому что они не имѣютъ въ свою пользу другого доказательства, кромѣ авторитета Бытописателя; но отрицать крупныя

¹⁾ Lükken. Die Traditionen des Menschengeschlechts. S. 238—239; 174—267.—Fürst I. Geschichte d. bibl. Literatur. I. B. S. 109; 113; 102—117.

факты,—историческій характеръ потопа, существованіе самого Ноя,—считать все это за мифъ—это значитъ идти прямо противъ всеобщей вѣры, противъ общаго невольнаго сознанія и убѣжденія всего рода человѣческаго, противъ убѣжденія даже тѣхъ, которые не знаютъ и не хотятъ знать Библии. Прибавимъ, что о потопѣ, какъ историческомъ событіи, помимо высказанныхъ уже нами соображеній, говорятъ ассиро-вавилонскія клинообразныя надписи ¹⁾ и древніе языческіе историки ²⁾; о Ное же, какъ историческомъ лицѣ, упоминаютъ и послѣдующіе библейскіе писатели: пр. Исаія ³⁾, ап. Петръ ⁴⁾ и Павелъ ⁵⁾; а Спаситель даже ставитъ время Ноя, какъ историческое именно, въ тѣснѣйшую параллельную связь со Своимъ будущимъ вторымъ пришествіемъ ⁶⁾. Несомнѣнно, слѣдовательно, что Ной есть историческое (а не мифическое только) лицо, а потому и заключеніе Гитцига о мифическомъ характерѣ личности упоминаемаго у Иезекиила наряду съ Ноемъ Даніила само собою падаетъ.

Между тѣмъ Гитцигъ для обоснованія того-же положенія настаиваетъ еще на поэтическомъ, въ сущности такомъ же сказочномъ якобы характерѣ личности Иова ⁷⁾, но тоже без-

¹⁾ Покровский О. Я. „Разсказъ ассирійскихъ клинообразныхъ надписей о потопѣ“.—Труды Киев. д. Акад., 1879, № 1, стр. 127—154.—Астафьевъ Н. Древности вавилоно-ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ. СПб. 1882. Стр. 51—56.—Sayce A. H. Alte Denkmäler im Lichte neuer Forschungen. Leipzig. S. 26—38.

²⁾ Glairе I. B. Introduction historique et critique aux livres de l'Ancien et du Nouveau Testament. 3 édition. Tome III. Paris. 1862. P. 55.

³⁾ Ис. 54, 9.

⁴⁾ 1 Петр. 3, 20; 2 Петр. 2, 5.

⁵⁾ Евр. 11, 7.

⁶⁾ Мѡ. 24, 38—39; Лук. 17, 26—27.

⁷⁾ Это не личный взглядъ одного Гитцига: историческое существованіе Иова отрицаетъ талмудъ, отрицаютъ многіе какъ древнѣйшіе, такъ и новѣйшіе западные богословы-экзегеты.—Филаретъ. Происхожденіе книги Иова. Кіевъ. 1872. Стр. 2—3.

успѣшно. Въ книгѣ Иова личность этого святаго мужа изображается такими чертами и при такой обстановкѣ, которая гораздо болѣе свойственна повѣствованію о лицѣ, дѣйствительно существовавшемъ, чѣмъ легендѣ о придуманной только писателемъ личности: называется страна, гдѣ жилъ Иовъ, говорится о его семейной жизни и имуществѣ, его нравственныхъ качествахъ и положеніи среди соотечественниковъ и современниковъ, о постигшей его болѣзни, которая всегда существовала на востокѣ и извѣстна и теперь въ Египтѣ, о друзьяхъ Иова, изъ которыхъ каждый называется по имени, мѣстѣ ихъ жительства и т. д.;—все это служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ пользу историческаго именно характера личности Иова, тѣмъ болѣе, что древнимъ народамъ вообще не была свойственна эпическая поэзія, а скорѣе чисто-историческое или описательное творчество ¹⁾. Если историкъ іудейскій Иосифъ Флавій не упомянулъ объ Иовѣ, то это объясняется просто задачею его „Древностей“, какъ исторіи или лѣтописи собственно *іудейской*: какъ не-іудей, Иовъ не представлялъ особаго интереса для націи іудейской; но что книгу Иова Иосифъ зналъ и включилъ ее въ число 22 каноническихъ ветхозавѣтныхъ книгъ ²⁾,—это несомнѣнно; иначе не доставало-бы одной книги для образованія именно полнаго (изъ 22 книгъ) ветхозавѣтнаго канона. Нѣтъ недостатка и въ положительныхъ доказательствахъ въ пользу историческаго существованія Иова. Такъ, ап. Іаковъ называетъ его образцомъ терпѣнія для вѣрующихъ ³⁾ и этимъ показываетъ, что Иовъ, конечно, историческое лицо, въ чемъ, несомнѣнно, были убѣждены и читатели апостольскаго посланія; иначе странно было-бы апостолу призы-

¹⁾ Филаретъ. Происхожденіе книги Иова. Стр. 189, 184—186.

²⁾ Иосифъ Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуйлова. Ч. III. СПб. 1783. О древностяхъ іудейскихъ противъ Аппіона. Книга I. Стр. 350—351.

³⁾ Іак. 5, 11.

вать вѣрующихъ къ подражанію не дѣйствительному страдальцу, а какому-то призраку. Упоминается объ Іовѣ въ повеленіяхъ апостольскихъ ¹⁾, въ писаніяхъ отцевъ и учителей церковныхъ ²⁾, въ самыхъ древнѣйшихъ христіанскихъ мѣсяцесловахъ ³⁾. Христіанскіе пилигримы во времена Златоуста „отъ конца земли отправлялись въ Аравію, чтобы видѣть ту кучу навоза, на которой лежалъ Іовъ, и лобызать ту землю, на которой онъ страдалъ“ ⁴⁾. Мало того: этого великаго праведника чтутъ и мусульмане; о его благочестіи и несчастной судьбѣ упоминаетъ коранъ ⁵⁾; арабскіе историки опредѣляютъ мѣстность, въ которой онъ жилъ ⁶⁾; мусульманскіе пилигримы поклоняются находящимся на пути изъ Мекки въ Дамаскъ „могилѣ Іова“, его источнику, „купальнѣ“ и камню, къ которому, по преданію, прислонялся праведникъ-страдалецъ ⁷⁾. Эти вещественные памятники, разнообразныя преданія какъ христіанъ, такъ и арабовъ-мусульманъ, благоговѣніе къ праведнику тѣхъ и другихъ—все это, конечно, не можетъ имѣть въ своемъ основаніи одну только легенду объ Іовѣ, въ дѣйстви-

¹⁾ *Филаретъ*. Происхождение книги Іова. Стр. 188.

²⁾ *Glaire*. Introduction historique et crit. aux livres de l'An. et du N. T. Tome III. P. 262.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Филаретъ*. Происхождение кн. Іова. Стр. 221—222.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 188.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 214—215.

⁷⁾ *Филаретъ*. Происхождение книги Іова. Стр. 217—220.—*Keil* C. F. u. *Delitzsch* Fr. *Bibl. Commentar über d. A. T. IV. Th., 2. B. Das Buch Job*. Leipzig. 1864. S. 507 u. f.: „Das Job-Kloster in Hauran und die Jobs-Sage“ von Wetzstein.—*Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*, 1892, B. XIV, Heft 3, S. 142—147: „Der Hiobstein, Sachrat Eijüb, im Hauran“ von G. Schumacher. Band XV, Heft 4, S. 193—195: „Bemerkungen zu dem Hiobstein“ von Gr. Schack-Schackenburg. S. 196—204: „Zur Geschichte von Schech-Sa'd“ von I. P. van Kasteren. S. 205—211: „Der Hiobstein“ von A. Erman.

тельности никогда не существовавшемъ. Особенно знаменательны для насъ арабскія преданія объ Іовѣ: они восходятъ къ первымъ вѣкамъ христіанства и, естественно, заимствованы арабами отъ древнихъ христіанъ—жителей Аврана (гдѣ жилъ нѣкогда и Іовъ ¹⁾); но это доказываетъ только то, что арабы (даже сдѣлавшись впоследствии мусульманами) не отвергли памяти Іова, почитаемаго іудеями и христіанскою церковію, напротивъ преклонялись предъ нимъ, какъ величайшимъ праведникомъ, и—несомнѣнно—вѣрили въ его историческое существованіе. Нечего послѣ этого и говорить, можетъ ли имѣть силу утвержденіе Гитцига и Блека о поэтическомъ якобы характерѣ личности Іова, а отсюда такого-же рода заключеніе ихъ о Даніилѣ.

Не ограничиваясь такого рода сопоставленіемъ пророка Даніила съ Ноемъ и Іовомъ, путемъ чего Гитцигъ безуспѣшно надѣется доказать, что Даніилъ есть древнѣйшее и затѣмъ миѣическое лицо, онъ (Гитцигъ), для обоснованія того-же своего предположенія, строитъ дальнѣйшую хитросплетенную систему своихъ соображеній. Желая доказать, что Даніилъ дѣйствительно упоминается въ древнихъ „сагахъ“ и „легендахъ“, т. е. въ первой половинѣ Библии—сборникѣ древнихъ іудейскихъ мѣвовъ, по представленію Гитцига,—онъ принужденъ искусственно подводить нѣкоторыя библейскія имена подъ имя Даніила или отыскивать какую-либо аналогію между нимъ и кѣмъ-либо изъ древнѣйшихъ библейскихъ лицъ, съ которымъ можно было-бы, хотя-бы и съ натяжкой, прямо отождествить пророка Даніила; но предварительно намѣчаетъ опредѣленную „библейско-миѣическую“ эпоху, гдѣ онъ думаетъ искать своего Даніила: это—времена Авраама и Лота, въ частности—страшнаго истребленія городовъ Содомы и Гоморры, современникомъ котораго представляетъ Даніила будто-бы и самъ

¹⁾ *Филаретъ*. Происхождение книги Іова. Стр. 221.

Иезекииль. Что позволяет Гитцигу сдѣлать послѣднее предположеніе,—неизвѣстно. Нѣсколько раньше мы сдѣлали общій анализъ 14 главы книги прор. Иезекииля. Рѣчь эта, какъ видно прямо изъ чтенія ея, имѣетъ самое общее значеніе, говорить о вѣроломной странѣ вообще (а не о городахъ Содомѣ и Гоморрѣ) и преимущественно имѣетъ въ виду царство іудейское съ Седекіей во главѣ; это есть пророчество о страшномъ гнѣвѣ Божіемъ, имѣющемъ поразить іудейское царство въ случаѣ измѣны Седекіи вавилонскому царю. Послѣднее-то случайное обстоятельство и вызвало грозную обличительную рѣчь пророка Иезекииля, которая въ противномъ случаѣ была-бы совершенно безцѣльна. Почему же Гитцигъ видитъ здѣсь какъ-бы указаніе на опредѣленный фактъ—истребленіе городовъ Содома и Гоморры? Вѣдь эти города наказаны вовсе не за вѣроломство¹⁾, да и погибли они отъ сѣрнаго и огненнаго дожда²⁾, а не отъ „меча, голода, лютыхъ звѣрей и моровой язвы“, чѣмъ угрожаетъ пророкъ вѣроломной странѣ³⁾. Да еслибы даже и такъ, то что даетъ Гитцигу право считать Даниила, а вмѣстѣ съ нимъ Ноя и Іова современниками содомской катастрофы? Иезекииль говоритъ только слѣдующее: „еслибы нашлись въ ней сіи три мужа: Ной, Данииль и Іовъ,—то они праведностью своею спасли-бы только свои души“⁴⁾. Здѣсь, конечно, условное выраженіе, а вовсе не то, что эти три праведника дѣйствительно существовали въ то время, но только не были въ вѣроломной странѣ; во всякомъ случаѣ, Ной-то никоимъ образомъ не могъ жить еще во времена Авраама.

¹⁾ Быт. 19, 5; Иез. 16, 49; Іуд. 1, 7.

²⁾ Быт. 19, 24.

³⁾ Иез. 14, 21.

⁴⁾ Иез. 14, 14.

Намѣтивъ путемъ такого рода соображеній опредѣленную эпоху, въ которую будто-бы существовалъ (только не фактически, а въ народныхъ мифахъ) древнѣйшій Данииль, Гитцигъ ищетъ его среди извѣстныхъ намъ библейскихъ лицъ и находитъ, наконецъ, въ лицѣ Мелхиседека. Въ подтвержденіе такого своего страннаго отождествленія Гитцигъ ссылается прежде всего на филологическое сродство именъ Даниила и Мелхиседека: Данииль, рассуждаетъ онъ, значитъ „судья Божій“, а Мелхиседекъ—„царь правды и мира“;—но каждый царь, говоритъ онъ, есть въ тоже время и судья. Такого рода рассужденіе, такая грубая подтасовка двухъ якобы однозначащихъ словъ ясно говоритъ намъ о томъ, насколько заботился Гитцигъ о точности и основательности своихъ выводовъ. Имя Данииль значитъ собственно „Богъ есть (мой) судья“ или „судиль (меня) Богъ“¹⁾, но едвали можно переводить его черезъ „судья Божій“²⁾; Мелхиседекъ же значитъ „царь правды“ или „царь мира“, „царь салимскій“³⁾. Послѣднее имя обозначаетъ просто нарицательное качество лица, носящаго его (царь правды); между тѣмъ какъ имя Данииль указываетъ нѣкоторымъ образомъ на отношеніе человѣка къ Божеству; терминъ „судья“ здѣсь относится вовсе не къ человѣку, а къ Богу судящему. Мелхиседекъ самъ по себѣ есть „царь“, а Данииль вовсе не есть „судья“,

¹⁾ Кромѣ Кейля (*Keil* и *Delitzsch*. *Biblischer Commentar über d. A. T. III. Theil*, 5. Band: *bibl. Comm. über d. Proph. Daniel*, Leipzig. 1869. S. 1) такъ объясняетъ большинство толковниковъ, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ (*Lange*. *Theologisch-homiletisches Bibelwerk*. A. T. XVII. Theil: *der Prophet Daniel*—von O. Zöckler. Bielefeld u. Leipzig. 1870. S. 7.—*Cornely R.*, *Knabenbauer* I., *de Hummelauer* Fr. *Cursus scripturae sacrae*. *Comm. in V. T. pars III*, in *libros propheticos IV: comm. in Daniele prophetam, Lamentationes et Baruch*—auctore I. Knabenbauer. Parisiis. 1891. P. 3).

²⁾ Т. е. судья, который судить именемъ Божіимъ (*Knabenbauer*. *Comm. P. 3*); въ пользу такого толкованія ссылаются, напр., Цоклеръ (*Comm. S. 7*), но Кейль (*Comm. S. 1*) рѣшительно вооружается противъ него.

³⁾ מֶלֶךְ (царь) и רֶדֶף (правда); послѣднее слово, по толкованію Штейн-

а „Богъ есть ево судья“. Да и слова „судья“ и „царь“—во все не синонимы, какъ хочетъ этого, повидимому, Гитцигъ: царь, положимъ, есть судья, но судья никоимъ образомъ не есть царь; а между тѣмъ у Гитцига выходило-бы именно такъ: если Мелхиседекъ есть Данилъ, то и наоборотъ—Данилъ долженъ быть Мелхиседекомъ.—Вторую черту сходства между Даниломъ и Мелхиседекомъ Гитцигъ находитъ въ происхожденіи того и другого: о происхожденіи Данила, говорить онъ, мы почти ничего не знаемъ,—и Мелхиседекъ является чело­вѣкомъ безъ рода и племени. Послѣднее совершенно справедливо: ап. Павелъ называетъ Мелхиседека чело­вѣкомъ „безъ отца, безъ матери, безъ родословія“¹⁾; чисто житейскія отношенія его покрыты мракомъ неизвѣстности; между тѣмъ какъ личность пророка Данила выступаетъ предъ нами въ совершенно опредѣленномъ свѣтѣ: онъ происходитъ изъ колѣна (удова²⁾), изъ царскаго или княжескаго рода³⁾, преданіе указываетъ какъ мѣсто его рожденія, такъ и имя отца⁴⁾ и т. д.; ореолъ таинственности, который окружаетъ Мелхиседека, нисколько не простирается на Данила.—Какъ священникъ же, продолжаетъ Гитцигъ, Мелхиседекъ приносить жертвы и въ этомъ отношеніи уподобляется Ною и Иову, которые тоже приносили жертвы. Кажется, Гитцигъ потому вдругъ оборвалъ свои параллели между Даниломъ и Мелхиседекомъ и сопоставилъ послѣдняго съ Ноемъ и Иовомъ, что нашелъ между ними дѣйствительно аналогичную черту, благодаря которой ему представилась возможность прямо за-

берга (Еврейскій и халдейскій этимологическій словарь въ книгахъ ветхаго за­вѣта. Т. I. Вильва. 1878. Стр. 195),—есть вмѣстѣ и древнее названіе Салима (Иерусалима, хотя другіе подъ Салимомъ разумѣютъ совершенно иное). Въ томъ и другомъ смыслѣ объясняетъ имя Мелхиседека и ап. Павелъ (Евр. 7, 2).

¹⁾ Евр. 7, 3.

²⁾ Дан. 1, 6.

³⁾ Дан. 1, 3.

⁴⁾ S. *Eriphani* opera, tomus II. Editio nova (Dionysii Petavii Aurelianusensis). Coloniae. 1682. P. 242.

мѣнить въ извѣстномъ изреченіи пророка Іезекииля имя Данила именемъ Мелхиседека. Но и эта попытка Гитцига въ данномъ случаѣ совершенно бесполезна. Конечно, аналогія между Даниломъ—съ одной и Ноемъ и Иовомъ—съ другой стороны есть, но аналогія-то именно существенная, аналогія жизни и судьбы этихъ трехъ праведниковъ; искать же аналогіи въ чисто - случайномъ признакѣ (принесеніи жертвъ) нѣтъ основаній; было-бы еще естественнѣе поставить Мелхиседека въ параллель съ ветхозавѣтными священниками, такъ какъ священство—это все-таки нѣчто постоянное, а не случайное,—или наоборотъ—сопоставить Ноя и Иова съ Аарономъ и другими священниками и патриархами, приносившими жертвы, а не съ однимъ только Мелхиседекомъ. Очевидно, кромѣ странной и подчасъ даже курьезной подтасовки Гитцигомъ частнѣйшихъ мыслей и выраженій подъ общую точку зрѣнія своей теоріи, у него нѣтъ ничего.

Какъ бы то ни было, однако, увѣренный въ удовлетво­рительности своего доказательства въ пользу тождества Данила и Мелхиседека, Гитцигъ дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ: Мелхиседекъ, говоритъ онъ, есть, несомнѣнно, миѣическое лицо,—слѣдовательно, такая же легендарная личность въ сущности есть и Данилъ. Очевидно, вся искусственная теорія Гитцига касательно тождества Данила и Мелхиседека была направлена только къ тому, чтобы одною смѣлою фразою превратить пророка Данила въ миѣическую личность и прибавить еще одно доказательство въ пользу основной мысли своей гипотезы. Доказывать историческій характеръ личности Мелхиседека для насъ излишне: довольно уже высказанныхъ соображеній противъ желаемого Гитцигомъ отождествленія Данила съ Мелхиседекомъ. Понятно, что кто бы Мелхиседекъ ни былъ,—пророка Данила это нисколько не касается, такъ какъ между тѣмъ и другимъ нѣтъ рѣ-

нительно ничего общаго; подорвать историческій характер личности Даниила искусственныя построения Гитцига не въ силахъ.

Всѣ разобранныя нами доселѣ положенія указанныхъ выше теорій касаются исключительно извѣстныхъ намъ мѣстъ Іезекиіля, которыя положены для нихъ въ основу всего вообще изслѣдованія о Даниилѣ. Нельзя, однако, оставить безъ вниманія и нѣкоторыхъ соображеній представителей этихъ теорій на счетъ происхожденія и характера самой книги Данииловой, такъ какъ этого рода соображенія находятся въ тѣснѣйшей связи съ гипотезами ихъ о личности самого пророка и даже пополняютъ и разъясняютъ послѣднія. Положимъ, большаго значенія для насъ они имѣть не могутъ послѣ того, что было уже нами сказано въ пользу историческаго характера личности пророка; тѣмъ не менѣе общія замѣчанія о нихъ дать необходимо для восполненія уже сказаннаго и для болѣе обстоятельнаго разбора основныхъ положеній разбираемыхъ теорій въ ихъ взаимной связи. Какъ, напр., смотрятъ представители этихъ теорій на пророка Даниила, о которомъ говорится въ извѣстной подѣ его именемъ книгѣ (до сихъ поръ они говорили *только* о Даниилѣ, упоминаемомъ у пророка Іезекиіля)? Гитцигъ и Ленгерке совершенно справедливо отождествляютъ того и другого, несмотря на различную, какъ говорятъ они, обстановку, различныя эпохи, къ которымъ отнесены будто-бы тотъ и другой; но такъ какъ (слѣдуетъ таковаго рода заключеніе!) Іезекииль говоритъ о миѣическомъ Даниилѣ, то и тотъ Данииль, о которомъ передаетъ извѣстная подѣ его именемъ книга, есть такое же миѣическое лицо; самая же книга его есть миѣя или легенда, ничего историческаго въ себѣ не заключающая. Отвѣчать на такого рода возраженіе теперь излишне; все, что нужно было, уже сказано нами раньше: Данииль Іезекиіля есть историческое лицо; такая же историческая личность есть и Данииль, упоминаемый въ его книгѣ, которая въ свою очередь не есть только миѣя, такъ

какъ по меньшей мѣрѣ говорить объ *историческомъ* Даниилѣ. Довольно важный вопросъ: какъ смотрятъ представители разбираемыхъ нами теорій на самое составленіе книги Данииловой? Какіе элементы вошли сюда,—откуда черпалъ писатель свой матеріалъ для нея? Такого рода элементовъ признаютъ вообще нѣсколько: имя Даниила, говорятъ, писатель взялъ у пророка Іезекиіля, а еще вѣроятнѣе—у Нееміи, гдѣ говорится и объ Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ ¹⁾; общую схему личности Даниила и основныя черты ея взялъ у того-же Іезекиіля ²⁾; затѣмъ, воспользовался передававшимися среди народа сагами о самомъ же Даниилѣ, о паденіи Вавилона и о другихъ современныхъ плѣну событіяхъ ³⁾; отдѣльные эпизоды заимствовалъ изъ гагады іудейской ⁴⁾, изъ сочиненій какъ іудейскихъ, такъ и языческихъ историковъ и поэтовъ ⁵⁾; нѣкоторые эпизоды составилъ прямо по подражанію библейскимъ рассказамъ, особенно исторіи Іосифа ⁶⁾; а то и прямо выдумалъ ⁷⁾. Такого рода соображеніе, естественно, предполагаетъ присутствіе въ книгѣ Данииловой самыхъ разнородныхъ элементовъ: съ одной стороны, есть тамъ не только доля исторической правды, но и прямо истины богооткровеннаго ученія, заимствованнаго изъ Библии; съ другой—есть историческіе, вполне дѣйствительные факты; затѣмъ,—сюда вошли саги и преданія (имѣющія, предполагается, долю истины); наконецъ, свободное творчество, состоявшее или въ воспроизведеніи плодовъ собственной фантазіи, или въ заимствованіи такихъ же фантастическихъ элементовъ, или же въ подражаніи имъ. Нельзя, кажется, указать на другое какое-либо подобнаго рода произведеніе, гдѣ бы съ такою легкостью мирились и богооткро-

¹⁾ Гитцигъ, де-Ветте, Блекъ, Фатке, Римъ, Корниль.

²⁾ Гитцигъ, де-Ветте, Блекъ, Фатке.

³⁾ Ленгерке, Римъ, Кампгаузенъ, Корниль.

⁴⁾ Ленгерке.

⁵⁾ Ленгерке.

⁶⁾ Ленгерке.

⁷⁾ Ленгерке, Блекъ, Фатке, Римъ, Корниль.

Св. пророкъ Данииль.

венныя истины и миѡы, гдѣ бы все это незамѣтно слилось и составило одно цѣлое. Да и въ писателѣ самой книги это предполагало-бы чрезвычайное искусство: онъ долженъ былъ заимствовать самыя разнородныя начала—и не только разнородныя, но и прямо противоположныя, а затѣмъ умѣть соединить и слить ихъ такъ искусно, чтобы нигдѣ не замѣтно было слѣдовъ перехода отъ одного къ другому противоположному. Обратимся къ частностямъ. Могъ ли писатель книги Даниловой заимствовать имена упоминаемыхъ имъ лицъ изъ книги Нееминой? Разсуждая безотносительно,—конечно, могъ; но такой выборъ именъ былъ-бы очень страненъ. Самыя имена въ книгѣ Нееминой стоятъ въ такомъ порядкѣ и на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что соединеніе ихъ въ одномъ разсказѣ представляется крайне несообразнымъ: такъ, въ 10 главѣ книгѣ Нееминой (ст. 2, 6, 23) упоминаются имена только Азаріи, Даниила и Ананіи (Мисаила нѣтъ) и въ такомъ именно порядкѣ; притомъ между каждыми двумя изъ этихъ именъ приведены цѣлыя десятки другихъ именъ, такъ что нужны намъ имена совершенно теряются въ этомъ длиннѣйшемъ перечнѣ современниковъ Нееми. Затѣмъ, Азарія и Даниилъ здѣсь называются священниками; Ананія же принадлежитъ къ числу начальниковъ народныхъ: Мисаилъ упоминается совершенно при другихъ обстоятельствахъ (гл. 8, ст. 4); наряду съ нимъ называется только имя Ананіи, а нѣсколько далѣе—Азаріи, хотя и эти имена совершенно переплетаются со множествомъ другихъ; Ананія, притомъ, стоитъ по правую, а Мисаилъ—по лѣвую сторону Эвдры,—можетъ быть, какъ представители двухъ различныхъ партій. Естественно ли было-бы со стороны писателя книги Даниловой вырвать три имени изъ разныхъ главъ Библии, не разбирая того, чьи это имена, какіе люди какихъ направленій и положеній носили ихъ,—вырвать, соединить вмѣстѣ судьбу четырехъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, представить ихъ друзьями и т. д. и изъ всего этого составить цѣльную легенду?

А не лучше ли было-бы ему взять имена хоть четырехъ, напр., священниковъ, стоящихъ рядомъ съ Азаріей, если уже для главнаго своего героя онъ удержалъ имя Даниила, упоминаемое Іезекиилемъ? Это было-бы, конечно, сообразнѣе съ достоинствомъ писателя ¹⁾.—Далѣе, главныя черты характера своего героя писатель книги Даниловой, говорятъ, заимствовалъ изъ тѣхъ-же извѣстныхъ намъ мѣстъ Іезекииля. Но самыя эти мѣста настолько общи, черты Даниила, указанные въ нихъ, настолько, можно сказать, обычны и постоянны, что составить себѣ на основаніи ихъ какое-либо опредѣленное понятие объ индивидуальной именно личности пророка Даниила довольно мудрено. Положимъ, указанные мѣста пророка Іезекииля могли-бы послужить темою или задачею для послѣдующаго автора „легенды“ о Даниилѣ—мудрецѣ и праведникѣ; но разъ Іезекииль, какъ мы говорили, имѣлъ въ виду именно историческую личность, въ такомъ случаѣ и позднѣйшая „легенда“ о Даниилѣ была-бы въ родѣ историческаго романа, въ основѣ котораго лежали-бы историческіе факты или лица, фантазии же принадлежала бы только обстановка.—Затѣмъ, частнѣйшимъ матеріаломъ для писателя книги Даниловой, по взгляду представителей разбираемыхъ нами теорій, послужили саги о Даниилѣ, о паденіи Вавилона и др., легенды, заключающіяся въ гагадѣ іудейской, повѣствованія іудейскихъ и языческихъ историковъ и поэтовъ, а нѣкоторые эпизоды составлены по подражанію извѣстнымъ библейскимъ разсказамъ или просто выдуманы. Весь этотъ матеріалъ, взятый во всей совокупности своей ²⁾, заключаетъ въ себѣ, очевидно, не ма-

¹⁾ Замѣчательно, что Ленгерке, самъ сильный критикъ, вооружается противъ этой гипотезы Блека, считая ее несообразною съ самымъ содержаніемъ книги Даниловой (*Lengerke. D. Buch Daniel. S. XCIV*); а Генгстенбергъ доказываетъ (противъ Блека же), что и самыя имена Даниила и Мисаила вовсе не рѣдкость (*Hengstenberg. Beiträge z. Einleitung ins A. T. V. I. S. 75—76*).

²⁾ Ленгерке прямо называетъ всѣ эти источники во всей ихъ совокупности въ качествѣ матеріала для книги Даниловой.—*Lengerke. D. Buch Daniel. S. XCIV—XCIX*.

люю долю исторической правды: заимствования изъ древнихъ историковъ (Геродота, Ксенофонта, Флавія, Бероза, Абидена и др.) сами по себѣ, конечно, должны сообщить книгѣ Даниловой характеръ тоже историческаго романа. Что же касается сагъ и легендъ о Даниилѣ, времени плѣна вавилонскаго и т. д., то, хотя подѣ ними слѣдовало-бы разумѣть чисто-миѳическія произведенія народной литературы, тѣмъ не менѣе, напр., самъ Ленгерке признаетъ, что рассказъ книги Даниловой о паденіи Вавилона заимствованъ изъ исторической именно саги объ этомъ событіи, а вообще главные пункты книги Даниловой въ большей или меньшей степени основаны на историческихъ данныхъ. Сравнительно долѣе останавливается Ленгерке на подражательности, какъ одномъ изъ предполагаемыхъ имъ приемовъ писателя книги Даниловой. Наглядное доказательство этой подражательности онъ видитъ въ томъ, что каждый отдѣльный эпизодъ изъ жизни пророка Даниила заканчивается всегда одинаково,—прославленіемъ какъ Бога іудейскаго, такъ и самого пророка. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: миссія Даниила, пророка плѣна вавилонскаго, поставленнаго Богомъ въ совершенно исключительныя условія и особыя отношенія къ самимъ царямъ—побѣдителямъ народа іудейскаго, имѣла, несомнѣнно, громадное значеніе въ исторіи царства Божія; весьма естественно, поэтому, если въ книгѣ Даниловой описана не будничная жизнь его, какъ плѣнника - іудея, а именно блестящія страницы ея; нерѣдко пропускаются здѣсь цѣлыя двадцатилѣтія, чтобы отмѣтить одинъ блестящій шагъ, чтобы тѣмъ обнаружить предъ язычниками силу Іеговы, Бога побѣжденныхъ евреевъ, а вмѣстѣ и возвеличить Его посланника - пророка. Если, затѣмъ, нѣкоторые частные эпизоды изъ жизни пророка Даниила имѣютъ видимое сходство съ аналогичными имъ обстоятельствами жизни Іосифа въ Египтѣ, на что особенно указываетъ Ленгерке, то, наряду со сходствомъ, тѣ и другія имѣютъ не мало и различія. Конечно, можно бы объ-

яснять происхожденіе книги („легенды“) Даниловой подражаніемъ именно исторіи Іосифа, но только тогда, еслибы мы самого Даниила превратили въ миѳическое лицо; но разъ мы допускаемъ его историческое существованіе, тогда что удивительнаго, если два посланника Іеговы (Іосифъ и Даниилъ), поставленные въ аналогичныя условія жизни среди избраннаго народа съ одной—и языческаго населенія съ другой стороны и направлявшіе свою дѣятельность къ одной и той-же цѣли, встрѣчали въ своей жизни и отдѣльные аналогичные случаи или отвѣчали на нихъ оба аналогичнымъ образомъ? О послѣднемъ приемѣ при составленіи книги Даниловой,—фантазіи ея писателя, на что указываютъ нѣкоторые изъ представителей разбираемыхъ нами теорій,—нѣтъ нужды и говорить, разъ мы признаемъ пророка Даниила историческою личностью.

Усиливаясь во что бы то ни стало превратить самую книгу Данилову только въ миѳъ, Гитцигъ, де-Ветте и Блекъ пытаются рѣшить и частные вопросы о томъ, почему именно „миѳическій“ Даниилъ отнесенъ писателемъ его книги къ эпохѣ плѣна вавилонскаго, почему онъ представленъ современникомъ пророка Іезекіиля и почему плѣненіе его отнесено къ болѣе раннему времени, чѣмъ плѣненіе самого Іезекіиля,—и отвѣчаютъ на эти вопросы такимъ образомъ: отнесенъ въ эпохѣ плѣна вавилонскаго потому, что тогда нуженъ былъ такой религиозно-политическій дѣятель; представленъ современникомъ пророка Іезекіиля потому, что Іезекіиль-то и упоминаетъ о немъ; взятъ въ плѣнъ раньше Іезекіиля потому, что изображается у послѣдняго, какъ личность уже извѣстная всѣмъ и (предполагается) прославившаяся уже своими подвигами. Само собою разумѣется, что такое объясненіе представляетъ собою только подтасовку отдѣльныхъ фразъ съ цѣлью оправдать общую идею сторонниковъ разбираемой нами теоріи. Странно, напр., ссылаться на то, что въ эпоху плѣна вавилонскаго былъ нуженъ человекъ, подобный про-

року Даниилу. А развѣ, напр., во время египетскаго рабства былъ менѣе нуженъ такой вдохновенный мужъ, котораго, однако, не было, такъ какъ Иосифъ умеръ сравнительно скоро, а вслѣдъ за смертію его іудеи очутились въ положеніи несравненно худшемъ, чѣмъ въ какомъ впоследствии были въ Вавилонѣ¹⁾? Съ другой стороны, и въ Вавилонѣ развѣ не было пророка Іезекіиля и развѣ не могъ-бы онъ одинъ быть представителемъ и руководителемъ избраннаго народа, если-бы такъ предназначено было Промысломъ? Ясно, что не потому пророкъ Даниилъ изображается современникомъ Іезекіиля и плѣна вавилонскаго, что тогда именно онъ былъ особенно нуженъ, а потому, что въ это время онъ дѣйствительно существовалъ; только отрицаніе этой именно истинны и заставляетъ представителей разбираемыхъ нами теорій прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ, чтобы объяснить происхождение самой книги Данииловой, подорвать каноническое достоинство которой они, однако, не въ силахъ.

Мы кончили разборъ первой группы отрицательныхъ теорій, направленныхъ противъ историческаго характера личности пророка Даниила и его книги, у которой онъ стремятся отнять всякую вообще историческую подкладку. Разграничить взгляды этихъ мыслителей на самую личность Даниила и предположенія ихъ о книгѣ этого пророка мы не сочли удобнымъ въ виду той тѣсной связи, какая существуетъ, напр., между мѣстомъ (со стороны его содержания) и самымъ мѣстическимъ героемъ. Затѣмъ, разбирая основныя положенія указанныхъ теорій, мы стремились не къ тому, чтобы доказать историческій характеръ книги Данииловой во всѣхъ ея частяхъ и подробностяхъ²⁾, а имѣли въ виду провести только ту мысль, что въ основѣ ея лежитъ *ничто историческое*, — именно личность св. мужа, съ именемъ котораго и извѣстна

¹⁾ Исх., гл. 1.

²⁾ Рѣшеніемъ этого вопроса мы займемся впоследствии.

книга, — что книга эта, слѣдовательно, говоритъ объ *историческомъ* Даниилѣ, а не о мѣстическомъ. Въ виду важности этого рода вопроса, основательное рѣшеніе котораго должно служить краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ нашихъ выводовъ, мы и поставили разобранныя нами теоріи на первомъ мѣстѣ своего изслѣдованія и остановились на нихъ сравнительно долго. Дальнѣйшія возраженія относительно личности пророка Даниила касаются вопроса о томъ, въ какое именно время жилъ этотъ пророкъ, и рѣшаютъ его, болѣею частію, на основаніи тѣхъ-же разобранныхъ нами библейскихъ мѣстъ. Наша задача, поэтому, опредѣлится сама собою.

Переходимъ ко втораго рода гипотезѣ. Сущность ея можно выразить въ немногихъ словахъ, — до того она проста и безыскусственна по своему содержанию. Вся цѣликомъ она строится на тѣхъ-же 14-ой и 28-ой главахъ Іезекіиля, въ которыхъ пророкъ упоминаетъ о Даниилѣ, и касается только вопроса о томъ, къ какому времени нужно отнести упоминаемыхъ здѣсь Ноя, Даниила и Іова, судя по характеру и внутреннему содержанию самаго свидѣтельства о нихъ пророка Іезекіиля, причемъ историческое существованіе трехъ этихъ лицъ предполагается здѣсь само собою. Представители этой гипотезы — Графъ¹⁾, Рейсъ²⁾, Гавсратъ³⁾ и Мейеръ⁴⁾, признавая тожество мудреца — праведника Даниила, упоминаемаго Іезекіилемъ, съ Данииломъ, о которомъ говоритъ извѣстная подъ его именемъ библейская книга, въ тоже время считаютъ

¹⁾ Schenkel D. Bibel-Lexikon. I. Band. Leipzig. 1869. Artikel „Daniel“ (S. 563—574) — von Graf. S. 573.

²⁾ Reuss E. Die Geschichte der heiligen Schriften Alten Testaments. Braunschweig. 1881. S. 570.

³⁾ Hausrath A. Geschichte d. alttestamentlichen Literatur. Heidelberg. 1864. S. 120.

⁴⁾ Meier E. Geschichte der poetischen National-Literatur der Hebräer. Leipzig. 1856. S. 252.

невозможнымъ допустить, чтобы Іезекіиль въ указанныхъ мѣстахъ имѣлъ въ виду своего современника, 20—30-тилѣтняго юношу Даниїла, чтобы его именно онъ сопоставлялъ съ Ноемъ и Іовомъ или называлъ мудрѣйшимъ царя тирскаго, а потому считаютъ Даниїла древнѣйшимъ мудрецомъ-праведникомъ, жившимъ дѣйствительно во времена Ноя и Іова, въ такъ называемыя патріархальныя времена. Порядокъ же самыхъ именъ (Ной, Даниїль и Іовъ) въ книгѣ пророка Іезекііля указываетъ, говорятъ, и на хронологическую послѣдовательность жизни упоминаемыхъ здѣсь личностей: Даниїль, по этому представленію, жилъ между Ноемъ и Іовомъ, сравнительно близко будто-бы отстоящими другъ отъ друга.

Къ названному нами представителямъ такого рода теоріи примыкаетъ еще Кнобель, который, признавая въ Даниїлѣ, упоминаемомъ пророкомъ Іезекіилемъ, древнѣйшаго мудреца-праведника, современнаго Ною и Іову, вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ и существованіе другого Даниїла, о которомъ говоритъ книга его имени, и такимъ образомъ предполагаетъ двухъ Даниїловъ, какъ онъ выражается, „доплѣннаго“ и „плѣннаго“¹⁾.

Наша задача при разборѣ этого рода теоріи ясна. Такъ какъ указанные нами представители ея исходятъ изъ того, что пророкъ Іезекіиль, какъ предполагаютъ они, въ извѣстныхъ мѣстахъ своей книги не могъ говорить о своемъ современникѣ Даниїлѣ, а имѣлъ въ виду древнѣйшаго мудреца, жившаго во времена между Ноемъ и Іовомъ, то намъ нужно отвѣтить на слѣдующіе вопросы: могъ ли пророкъ Іезекіиль съ такимъ уваженіемъ отзываться о своемъ современникѣ Даниїлѣ? его ли именно онъ имѣлъ въ виду или, можетъ быть, какого-нибудь древнѣйшаго Даниїла? можно ли изъ порядка именъ упоминаемыхъ у Іезекііля лицъ выводить и послѣ-

¹⁾ Knobel A. Der Prophetismus der Hebräer. II. Theil. Breslau. 1837. S. 396.

довательный хронологическій порядокъ времени ихъ жизни и на этомъ основаніи относить Даниїла ко времени между Ноемъ и Іовомъ?

Отзывъ о Даниїлѣ пророка Іезекііля, дѣйствительно, такого рода, что невольно наводитъ на раздумье,—неужели Іезекіиль своего современника, 20—30-тилѣтняго юношу, за его праведность и благочестіе ставитъ наряду съ Ноемъ и Іовомъ, называя его въ то же время такимъ мудрецомъ, слава котораго дошла даже до царя тирскаго. Подобнаго рода недоумѣніе, какъ мы видѣли, смущало уже Ленгерке, который, раздумывая надъ этимъ вопросомъ, нашелъ болѣе естественнымъ признать Даниїла прямо миѣическимъ лицомъ¹⁾. На самомъ же дѣлѣ, невѣроятнаго въ этомъ отзывѣ пророка Іезекііля ничего нѣтъ. Первая рѣчь Іезекііля (14 гл.) произнесена имъ въ 6 годъ царствованія Седекіи²⁾, вторая же (28 гл.)—пятью годами позже, въ 11 годъ того-же Седекіи³⁾; слѣдовательно, со дня плѣненія пророка Даниїла до первой рѣчи Іезекііля прошло 13—14 лѣтъ⁴⁾, а до второй—18—19 лѣтъ. Посмотримъ теперь, что говоритъ о Даниїлѣ извѣстная подъ его именемъ богодухновенная книга. Уже во второй годъ царствованія Навуходоносора пророкъ Даниїль выдвигается въ среду высшаго языческаго общества; самъ онъ сознаетъ въ себѣ присутствіе „мудрости и силы“⁵⁾, которая дѣлаетъ его „мудрѣе всѣхъ живущихъ“⁶⁾ и за которую онъ былъ поставленъ главнымъ начальникомъ надъ всѣми муд-

¹⁾ Lengerke. Das Buch Daniel. S. XCIV.

²⁾ См. Іез. 8, 1. Іезекіиль ведетъ счетъ въ своей книгѣ со дня плѣненія Іехоніи и воцаренія, слѣдовательно, Седекіи (ср. Іез. 1, 2).

³⁾ См. Іез. 26, 1.

⁴⁾ 8 лѣтъ царствованія Іоакима отъ 3-го года его (Дан. 1, 1) до конца царствованія (4 Цар. 23, 36), три мѣсяца царствованія Іехоніи (4 Цар. 24, 8) и 5 слѣдующихъ лѣтъ Седекіи.

⁵⁾ Дан. 2, 23.

⁶⁾ Дан. 2, 30. Славянскій переводъ этого стиха гораздо выразительнѣе и точнѣе русскаго.

рецами вавилонскими ¹⁾; а нѣсколько раньше онъ успѣлъ прославиться своею мудростію и среди жившихъ въ Вавилонѣ своихъ соплеменниковъ ²⁾. Между тѣмъ это было на 11—12 лѣтъ раньше первой указанной нами рѣчи Іезекіиля ³⁾. Если, затѣмъ, обратимъ вниманіе на то, что необычайная мудрость пророка Даніила была плодомъ не обыкновеннаго человѣческаго развитія его, не результатомъ изученія имъ „книгъ и языка халдейскаго“ ⁴⁾, а по преимуществу сверхъестественнымъ даромъ Божіимъ, что открыто признавали и язычники ⁵⁾, тогда примемъ за несомнѣнное, что эти чрезвычайныя качества пророка, ставившія его выше всѣхъ мудрецовъ языческихъ, должны были привлекать къ нему уваженіе и почтеніе со стороны его современниковъ и разносить славу о немъ даже за предѣлы вавилонскаго государства. Возможно, поэтому, что пророкъ Даніиль былъ извѣстенъ по слухамъ и самому царю тирскому, мудрость котораго пророкъ Іезекіиль (гл. 28) сопоставляетъ съ мудростью Даніила; хотя, съ другой стороны, рѣчь Іезекіиля противъ Тира имѣла своими слушателями іудеевъ (а не самого царя тирскаго) и потому вполне могла относиться къ Даніилу, какъ мудрѣйшему изъ всѣхъ людей, такъ какъ за такового онъ былъ извѣстенъ среди современнаго ему общества—какъ языческаго (вавилонскаго), такъ и іудейскаго. Помимо мудрости, и нравственныя качества пророка Даніила не могли не привлекать къ нему глубокаго уваженія и искренней симпатіи среди его плѣнныхъ соотечественниковъ. Его ревность по вѣрѣ отечественной, строгое исполненіе обрядоваго закона, проявившееся еще на первыхъ порахъ жизни въ Вавилонѣ ⁶⁾ и, конеч-

¹⁾ Дан. 2, 48.

²⁾ Дан. 13.

³⁾ 1-й годъ Навуходоносора есть 4-й годъ Іоакима (Іер. 25, 1)

⁴⁾ Дан. 1, 4.

⁵⁾ Дан. 2, 23; 4, 6; 5, 11 и др.

⁶⁾ Дан. 1, 8.

но, только усилившееся въ послѣдующее время, несмотря на козни и угрозы его враговъ ¹⁾, пріобрѣтали ему тѣмъ большее уваженіе со стороны жившихъ въ Вавилонѣ іудеевъ, что они видѣли въ немъ одного изъ знатнѣйшихъ сановниковъ, всѣмъ своимъ положеніемъ обязаннаго языческимъ государямъ, но при всемъ томъ, гдѣ дѣло касалось интересовъ вѣры, ставившаго свое законное благочестіе выше самой жизни. На него они смотрѣли, какъ на ревностнѣйшаго поклонника Іеговы, а на самое его возвышеніе, какъ на начало прославленія имени Божія среди язычниковъ, которые до того времени съ пренебреженіемъ относились къ „національному“, какъ выражались они, Богу іудейскому, измѣряя силу Его могуществомъ и независимостью признававшаго Его народа; теперь въ Даніилѣ іудеи видѣли залогъ своего будущаго освобожденія. Несомнѣнно, и самъ пророкъ старался облегчать положеніе своихъ соплеменниковъ, выпрашивалъ для нихъ правителей изъ ихъ же среды ²⁾, ходатайствовалъ за нихъ предъ языческими властями и т. п. Почему же бы Іезекіиль, спустя уже 11—12 лѣтъ послѣ того, какъ Даніиль положилъ начало своему возвышенію и всеобщей извѣстности среди какъ язычниковъ, такъ и іудеевъ, не могъ говорить о немъ съ глубокимъ уваженіемъ и даже ставить его наряду съ Ноемъ и Іовомъ въ качествѣ заступника и ходатая предъ Богомъ за грѣшное человѣчество? Если Ленгерке рѣшительно не допускаетъ этого, то только потому, что не хочетъ признать въ Даніилѣ сверхъестественныхъ даровъ Божіихъ, направлявшихъ жизнь и дѣятельность его къ прославленію имени Іеговы среди какъ язычниковъ, такъ и самихъ же іудеевъ, и возвышавшихъ его самого, какъ истиннаго пророка и посланника Бога іудейскаго. Но если не извращать и не отрицать книги Даніиловой, какъ истинной исторіи жизни и дѣятельности это-

¹⁾ Дан. 6, 11.

²⁾ Дан. 2, 49; 3, 12.

го пророка, и сообразно съ этимъ совершенно естественно смотрѣть на самый ходъ его жизни и дѣятельности, тогда едвали можно будетъ поднять вопросъ, какой поднимаютъ Ленгерке, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ представители разбираемой нами теоріи.

Мы провели только — что ту мысль, что пророкъ Іезекіиль въ извѣстныхъ намъ своихъ рѣчахъ *могъ* говорить о своемъ современникѣ Даніилѣ. Но его ли именно онъ имѣлъ въ виду, или, можетъ быть, какаго-нибудь древнѣйшаго Даніила, на существованіи котораго настаиваютъ вообще представители разбираемой нами теоріи, а особенно упорно Кнобель? Поставленный нами вопросъ сводится въ сущности къ тому, существовалъ ли въ древнѣйшія времена какой-либо мудрецъ-праведникъ Даніиль, соотвѣтствовавшій по своему умственнымъ и нравственнымъ чертамъ отзыву о немъ пророка Іезекіиля? На это можно отвѣтить только отрицательно. Древнѣйшія библейскія книги не только не говорятъ о такомъ древнемъ Даніилѣ, но не упоминаютъ даже этого имени. Единственныя книги, гдѣ говорится о Даніилѣ—и именно о мудрецѣ и праведникѣ Даніилѣ—это книги пророка Іезекіиля и самого же Даніила. Позже вавилонскаго пророка Даніила упоминается какой-то священникъ Даніиль, современникъ Эздры и Нееміи ¹⁾; но это, съ одной стороны, позднѣйшая личность, съ другой—ничѣмъ незамѣчательная. Ясно, что или вообще, кромѣ двухъ позднѣйшихъ Даніиловъ, другихъ лицъ съ этимъ именемъ не было въ болѣе древнія времена израильской исторіи,—или же, если и были, то личности ничѣмъ не замѣчательныя, тервшіяся въ массѣ народа, такъ что и случай не могъ выдвинуть ихъ на страницы исторіи. Тѣмъ болѣе нѣтъ основанийъ предположить существованіе древняго *мудреца-праведника* Даніила. Вѣдь пророкъ Іезекіиль говоритъ о

¹⁾ 1 Эздр. 8, 2.

„знаменитомъ“ и извѣстномъ всѣмъ его слушателямъ и читателямъ праведникѣ; почему же не упомянулъ о немъ никто изъ библейскихъ писателей, если это есть древнѣйшій мудрецъ, извѣстный, предполагается, еще издавна? Библия передаетъ намъ массу именъ, приводитъ рассказы даже о недостойныхъ членахъ избраннаго народа, упоминаетъ о мелочныхъ фактахъ, имѣвшихъ то или другое значеніе для характеристики данной эпохи или извѣстнаго направленія, выставляетъ родословныя, хронологическія данныя и т. п.,—словомъ, все, что только имѣло интересъ и занимало умъ и нравственно-религіозное чувство первоначальныхъ ея читателей. Едвали можно, поэтому, допустить, чтобы въ тѣхъ-же священныхъ книгахъ ни слова не было сказано объ извѣстномъ всѣмъ древнѣйшемъ мудрецѣ-праведникѣ? Могли ли библейскіе писатели, пространно сообщающіе намъ о судьбѣ, напр., Агари, Измаила, Исава, умолчать не только о жизни, но даже объ имени древнѣйшаго праведника, который по своему благочестію поставленъ наряду съ Ноемъ и Іовомъ, а мудростію превосходить всѣхъ живущихъ на землѣ? Если исторія Ноя и Іова въ подробности передается въ другихъ библейскихъ книгахъ, читателямъ которыхъ вполне понятенъ и отзывъ о нихъ пророка Іезекіиля, то почему же нигдѣ не говорится о древнемъ Даніилѣ? Не значитъ ли это, что до Іезекіиля никто о Даніилѣ не зналъ, потому что до того времени такого мудреца — праведника и не существовало? А если такъ, то и пророкъ Іезекіиль имѣлъ въ виду того-же самаго Даніила, который съ нимъ вмѣстѣ жилъ въ вавилонскомъ плѣну, какъ передаетъ извѣстная подъ его именемъ богодухновенная книга, который и былъ этотъ всѣмъ извѣстный мудрецъ-праведникъ, подобный Ною и Іову.

Помимо указанныхъ уже соображеній, защитники „древнѣйшаго“ Даніила приводятъ еще одно основаніе, которое, по ихъ мнѣнію, не только говоритъ вообще о существованіи Даніила въ древнѣйшія времена, но и опредѣляетъ приблизительно

но время этого существованія: это—тоже самое мѣсто въ 14-ой главѣ книги пророка Іезекіиля, гдѣ упоминается о Ной, Даниилъ и Іовъ (въ такомъ именно порядкѣ); порядокъ именъ, говорятъ, указываетъ и на послѣдовательный хронологическій порядокъ времени жизни упомянутыхъ здѣсь лицъ. Такъ ли это? Мы знаемъ, что Ной жилъ въ такъ называемыя „первобытныя“ или „патріархальныя“ времена, до и послѣ потопа, хронологическая дата котораго не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Іова же, благодаря отсутствію въ его книгѣ хронологическихъ и историческихъ данныхъ и неопредѣленности частнѣйшихъ показаній, древніе и новѣйшіе писатели-экзегеты относили одни ко временамъ Авраама, другіе—Моисея, третьи—судей, четвертые—Давида и Соломона, а нѣкоторые—даже плѣна вавилонскаго ¹⁾. Все это, впрочемъ, частныя мнѣнія, не имѣющія общепринятаго значенія въ церкви и наукѣ. Вообще же большинство богослововъ-историковъ ²⁾ ограничиваютъ приблизительно время жизни Іова, съ одной стороны, временемъ Авраама, съ другой—египетскаго рабства или Моисея. Какъ видимъ, пророкъ Даниилъ никоимъ образомъ не могъ быть современникомъ Ноя и Іова, а тѣмъ болѣе предшественникомъ послѣдняго. Чѣмъ же объяснить порядокъ именъ этихъ мужей въ книгѣ пророка Іезекіиля? Конечно, не стремленіемъ къ исторической и хронологической точности, а нѣкоторыми теоретическими соображеніями, желаніемъ подтвердить основную мысль доказательствами и примѣрами и притомъ въ порядкѣ наиболѣе удобномъ для большей выразительности и силы рѣчи ³⁾. Указы-

¹⁾ Филаретъ. Происхождение книги Іова. Стр. 2, 247, 261.

²⁾ Въ томъ числѣ и наши—м. Филаретъ, Богословскій, Лопухинъ и др.

³⁾ Kliefoth Th. Das Buch Daniels. Schwerin. 1868. S. 32.—Keil C. F. und Delitzsch F. Bibl. Commentar über d. A. T. III. Th., 3. B.: bibl. Comment. über d. Proph. Ezechiel. S. 115.—Dass. III. Th., 5. B.: bibl. Comm. über d. Proph. Daniel. S. 25.—Hengstenberg E. W. Beiträge zur Einleitung ins A. T. I. B. S. 73.

ваютъ и частнѣе соображенія и мотивы, по которымъ пророкъ Іезекіиль расположилъ имена упоминаемыхъ имъ мужей въ томъ, а не иномъ порядкѣ ¹⁾. Генгстенбергъ, напр., называетъ Іова „менѣе пригоднымъ“ для даннаго случая примѣромъ, чѣмъ Ной и Даниилъ: послѣдніе жили среди порочнаго народа и сами были проповѣдниками и обличителями его, подобно пророку Іезекіилю; между тѣмъ о религіозно-правственныхъ убѣжденіяхъ чужеземнаго племени, среди котораго жилъ Іовъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго; да и самъ Іовъ никогда не былъ проповѣдникомъ или миссіонеромъ. Если пророкъ Іезекіиль и упоминаетъ о немъ, то только какъ объ идеальномъ праведникѣ, ходатайство котораго имѣетъ большую цѣну предъ Богомъ ²⁾. Циндель, находя такое объясненіе недостаточнымъ, строитъ свое предположеніе: по нему, Даниилъ занимаетъ „центральное и универсальное положеніе“ среди своихъ соотечественниковъ, въ силу котораго онъ, какъ посредникъ между Богомъ и народомъ избраннымъ, подобно Ною и Іову, приноситъ свою праведность въ жертву Богу за грѣхи этого народа ³⁾. Объясненіе это, само по себѣ темное и искусственное, кажется, гораздо менѣе даетъ отвѣта на занимающій насъ вопросъ, чѣмъ предположеніе Генгстенберга. Гораздо болѣе состоятельна раздѣляемая большинствомъ толковниковъ довольно интересная гипотеза о постепенности, такъ сказать, религіозно-общественныхъ заслугъ упоминаемыхъ пророкомъ Іезекіилемъ

¹⁾ Экзегеты, признающіе Іова только поэтическимъ лицомъ, объясняютъ дѣло весьма просто: по ихъ соображенію, Іезекіиль называетъ сначала двухъ историческихъ лицъ—древнѣйшаго и позднѣйшаго времени, а затѣмъ уже Іова, представителя идеальнаго міра. Такъ объясняютъ Деличъ (*Herzog u. Plitt. Real-Encyclopädie für protestant. Theologie u. Kirche. 3. B. Leipzig. 1878. Artikel „Daniel“, S. 469*), Цоклеръ (*Lange. Theol.-homilet. Bibelwerk. A. T. XVII. Th. S. 11*), Кранихфельдъ (*Das Buch Daniel. Berlin. 1868. S. 12*) и др.

²⁾ Hengstenberg E. W. Beiträge z. Einl. ins A. T. I. B. S. 72—73.

³⁾ Zündel D. Kritische Untersuchungen über die Abfassungszeit des Buches Daniel. Basel. 1861. S. 263—268.

лицъ. Ной, говорятъ, своею праведностью спасъ отъ потопа своихъ дѣтей, а чрезъ нихъ, такимъ образомъ, и весь родъ человѣческій, происшедшій отъ нихъ впоследствии¹⁾; Данииль избавилъ отъ смерти вавилонскихъ мудрецовъ, на которыхъ обрушился гнѣвъ царскій, а вмѣстѣ съ ними и своихъ друзей, подвергавшихся тому-же наказанію²⁾; съ другой стороны, облегчалъ положеніе народа іудейскаго въ плѣну и спасалъ его отъ преждевременнаго нравственнаго истощенія и гибели; Іовъ же спасъ отъ гнѣва Божія только своихъ друзей³⁾, но не могъ спасти даже собственныхъ дѣтей⁴⁾. Такого рода постепенность религіозно-общественныхъ заслугъ трехъ этихъ лицъ и послужила, по мнѣнію Геферника⁵⁾, Филлера⁶⁾, Клифота⁷⁾, Кранихфельда⁸⁾, Кейля⁹⁾ и другихъ, основаніемъ для расположенія именъ ихъ у Іезекіиля въ такомъ, а не иномъ порядкѣ. Соображеніе, не чуждое, конечно, нѣкотораго рода натянутости, но при всемъ томъ болѣе другихъ отвѣчающее своей цѣли. Цоклеръ еще указываетъ на созвучіе именъ Ноя, Даниила и Іова, или лучше, сказать, на метрическіе законы ветхозавѣтной поэзіи¹⁰⁾, въ силу которыхъ для благозвучія нужно было поставить указанная имена въ такомъ именно порядкѣ, въ какомъ они дѣйствительно стоятъ

¹⁾ Быт., гл. 6—9.

²⁾ Дан., гл. 2.

³⁾ Іов. 42, 7—9.

⁴⁾ Іов. 1, 19.

⁵⁾ *Hävernick* H. A. Ch. Handbuch der historisch-kritischen Einleitung in das Alte Testament. B. II, Abtheil. 2. Erlangen. 1844. S. 455.

⁶⁾ *Füller* I. L. Der Profet Daniel. Basel. 1868. S. 379.

⁷⁾ *Kliefoth* Th. Das Buch Daniels. S. 32.

⁸⁾ *Kranichfeld* R. Das Buch Daniel. S. 12.

⁹⁾ *Keil* C. F. u. *Delitzsch* Fr. Bibl. Comm. üb. d. A. T. III. Th., 3. B.: bibl. Comm. üb. d. Proph. Ezechiel. S. 115.

¹⁰⁾ Пророческія рѣчи, по крайней мѣрѣ, со стороны своей формы, несомнѣнно, носятъ на себѣ печать поэтическаго творчества.

въ книгѣ пророка Іезекіиля¹⁾,—и въ доказательство представляетъ подобнаго рода примѣры „эвфоническаго“ порядка именъ въ Библии: порядокъ именъ сыновей Ноя—Симъ, Хамъ и Іафетъ²⁾, изъ которыхъ однако Хамъ былъ моложе своихъ братьевъ³⁾,—порядокъ именъ дочерей Іова⁴⁾ и т. п.⁵⁾. Предположеніе это, несомнѣнно, имѣетъ свою цѣну: рѣчь и метръ играютъ большую роль въ священной еврейской поэзіи и письменности вообще; и если законы благозвучія соблюдаются даже въ чисто-прозаическихъ (историческихъ) произведеніяхъ ветхозавѣтной письменности, тѣмъ естественнѣе, конечно, видѣть выраженіе ихъ въ поэтическихъ отдѣлахъ Библии,—въ пророческихъ рѣчахъ. И это доказываетъ только то, что часто вообще естественный порядокъ выраженія мыслей уступаетъ свое мѣсто особымъ законамъ литературнаго творчества; съ этой стороны нужно смотрѣть и на расположеніе именъ упоминаемыхъ у Іезекіиля лицъ. А что порядокъ именъ въ Библии далеко не всегда бываетъ хронологическимъ, за это говорятъ не только представленные Цоклеромъ примѣры. Такъ, въ перечнѣ именъ знаменитыхъ мужей у Сираха, вслѣдъ за именами Іосіи, Іереміи, Іезекіиля, 12 пророковъ, Зоровавеля, Іисуса, сына Іоседекова, и Нееміи, слѣдуютъ имена Эноха, Іосифа, Сима, Сиеа, Адама⁶⁾; въ перечнѣ ветхозавѣтныхъ мужей вѣры у ап. Павла стоитъ такой рядъ именъ: Геденъ, Варакъ, Самсонъ, Іефѳай, Давидъ, Самуиль⁷⁾; Спасителя, по словамъ апостоловъ, народъ отождествлялъ то съ Іоанномъ Крестителемъ, то съ Ілией,

¹⁾ Созвучіе или благозвучіе это видно, конечно, не въ нашей славянской или русской, а въ еврейской Библии.

²⁾ Быт. 9, 18; 10, 1.

³⁾ Быт. 9, 24.

⁴⁾ Іов. 42, 14.

⁵⁾ *Lange* I. P. Theol.-homil. Bibelwerk. A. T. XVII. Th. S. 11—12.

⁶⁾ Сир. 49, 1. 8. 10. 12—18.

⁷⁾ Евр. 11, 32.

Св. прор. Данииль.

то съ Иереміей ¹⁾. Насколько указанные примѣры отступаютъ отъ хронологическаго порядка, въ какомъ стоятъ упомянутыя здѣсь лица въ исторіи, это очевидно само собою.

Вообще, только-что разобранная нами гипотеза основана на неправильномъ пониманіи извѣстныхъ мѣстъ изъ книги пророка Іезекіиля, которыя, на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, не даютъ права дѣлать предположенія и выводы, какіе дѣлаютъ названные нами представители этой гипотезы.

Тѣже самыя мѣста Іезекіиля служатъ исходнымъ пунктомъ и для слѣдующей теоріи, представителями которой являются Эвальдъ, Христіанъ Карлъ Бунзенъ, Кюнень и Веберъ, признающіе пророка Даниила историческимъ лицомъ и относящіе его ко времени плѣна, но плѣна не вавилонскаго, а ассирійскаго (израильскаго).

Сопоставляя указанные мѣста Іезекіиля съ повѣствованіями книги Данииловой, Эвальдъ справедливо заключаетъ, что тѣ и другія говорятъ объ одномъ и томъ-же мудрецѣ-праведникѣ, дѣйствительно существовавшемъ нѣкогда и извѣстномъ всѣмъ вавилонскимъ іудеямъ. Самъ же Іезекіиль, продолжаетъ онъ, узналъ о Даниилѣ изъ какой-то книги или легенды о немъ, подобно тому, какъ о Ноѣ и Іовѣ онъ прочиталъ въ извѣстныхъ намъ библейскихъ книгахъ. Какая же это книга о Даниилѣ, которою пользовался пророкъ Іезекіиль? Несомнѣнно, не наша каноническая книга Даниилова, составленная гораздо позже самого Іезекіиля и относящая своего Даниила ко времени плѣна вавилонскаго; послѣднее составляетъ всецѣло плодъ фантазіи писателя ея. Впрочемъ, за исключеніемъ хронологическихъ и топографическихъ датъ, основная идея этой книги въ общемъ вѣрна: Даниилъ жилъ дѣйствительно въ плѣну вмѣстѣ со своими соплеменниками и дѣй-

¹⁾ Мо. 16, 14.

ствовалъ среди языческаго населенія. Но это было не въ Вавилонѣ, а въ болѣе раннее время, какъ предполагаетъ, очевидно, и самъ Іезекіиль. Упоминаемый имъ Даниилъ былъ одинъ изъ передовыхъ людей израильскаго десятиколѣннаго царства, былъ взятъ въ плѣнъ при разрушеніи Самаріи ассиріянами ¹⁾, жилъ въ Ниневіи при дворѣ ассирійскихъ государей и здѣсь достигъ широкой извѣстности среди языческаго населенія. Здѣсь же въ Ниневіи явилась первоначально и сага о немъ, которая вскорѣ же была записана и въ видѣ книги переходила изъ рукъ въ руки, такъ что имя и дѣянія мудреца-праведника Даниила вскорѣ стали извѣстны всѣмъ его соплеменникамъ; а 100 слишкомъ лѣтъ спустя, когда вблизи тѣхъ-же мѣстъ поселились вавилонскіе плѣнники-іудеи, таже книга о Даниилѣ перешла и къ нимъ; ее-то и имѣлъ въ рукахъ пророкъ Іезекіиль и изъ нея-то онъ и узналъ о существованіи ассирійскаго Даниила. Что передавалось въ этой древней „книгѣ“ о Даниилѣ,—сказать опредѣленно, конечно, нельзя; но можно думать, что она въ точности передавала отдѣльные факты и событія изъ жизни этого мудреца-праведника (на основаніи которыхъ составилъ свой отзывъ и самъ пророкъ Іезекіиль), въ частности говорила о дѣятельности его среди высшихъ классовъ языческаго общества и при дворѣ ассирійскихъ государей, воспроизводила видѣнія и пророчества Даниила о политической смѣнѣ и преемствѣ языческихъ государствъ и т. д.; но были ли здѣсь топографическія и хронологическія даты,—трудно сказать. Во

¹⁾ Это было, по опредѣленію 4-ой книги Царствъ (18, 10; 17, 6), въ 6-й годъ Езекиа, царя іудейскаго, и въ девятый годъ Осии, царя израильскаго, въ 721 г. до Р. Хр., за 100. слишкомъ лѣтъ до начала плѣна вавилонскаго. Начало разрушенію Самаріи положили Салманассаръ V, царь ассирійскій (4 Цар. 17, 5; 18, 9.—*Астафьевъ* Н. Древности вавилоно-ассирійскія. Стр. 102), а закончилъ его преемникъ Салманассара Саргонъ (*Schrader* E. Keilinschriftliche Bibliothek. Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten. В. II. Berlin. 1890. S. 55).

всякомъ случаѣ, по мнѣнію Эвальда, „книга“ эта легла въ основу и послужила прекраснымъ матеріаломъ для нашей канонической книги Даниловой; на это послѣдняя и указываетъ, когда говоритъ о какихъ-то „видѣніяхъ“, записанныхъ уже раньше и бывшихъ подъ рукою у писателя ея¹⁾. Писатель этотъ, какой-то іудей позднѣйшаго времени, представилъ Даниила при той-же обстановкѣ, при какой онъ изображается въ древней „книгѣ“ о немъ; изобразилъ его въ плѣну, при дворѣ языческихъ государей, вложилъ ему въ уста тѣже заимствованныя изъ древней „книги“ пророчества и видѣнія и т. д., но вмѣстѣ съ этими историческими данными перенесъ въ другое мѣсто и въ другую эпоху,—въ эпоху вавилонскаго плѣна и ко двору вавилонскихъ государей, опредѣливъ дѣятельность Даниила хронологически,—съ одной стороны, 3 годомъ Іоакима²⁾, съ другой—1-мъ и даже 3-мъ годомъ Кира³⁾. На это онъ имѣлъ свои причины: современники его не знали въ частности ни одного ассирійскаго государя,—между тѣмъ о Навуходоносорѣ, завоевателѣ іудейскаго царства, имѣли подробныя свѣдѣнія уже изъ того, что передаютъ о немъ библейскія книги Царствъ и Паралипоменонъ и пророческія книги Іереміи и Іезекиля; вѣроятно, существовали и какія-либо преданія, воспоминанія и легенды о немъ. И вотъ, естественно, писатель книги Даниловой вмѣсто того, чтобы придумывать историко-политическую подкладку для главной идеи своего рассказа, взялъ ее цѣликомъ изъ готоваго уже историческаго матеріала, приурочивъ Даниила ко времени Навуходоносора и слѣдовавшихъ за нимъ вавилонскихъ и мидо-персидскихъ государей. Подтвержденіемъ такого произвола со стороны писателя этой книги служатъ содержащіяся въ ней пророчества о четырехъ преемственныхъ другъ послѣ друга языческихъ

¹⁾ Дан. 11, 14.

²⁾ Дан. 1, 1.

³⁾ Дан. 1, 21; 10, 1.

царствахъ, по смыслу самыхъ пророчествъ,—совершенно отличныхъ другъ отъ друга по своему племенному составу, по своей исторической судьбѣ и т. д. Обыкновенно разумѣютъ подъ этими царствами вавилонское, мидійское, персидское и греческое; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ разъединять мидійское и персидское царства нельзя: въ 8 главѣ книги Даниловой оба они представлены, какъ одно царство, подъ образомъ двурогаго барана; да и вавилонское царство, по историческимъ даннымъ, было покорено не однимъ мидійскимъ, а мидо-персидскимъ царемъ Киromъ. Вѣроятно, поэтому, что въ древней „книгѣ“ о Даниилѣ, которую имѣлъ подъ руками писатель нашей канонической книги Даниловой, тѣже четыре царства были ассирійское, вавилонское, мидо-персидское и греческое; самъ же писатель, перенеся Даниила въ эпоху вавилонскаго плѣна, долженъ былъ, естественно, начать счетъ тоже съ вавилонскаго царства, но вслѣдъ затѣмъ, чтобы удержать идею четверичнаго числа царствъ,—разбить одно мидо-персидское царство на два самостоятельныя—мидійское и персидское. Можетъ быть, впрочемъ, продолжаетъ Эвальдъ, писатель началъ именно съ вавилонскаго царства и неумышленно,—вслѣдствіе или незнанія древней исторіи или неточнаго разграниченія царствъ ассирійскаго и вавилонскаго, такъ какъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ библейской письменности болѣе назидательнаго, чѣмъ историческаго характера событія и личности ассирійскаго и вавилонскаго царства часто смѣшиваются между собою; напр., въ книгѣ Іудивъ Навуходоносоръ называется царемъ ассирійскимъ, царствовавшимъ въ Ниневіи, и т. д. И въ нашей книгѣ Даниловой довѣрять ея историческимъ подробностямъ нельзя: она преслѣдуетъ дидактическую и нравоучительную, а вовсе не историческую цѣль¹⁾.

¹⁾ Ewald H. Die Propheten des Alten Bundes. 2. Ausg. III. Band. Göttingen. 1868. S. 313—316.—Ewald H. Geschichte des Volkes Israel. IV. B. 3. Ausg. Göttingen. 1864. S. 397.—Ewald H. Jahrbücher der bibl. Wissenschaften III. Jahrbuch. Göttingen. 1851. S. 233—234.

Очень сходна съ этой теоріей Эвальда и теорія Христіана Карла Бунзена, его ученика и послѣдователя. Исходя изъ того положенія, что Іезекіиль въ извѣстныхъ мѣстахъ своей книги говоритъ не о своемъ современникѣ, а о древнемъ сравнительно мудрецѣ Даніилѣ, о которомъ онъ самъ узналъ изъ существовавшей въ его время книги или легенды о немъ, Бунзенъ пытается опредѣлить въ точности не только время жизни Даніила, но и время его плѣненія... Фуломъ (котораго Бунзенъ отождествляетъ съ Сарданапаломъ клинообразныхъ надписей), царемъ ассирійскимъ: это было, говоритъ онъ, 22-мя годами раньше завоеванія Ниневіи Саргономъ и основанія новой ассирійской династіи (въ концѣ VIII в. до Р. Хр.). Что это такъ, что Даніиль былъ взятъ въ плѣнъ царемъ ассирійскимъ и жилъ и пророчествовалъ въ Ниневіи,—на это, говоритъ Бунзенъ, указываютъ нѣкоторыя частности. Такъ, одно видѣніе Даніиль имѣлъ на берегу „большой рѣки“ Тигра ¹⁾—ассирійскаго; въ Ассиріи же, слѣдовательно, а не въ Вавилонѣ, Даніиль и жилъ. Или—по книгѣ Даніиловой, Вавилонъ былъ завоеванъ не Киромъ, а „Даріемъ Мидяниномъ“; названіе „мидянинъ“ указываетъ здѣсь на тѣхъ мидянъ, которые, подъ предводительствомъ своего царя Кіаксара, вмѣстѣ съ вавилонскимъ царемъ Набопалассаромъ, участвовали въ завоеваніи Ассиріи; имя же Дарій ошибочно поставлено вмѣсто имени того-же Кіаксара. Или—первое мѣсто въ ряду міровыхъ монархій ассирійскаго Даніила занимала, несомнѣнно, Ассирія, которую самъ же онъ изображаетъ подъ символомъ крылатаго льва (символъ исключительно только Ассиріи); второе же мѣсто занимаетъ уже Вавилонъ, изображенный подъ символомъ всеокрушающаго медвѣдя. Если же позднѣйшій писатель книги Даніиловой перенесъ этого пророка въ Вавилонъ и сообразно съ этимъ измѣнилъ всѣ частности своего разсказа примѣнительно къ Ва-

¹⁾ Дан. 10, 4.

вилону, то это потому, что Вавилонъ очень скоро заступилъ мѣсто Ассиріи. Отсюда вытекаетъ только то, что наша книга Даніилова не можетъ имѣть строго-историческаго характера; а нѣкоторые эпизоды ея прямо придуманы по аналогіи съ другими историческими фактами. Такъ, того-же Дарія Мидянина писатель поставилъ, можетъ быть, вмѣсто Дарія Гистаспа, разрушившаго въ позднѣйшее время Вавилонъ; равнымъ образомъ, въ жестокомъ и безбожномъ повелѣніи Навуходоносора поклониться воздвигнутой имъ статуѣ видна, кажется, своеобразная варіація разсказа позднѣйшихъ историковъ о введеніи Артаксерксомъ въ предѣлахъ своего государства чужеземнаго языческаго культа ¹⁾.

Кюнень, высказывая свой взглядъ на время жизни пророка Даніила и характеръ его книги, въ большинствѣ только повторяетъ мысли Эвальда и Бунзена. Подобно тому и другому, онъ считаетъ Даніила однимъ изъ плѣнниковъ израильскаго царства, всю дѣятельность его сосредоточиваетъ въ Ниневіи, при дворѣ ассирійскихъ государей, предполагаетъ существованіе разнообразныхъ сагъ и преданій объ этомъ мудрецѣ, которыя постепенно перешли изъ Ассиріи въ Вавилонъ и Палестину, переходили изъ рода въ родъ, причемъ, конечно, видоизмѣнялись и разукрашались, такъ что въ концѣ концовъ превратили обыкновеннаго пророка-законника въ какого-то исключительнаго мудреца-чудотворца, и въ такомъ видѣ дошли до писателя нашей канонической книги Даніиловой. Отсюда, впрочемъ, предполагаетъ Кюнень, писатель взялъ только нравственный обликъ личности пророка и сухую схему разсказа; всѣ же хронологическія и топографическія даты, всѣ частнѣйшіе эпизоды объ испытаніяхъ че-

¹⁾ Bunsen Christian Carl Iosias. Gott in der Geschichte oder der Fortschritt des Glaubens an eine sittliche Weltordnung. I. Theil, 1. u. 2. Buch. Leipzig. 1857. S. 514—517; 538—540.—Bunsen Chr. C. I. Vollständiges Bibelwerk. VI. B., 2. Abth., 2. Theil. Leipzig. 1870. S. 846—847; 858—859.

тырехъ друзей, ихъ твердости въ вѣрѣ, о сознаніи язычниковъ въ ничтожествѣ своихъ боговъ и т. п.—все это самъ выдумалъ. Перенесъ же писатель своего Даниила въ Вавилонъ потому, что, какъ видно изъ книгъ Эздры и Нееміи, въ плѣну вавилонскомъ дѣйствительно существовалъ какой-то Данииль, а вмѣстѣ съ нимъ Ананія, Азарія и Мисаиль; возможно, что изъ этихъ именно книгъ писатель взялъ имена друзей Данииловыхъ. Но это еще не доказываетъ историческаго существованія послѣднихъ: если Данииль, несомнѣнно, существовалъ, то о друзьяхъ его мы знаемъ слишкомъ мало, чтобы сказать тоже въ положительномъ смыслѣ и о нихъ ¹⁾.

Болѣе или менѣе развитой теоріи Вебера о томъ - же предметѣ мы не имѣемъ. Онъ ограничивается только общими фразами: пророкъ Данииль, говоритъ онъ, жилъ въ ассирийскомъ плѣну; книга же его составлена въ позднѣйшее время на основаніи преданій и народныхъ сагъ о жизни и дѣятельности этого мудреца-праведника ²⁾.

Какъ видно, исходнымъ пунктомъ указанныхъ нами теорій служатъ извѣстныя намъ мѣста книги пророка Іезекиила. Не считая возможнымъ признать упоминаемаго здѣсь Даниила современникомъ самого Іезекиила, представители этихъ теорій принуждены отнести его къ болѣе раннимъ временамъ; только если Графъ, Рейсъ, Гавсратъ, Мейеръ и Кнобель, какъ мы видѣли, отодвигаютъ его ко временамъ Ноя и Іова, то Эвальдъ, Бунзенъ, Кюненъ и Веберъ считаютъ его пророкомъ ассирийскаго плѣна, не рѣшаясь, очевидно, отказать книгѣ Данииловой въ ея историческомъ характерѣ въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, къ ея общей идеѣ и основному направленію. Книга эта, по ихъ словамъ, имѣетъ не столько

¹⁾ *Kuenen* A. Historisch-kritische Einleitung in die Bücher des A. T. II. Teil. Leipzig. 1892. S. 483—486.

²⁾ *Weber* G. Geschichte des Volkes Israel. I. B. Leipzig. 1867. S. 455.

историческую, сколько дидактическую цѣль: пророкъ Данииль, о которомъ она говоритъ, дѣйствительно былъ взятъ въ плѣнъ при нашествіи иноземнаго языческаго царя на Палестину, воспитывался при царскомъ дворѣ, достигъ великой славы среди язычниковъ за свою мудрость, а среди своихъ же соотечественниковъ за благочестіе и т. д.; но это было не въ Вавилонѣ и не въ эпоху плѣна вавилонскаго: хронологическія и топографическія даты, имена царей, пожалуй, мелочныя подробности книги Данииловой придуманы или привнесены сюда уже позднѣйшимъ писателемъ ея. Данииль на самомъ дѣлѣ жилъ въ Ниневіи и былъ взятъ въ плѣнъ, по опредѣленію Бунзена, при нашествіи Фула или Сарданапала ¹⁾, царя ассирийскаго, на Палестину, 22-мя годами раньше завоеванія Ниневіи Саргономъ и основанія новой ассирийской династии. Кажется, въ этомъ указаніи Бунзенъ хочетъ быть согласнымъ съ повѣствованіемъ книги Данииловой о плѣненіи Даниила тоже во время одного частнаго нашествія на Іудею, гораздо раньше общаго плѣненія народа іудейскаго и переселенія его въ Вавилонъ. Въ доказательство же ассирийскаго именно существованія пророка Даниила Бунзенъ ссылается, напр., на то, что послѣднее видѣніе было Даниилу на берегу рѣки Тигра ²⁾, откуда будто-бы видно, что

¹⁾ Совершенно напрасно Бунзенъ отождествляетъ Фула съ Сарданапаломъ клинообразныхъ надписей. Это или *Белгаофелласаръ*, какъ называется онъ въ Библии (4 Цар. 15, 19, 29; 16, 7, 10; 1 Пар. 5, 6; 2 Пар. 28, 20.—*Vigouroux* F. Die Bibel und die neueren Entdeckungen in Palästina, in Aegypten und in Assyrien. Uebers. v. I. Jbach. IV. B. Mainz. 1886. S. 76—94.—*Schrader*. Keilinschriften und Geschichtsforschung. Gießen. 1878. S. 422—460.—*Акимовъ*. Опытъ соглашенія библейскихъ свидѣтельствъ съ показаніями памятниковъ клинообразнаго письма. Хр. Чт. 1878, №№ 7—8, стр. 21—50), или же правитель Вавилова Фалокъ (Ассурнирари), греческій Велесисъ, осадившій и разрушившій Ниневію (*Oppert*. La chronologie biblique fixée par les éclipses des inscriptions cuneiformes. Paris. 1868. P. 1—17.—*Астафьевъ*. Древности вавилоно-ассирийскія. Стр. 98.—*Ленорманъ*. Руководство къ древней исторіи востока. Пер. Каманина. Т. I, вып. 2. Кіевъ. 1877. Стр. 278), но никакъ не Сарданапалъ (Sardanapal) или Ассурбанипалъ (Asurbanipal), послѣдній царь ассирийскій (*Schrader*. Keilinschr. Bibliothek. B. II. S. 152—153, 214—215, 258—259, 264—265).

²⁾ Дан. 10, 4.

пророкъ и жилъ тамъ же, въ предѣлахъ ассирійскаго царства и даже въ эпоху самостоятельности и величія его. Насколько логиченъ и правдоподобенъ такой выводъ Бунзена,—очевидно само собою. Конечно, самъ Бунзень не рѣшится утверждать, будто его ассирійскій Данилъ жилъ именно на берегу Тигра, а не въ Ниневіи, при дворѣ ассирійскихъ государей; на какомъ же основаніи онъ хочетъ нашего вавилонскаго Данила какъ бы приковать къ Вавилону, не желая сообщить того, что этотъ пророкъ, занимавшій при дворѣ высшія административныя должности, уже по дѣламъ службы могъ и долженъ былъ не только посѣщать, но и проживать временами въ различныхъ мѣстахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ Вавилона, тѣмъ болѣе, конечно, въ 3 годъ царствованія Кира ¹⁾ надъ громадной объединенной подъ его державою ассиро-вавилонно-мидо-персидскою монархіей, въ составъ которой входили и лежація на Тигрѣ области. Тѣмъ естественнѣе было уединеніе пророка на пустынный берегъ рѣки ²⁾, что цѣлю его было, какъ видно, желаніе провести нѣкоторое время въ постѣ, молитвѣ и плачѣ ³⁾ о бѣдствіяхъ своего народа и покинутаго отечества, для чего плѣнные іудеи обыкновенно отправлялись на берега „рѣкъ вавилонскихъ“, гдѣ „сидѣли и плакали“, вспоминая о „Сіонѣ“ ⁴⁾. Рѣзко бросается въ глаза въ данномъ случаѣ и странность самого Бунзена. На какомъ основаніи, спрашивается, онъ вѣрять здѣсь топографической датѣ въ Дан. 10, 4, когда въ тоже время отвергаетъ, какъ недостоверныя и вымышленныя, не только всѣ хронологическія и топографическія даты книги Даниловой, но въ частности, конечно, и дату „третьяго года Кира“, помѣщенную нѣсколькими словами раньше въ той-

¹⁾ Дан. 10, 1.

²⁾ Дан. 10, 7.

³⁾ Дан. 10, 2—3.

⁴⁾ Ис. 136, 1.

же главѣ ¹⁾? Объяснить такую непослѣдовательность Бунзена крайне трудно.

Другое подобнаго рода доказательство въ пользу ассирійскаго существованія своего Данила Бунзень находитъ въ личности упоминаемаго въ книгѣ Даниловой Дарія Мидяннина. Писатель этой книги, по его соображенію, допустилъ здѣсь большую историческую неточность: изображая жизнь и дѣятельность Данила въ связи съ исторіей Вавилона, онъ въ одномъ мѣстѣ (вѣроятно, по нечаянности) перенесъ его въ его настоящую сферу, въ Ниневію, и заговорилъ о Кіаксарѣ, царѣ *мидійскомъ*, осаждавшемъ и завоевавшемъ нѣкогда (вмѣстѣ съ Набопалассаромъ, царемъ вавилонскимъ) Ниневію; но затѣмъ спохватился, что онъ пишетъ исторію Вавилона, а не Ассиріи, и вотъ вмѣсто Кіаксара ставитъ имя Дарія (Гистаспа), дѣйствительно когда-то разрушившаго Вавилонъ,—но названіе „мидянинъ“ почему-то удерживаетъ и тѣмъ заставляетъ читателя недоумѣвать, кто такой „Дарій Мидянинъ“. Возможно ли, на основаніи соображеній Бунзена, обвинять писателя книги Даниловой въ такой забывчивости, непослѣдовательности, когда въ другихъ частяхъ своего разсказа онъ, несомнѣнно, обнаруживаетъ умѣнье превосходно пользоваться историческимъ матеріаломъ и представлять ходъ дѣла такъ, какъ объ этомъ говорятъ другіе историки? Самыя подробности разсказа о пирѣ Валтасара и соединенномъ съ нимъ паденіи Вавилона ясно указываютъ на то, что здѣсь идетъ рѣчь о завоеваніи именно Вавилона, а не Ниневіи: безопасность царя, пиръ осажденныхъ въ послѣднюю ночь предъ катастрофой—все это имѣло мѣсто, по свидѣтельству историковъ, при завоеваніи Вавилона; взятіе же Ниневіи Кіаксаромъ и Набопалассаромъ произошло при другихъ обстоятельствахъ. Ясно, что писатель книги Даниловой и думалъ и писалъ именно о завоеваніи Вавилона,

¹⁾ Дан. 10, 1.

а не Ниневіи; не могъ онъ, слѣдовательно, говорить и о Кіаксарѣ мидійскомъ, котораго будто-бы подразумѣвалъ подъ именемъ Дарія Мидяннина. Равнымъ образомъ, не могъ онъ назвать такъ и Дарія Гистаспа, позднѣйшаго завоевателя Вавилона: послѣдній царствовалъ гораздо позже Кира, между тѣмъ какъ Дарій Мидяннинъ былъ, какъ видно, предшественникомъ его; видѣть же въ разсказахъ книги Даніиловой объ этихъ государяхъ какую-либо перестановку или крупную историческую погрѣшность нельзя, такъ какъ общій ходъ исторіи Вавилона отъ Навуходоносора до Кира, проведенный въ этой книгѣ, вполне согласенъ съ свидѣтельствами другихъ историковъ. Валтасаръ, о которомъ говоритъ книга Даніилова, извѣстенъ намъ изъ клинообразныхъ надписей; Киръ же—это вполне опредѣленная историческая личность; зачѣмъ бы писатель книги Даніиловой поставилъ между ними никому неизвѣстную и какую-то даже фантастическую личность Дарія Мидяннина, о которомъ исторія вообще умалчиваетъ? Мало того: непонятно даже, зачѣмъ нуженъ былъ писателю этотъ Дарій Мидяннинъ, когда завоеваніе Вавилона приписываютъ прямо Киру; не лучше ли было-бы отъ Валтасара перейти именно къ Киру и его назвать первымъ государемъ объединенной вавилоно-мидо-персидской монархіи, какъ и дѣлаютъ нѣкоторые историки? Между тѣмъ, разсказъ книги Даніиловой о Даріѣ Мидяннинѣ имѣетъ для насъ весьма важное значеніе: онъ восполняетъ свидѣтельства другихъ историковъ и проливаетъ свѣтъ на нѣкоторые данныя, на которыя эти дѣлаютъ только намеки. Личность Дарія Мидяннина, дѣйствительно, темна и имя его въ исторіи не встрѣчается; но считать его на этомъ только основаніи лицомъ вымышленнымъ нельзя. По свидѣтельству Флавія, Дарій, который вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Киromъ разрушилъ царство вавилонское, „былъ сынъ Астіага и у грековъ назывался другимъ именемъ“¹⁾;

¹⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Пер. Самуйлова. Ч. II. СПб. 1795. Стр. 166.

это—Кіаксаръ II, царь мидійскій. Подробно о личности этого Кіаксара - Дарія мы будемъ говорить впослѣдствіи; въ настоящемъ же случаѣ хотѣли только указать на несообразность и непослѣдовательность возраженій Бунзена, весьма искусственно и странно направленныхъ на подтасовку тѣхъ или иныхъ данныхъ подъ общую точку зрѣнія его теоріи.

Выставляють представители разбираемыхъ нами теорій и другія основанія въ пользу своего ассирійскаго Даніила. Такъ, Эвальдъ указываетъ на проведенную въ книгѣ Даніиловой идею четырехъ совершенно отличныхъ другъ отъ друга и самостоятельныхъ по своему политическому существованію царствъ или міровыхъ монархій, въ которыхъ сосредоточивалась, главнымъ образомъ, жизнь языческаго міра до пришествія Мессіи. Понимая подъ ними вавилонское, мидійское, персидское и греческое царства, которыя изображаются подъ символами четырехъ частей громаднаго истукана съ одной—и четырехъ животныхъ съ другой стороны, Эвальдъ приходитъ къ выводу, что въ подлинныхъ видѣніяхъ самого пророка Даніила на первомъ мѣстѣ стояло ассирійское царство, а затѣмъ вавилонское, *мидо-персидское* и греческое, такъ какъ исторія мидійскаго и персидскаго царства тѣсно связана между собою: Вавилонъ, напр., былъ взятъ Киromъ, а не какимъ-либо мидійскимъ царемъ (самостоятельно), да и въ самой книгѣ Даніиловой оба эти царства представлены подъ однимъ образомъ—двурогаго барана¹⁾; а если такъ, то конечно, дѣлаетъ заключеніе Эвальдъ, Даніиль и жилъ - то въ ассирійскомъ царствѣ, задолго до Навуходоносора и преемниковъ его. Разсужденіе Эвальда о тѣсной связи исторіи мидійскаго и персидскаго царства, въ силу которой считать ихъ не только отличными и самостоятельными, но и взаимно враждебными и исключаящими другъ друга (что явно вытекаетъ изъ характера самыхъ видѣній Даніиловыхъ) царствами нельзя,

¹⁾ Дан. 8, 3. 20.

совершенно справедливо; но при этомъ Эвальдъ впадаетъ въ другую крайность. Онъ почему-то считаетъ общепринятымъ и какъ будто единственно возможнымъ свое толкованіе идеи четырехъ царствъ, подъ которыми понимаетъ вавилонское, мидійское, персидское и греческое царства. Такое толкованіе составляетъ лишь одинъ изъ частныхъ видовъ объясненія великихъ пророчествъ Даніиловыхъ о четырехъ царствахъ; наряду съ нимъ нѣкоторые экзегеты понимаютъ подъ ними вавилонское, мидо-персидское, греко-македонское (Александра В.) и царство преемниковъ Александра—Селевкидовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ громадное большинство древне-іудейскихъ экзегетовъ и историковъ, древнѣйшихъ отцевъ и учителей христіанской церкви, а также новѣйшихъ представителей современной богословской науки не только ортодоксальнаго, но и отрицательнаго направленія¹⁾—считаютъ подъ Даніиловыми царствами вавилонское, мидо-персидское, греческое и римское царства. Последнее толкованіе, которое скорѣе всего можно бы назвать общепринятымъ, оправдывается вполнѣ самымъ текстомъ книги Даніиловой: золотая голова истукана²⁾ и левъ съ орлиными крыльями³⁾, по объясненію самого пророка Даніила⁴⁾, изображаютъ вавилонское царство; серебряная грудь и руки истукана⁵⁾ и параллельные имъ символы медвѣдя⁶⁾ и двурогаго барана⁷⁾ указываютъ, по объясненію архангела пророку⁸⁾, на мидо-персидскую монархію;

¹⁾ См. цѣлые ряды именъ и цитатъ въ *Kuenen's* „Histoire critique des livres de l'Ancien Testament“, tome II, Paris, 1879, p. 650, и *De-Wette* „Lehrbuch d. histor.-krit. Einleitung in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T.“ S. 490.

²⁾ Дан. 2, 32.

³⁾ Дан. 7, 4.

⁴⁾ Дан. 2, 37—38.

⁵⁾ Дан. 2, 32.

⁶⁾ Дан. 7, 5.

⁷⁾ Дан. 8, 3.

⁸⁾ Дан. 8, 20.

мѣдное туловище истукана¹⁾, барсъ съ четырьмя крыльями²⁾ и козель³⁾—эти символы ангелъ относитъ къ греческому царству⁴⁾; наконецъ, ноги истукана⁵⁾ и страшный звѣрь съ 10 рогами⁶⁾ указываютъ, естественно, на послѣднее предъ явленіемъ мессіанскаго царство, которое при помощи своей все-сокрушающей силы, своихъ „желѣзныхъ зубовъ“⁷⁾ уничтожить и сокрушить всѣ другія царства и само дѣйствительно сдѣлается „страшнымъ звѣремъ“ для всей земли. Не трудно понять, что таково именно было царство римское. На какомъ же основаніи Эвальдъ считаетъ этимъ всепожирающимъ и всевластнымъ царствомъ греко-македонское, которое, правда, при Александрѣ В. отличалось громадною политическою силою и могуществомъ, но за то при преемникахъ его совершенно распалось и въ свою очередь было поглощено римскою державою? По какому праву Эвальдъ исключаетъ изъ таблицы Даніиловой царство римское, дѣйствительно послѣднее предъ явленіемъ мессіанскаго царства, и ставитъ вмѣсто него ассирійское (только на первомъ мѣстѣ, переставляя и всѣ другія царства одно на мѣсто другого)? Нечего и прибавлять, говорить ли такое предположеніе Эвальда въ пользу его „ассирійскаго“ Даніила.

Нѣчто подобное говорить въ свою очередь и Бунзенъ. Онъ считаетъ первымъ въ ряду міровыхъ Даніиловыхъ царствъ ассирійское на томъ основаніи, что первое царство въ книгѣ Даніиловой изображено подъ символомъ льва съ крыльями; а изваянія крылатыхъ львовъ, какъ говоритъ онъ, были обыкновеннымъ украшеніемъ ассирійскихъ дворцовъ; второй

¹⁾ Дан. 2, 32.

²⁾ Дан. 7, 6.

³⁾ Дан. 8, 5.

⁴⁾ Дан. 8, 21.

⁵⁾ Дан. 2, 33.

⁶⁾ Дан. 7, 7.

⁷⁾ Дан. 7, 7.

же символъ—медвѣдя—указываетъ будто-бы на царство вавилонское. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, изваянія крылатыхъ львовъ встрѣчаются и на памятникахъ древняго Вавилона ¹⁾, а не только Ассиріи. А что въ данномъ случаѣ на первомъ мѣстѣ въ ряду Данииловыхъ міровыхъ монархій нужно поставить именно Вавилонъ,—на это, кажется, прямо указываютъ слова архангела Гавріила пророку о томъ, что будетъ „въ послѣдніе дни гнѣва“, въ „концѣ времени“, „опредѣленнаго времени“ ²⁾,—очевидно, того бѣдственнаго для іудеевъ времени, которое началось для нихъ плѣномъ вавилонскимъ, такъ какъ этотъ „конецъ времени“ начинается исторіей мидо-персидскаго, а затѣмъ греческаго царства ³⁾, смѣнившихъ собою постепенно вавилонское. Такимъ образомъ, своеобразныя таблицы царствъ Эвальда и Бунзена, всѣ возраженія ихъ, направленныя противъ существованія „вавилонскаго“ Даниила, теряютъ всякое значеніе.

Съ цѣлью подорвать еще болѣе историческую достовѣрность книги Данииловой, въ частности отдѣльные эпизоды ея, чтобы тѣмъ дать косвенное основаніе къ отрицанію „вавилонскаго“ Даниила, Бунзень силится, напр., доказать, что рассказъ о повелѣніи Навуходоносора поклониться воздвигнутому имъ золотому истукану есть своеобразное воспроизведеніе рассказа позднѣйшихъ историковъ о введеніи Артаксерксомъ въ предѣлахъ своего государства чужеземнаго языческаго культа. Оправдать свое предположеніе какими-либо вѣскими доводами не въ состояніи, конечно, и самъ Бунзень. Онъ не скажетъ, чтобы въ рассказѣ объ Артаксерксѣ шла рѣчь о громадной статуѣ, о музыкѣ и празднествахъ, сопровождавшихъ открытіе ея, о вверженіи трехъ отроковъ ев-

¹⁾ *Tiele C. P. Handbücher d. alten Geschichte. I. Serie. 4. Abteilung. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil. Gotha. 1888. S. 592, 595, 596.*

²⁾ Дан. 8, 17. 19.

³⁾ Дан. 8, 20. 21.

рейскихъ въ раскаленную печь и т. д.; если же смотрѣть только на одну общую идею, на выѣшнее сходство золотого истукана съ языческимъ идоломъ, тогда мало ли можно найти сходства между самыми разнородными предметами?—мало ли какой языческой царь или герой воздвигалъ разнаго рода статуи, монументовъ, идоловъ и т. д.? Между тѣмъ внутреннее, характерное различіе обоихъ рассказовъ несомнѣнно. Навуходоносоръ вовсе не имѣлъ въ виду ввести новый языческой культъ; истуканъ его едва ли по существу былъ идоломъ, а скорѣе памятникомъ славы и величія самого Навуходоносора; поклоненіе же ему имѣло не столько религиозный, сколько политическій и общественный характеръ. Это ясно видно изъ словъ друзей Данииловыхъ: „богамъ твоимъ мы не служимъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не покланяемся“ ¹⁾; очевидно, при открытіи истукана приносили жертвы и бсгамъ ²⁾, но самъ-то истуканъ не былъ, кажется, богомъ. Затѣмъ, новыхъ боговъ естественно было поставить въ храмахъ, которые у вавилонянъ, несомнѣнно, были ³⁾, или на площадяхъ среди города, а не на полѣ Деиръ ⁴⁾, какъ бы для временнаго, однократнаго только чествованія ⁵⁾. Далѣе, Навуходоносоръ ставитъ *одина* только истуканъ; очевидно, это не „боги“, не „культъ“. Наконецъ, самое торжество открытія и поклоненія воздвигнутому истукану служить въ книгѣ Данииловой только обстановкой или фономъ для главнаго событія,—спасенія отроковъ въ печи.

¹⁾ Дан. 3, 12. 14. 18.

²⁾ См. Дан. 3, 12: „эти мужи не повинуются повелѣнію твоему, царь, богамъ твоимъ не служатъ и золотому истукану, который ты поставилъ, не покланяются“. Какъ видно, при открытіи истукана царь велѣлъ не только поклоняться ему (Дан. 3, 5), но и принести жертвы богамъ.

³⁾ Дан. 1, 2.

⁴⁾ Дан. 3, 1.

⁵⁾ Можно думать, что это празднество было тѣмъ-то въ родѣ, напр., нашего открытія памятниковъ.

Св. пророкъ Данииль.

Есть ли, поэтому, основание искать существеннаго сходства между этимъ разсказомъ книги Даниловой и разсказомъ объ Артаксерксѣ, къ чему сильно стремится Бунзенъ? И не настолько же ли правы другіе подобные ему критики, когда считаютъ тотъ-же разсказъ книги Даниловой подражаніемъ совершенно иному факту,—поставленію Антиохомъ Епифаномъ жертвенника на алтарѣ іерусалимскаго храма съ цѣлью осквернить его?

Доказавши на основаніи подобнаго рода соображеній,—удовлетворительно, конечно, съ своей точки зрѣнія,—ассирійское существованіе пророка Даниила, Эвальдъ, Бунзенъ и Кюнень переходятъ къ дальнѣйшему развитію своихъ теорій. Въ Ниневіи же, мѣстѣ дѣятельности пророка Даниила, говорятъ они, явилась первоначально и сага о немъ, передававшая различныя обстоятельства его жизни, его видѣнія и пророчества; сага эта была записана и постепенно переходила изъ рода въ родъ,—отъ ассирійскихъ плѣнниковъ къ вавилонскимъ, отъ тѣхъ въ свою очередь къ палестинскимъ послѣплѣннымъ іудеямъ и т. д. Въ Вавилонѣ же съ нею познакомился пророкъ Іезекиль, откуда и узналъ о существованіи мудреца-праведника Даниила, подобно тому, какъ о Ноѣ и Іовѣ, о которыхъ упоминаетъ наряду съ Даниломъ, онъ узналъ изъ извѣстныхъ намъ библейскихъ книгъ. Въ послѣднемъ предположеніи Эвальда нѣтъ вовсе нужды. Неужели пророкъ Іезекиль узналъ о существованіи Ноя и Іова только изъ библейскихъ книгъ? Почему онъ не могъ узнать о нихъ на основаніи устнаго преданія, вытекающаго, положимъ, изъ ветхозавѣтныхъ писаній, но тѣмъ не менѣе самостоятельнаго по своей идеѣ, такъ какъ подъ него подводится все, что исходитъ изъ временъ патриархальныхъ и что основано и проникнуто живою вѣрою въ обѣтованія, данныя древнимъ патриархамъ? Тѣмъ замѣтнѣе выдвигается здѣсь въ народномъ сознаніи личность Ноя, родоначальника новаго, послѣпотопнаго человѣчества; немаловажное значеніе

придавалось и Іову, какъ живому доказательству того, что Іегова есть не узко-національный, а всеобщій и, слѣдовательно, *единный* истинный Богъ. Немыслимо, поэтому, чтобы Іезекиль, пророкъ и священникъ¹⁾, не зналъ Ноя и Іова помимо библейскихъ книгъ. Откуда же онъ узналъ о Даниилѣ, имѣлъ ли онъ въ рукахъ какую-то сагу о немъ,—объ этомъ намъ пришлось говорить выше.

Таже сага о Даниилѣ, по взгляду Эвальда, была и у писателя нашей канонической книги Даниловой, который и положилъ ее въ основу своего произведенія. Доказательство этого Эвальдъ находитъ въ Дан. 11, 14, гдѣ указывается на будущія политическія событія, въ которыхъ должно „исполниться видѣніе“, т. е., по Эвальду, то „видѣніе“, которое было записано въ древней сагѣ и которое, какъ видно, оттуда только-что прочелъ писатель канонической книги Даниловой²⁾. Но стоитъ только понять, о какомъ „видѣніи“ идетъ въ этомъ мѣстѣ рѣчь, чтобы видѣть всю предзанятость соображеній Эвальда. Рѣчь здѣсь идетъ о партіи іудеевъ, которая, послѣ столѣтняго подчиненія египетскому царю, вступила въ союзъ съ Антиохомъ Великимъ, царемъ сирійскимъ, съ цѣлью свергнуть съ себя египетское иго. Воспользовавшись походомъ Антиоха на Египетъ, эти „мятежные изъ сыновъ народа іудейскаго“ присоединились къ войскамъ сирійскаго царя и помогли ему занять нѣкоторыя египетскія укрѣпленія. Указанное событіе и было исполненіемъ „видѣнія“, т. е. того-же видѣнія, содержащагося въ 11 главѣ книги пророка Даниила. Предполагать въ этомъ мѣстѣ какой-либо намекъ на существованіе древней саги о Даниилѣ, которою пользовался писатель нашей книги Даниловой, совершенно излишне, тѣмъ болѣе, что другихъ слѣдовъ этой саги и Эвальдъ не могъ найти никакихъ.

¹⁾ Іез. 1, 3.

²⁾ Ewald H. Die Propheten des Alten Bundes. III. S. 458.

Будучи, однако, увѣренъ въ справедливости своего предположенія, Эвальдъ развиваетъ свой взглядъ на характеръ и сущность книги Даниловой. Положивши въ основу своего произведенія древнюю сагу о Даниилѣ, писатель этой книги, говоритъ Эвальдъ, воспользовался сагой, однако, очень свободно: онъ взялъ оттуда частные эпизоды, видѣнія и пророчества, записанныя тамъ, но все это перефразировалъ и видоизмѣнилъ по своему; Даниила перенесъ въ эпоху плѣна вавилонскаго, измѣнивши соотвѣтственнымъ образомъ всѣ хронологическія и топографическія даты примѣнительно къ Вавилону и времени царствованія Навуходоносора и преемниковъ его до Кира включительно; измѣнилъ въ тѣхъ-же видахъ и самыя пророчества; подробности, а то и нѣкоторые эпизоды, можетъ быть, и самъ выдумалъ и т. д.

Почему же, спрашивается, онъ измѣнилъ древнюю сагу о Даниилѣ? Почему перенесъ этого пророка въ Вавилонъ, ко двору Навуходоносора и другихъ государей вавилонскихъ и мидо-персидскихъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ жилъ, положимъ, въ Ниневіи, при дворѣ Фула, Салманассара V, Саргона и другихъ ассирійскихъ государей, совершенно въ другое время, въ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ? А просто потому, отвѣчаетъ Эвальдъ, что позднѣйшіе іудеи, современные писателю нашей канонической книги Даниловой, не знали ни одного ассирійскаго государя, между тѣмъ какъ Навуходоносоръ былъ имъ прекрасно извѣстенъ изъ историческихъ и пророческихъ библейскихъ книгъ, а можетъ быть существовали и легенды о немъ; притомъ, замѣчаетъ Бунзенъ, Вавилонъ все равно скоро заступилъ мѣсто Ассирии. Такого рода доказательства, понятно, не поведутъ ни къ чему. Какъ могли іудеи не знать ни одного ассирійскаго государя, когда на основаніи одной четвертой книги Царствъ можно сдѣлать полный перечень ассирійскихъ царей чуть не за 70 лѣтъ впередъ со времени Фула, которому Бунзенъ приписываетъ плѣненіе пророка Даниила? Мало того: асси-

рійская исторія воспроизводится въ Библии нерѣдко съ мелочными подробностями, касающимися даже политическихъ отношеній и перемѣнъ, и, несомнѣнно, извѣстна изъ Библии гораздо лучше, чѣмъ исторія Вавилона. Такъ, напр., здѣсь съ точностью передается о походахъ Фула и Теглаофелласара ¹⁾ на израильтянъ и переселеніи массы плѣнниковъ израильскихъ въ различныя области ассирійскаго государства ²⁾; идетъ рѣчь о слѣдующемъ государѣ Салманассарѣ V, его походахъ и осадѣ Самаріи ³⁾; упоминается о преемникѣ его Саргонѣ, окончательно разрушившемъ царство израильское ⁴⁾, и его походахъ противъ другихъ языческихъ государей ⁵⁾; подробно говорится о сынѣ и преемникѣ его Сеннахиримѣ, его знаменитомъ походѣ на Іудею въ царствованіе Езекиа, объ убійствѣ его собственными сыновьями, междоусобіяхъ послѣднихъ изъ-за престола и воцареніи Асардана ⁶⁾ и т. п. Если же сложить вмѣстѣ годы царствованія отмѣченныхъ нами государей, тогда выйдетъ именно около 70 лѣтъ, т. е. такое время, къ которому весьма удобно можно было-бы приурочить жизнь и дѣятельность пророка Даниила, еслибы онъ дѣйствительно жилъ въ Ассиріи и во времена ассирійскаго плѣна. Посмотримъ, съ другой стороны, что говоритъ намъ Библия о царяхъ вавилонскихъ, имѣвшихъ отношеніе къ пророку Даниилу, по изображенію его книги. О Навуходоносорѣ, правда, она говоритъ пространно, но только о военныхъ подвигахъ его ⁷⁾; о внутреннемъ же управ-

¹⁾ Есть ли это одно лицо или два, непосредственно царствовавшія одно послѣ другого, большого значенія въ данномъ случаѣ не имѣетъ.

²⁾ 4 Цар. 15, 19, 29; 16, 7, 10 и др.; 1 Пар. 5, 6; 2 Пар. 28, 20 и др.

³⁾ 4 Цар. 18, 9.

⁴⁾ *Schrader*. Keilinschriftliche Bibliothek. B. II. S. 55.

⁵⁾ Ис. 20, 1.

⁶⁾ 4 Цар. 18, 13; 19, 37 и др.; 2 Пар. 32, 1; Ис. 36, 1.

⁷⁾ 4 Цар., гл. 24 и 25; 2 Пар. 36.

леніи, объ отношеніи къ плѣнникамъ и т. д. рѣшительно ничего ¹⁾. О преемникѣ Навуходоносора Евильмеродахѣ сообщается только одинъ фактъ, знаменательный для исторіи іудейскаго народа ²⁾. О слѣдующихъ государяхъ—Нериглиссорѣ, Лабросоардахѣ и Набонидѣ—не говорится ни слова, не упоминается и этихъ именъ ³⁾; упоминается, затѣмъ, одно только имя Валтасара рядомъ съ именемъ Навуходоносора, „отца“ его ⁴⁾; о Даріѣ Мидянинѣ опять ни слова; изъ царствованія же Кира упоминается объ указѣ его относительно плѣнныхъ іудеевъ ⁵⁾. Только, слѣдовательно, книга Данилова даетъ намъ прекрасную картину внутренняго состоянія вавилонскаго царства при Навуходоносорѣ и преемникахъ его: она рельефно выставляетъ предъ нами характеръ Навуходоносора, блескъ и величіе его царствованія (только не съ внѣшней, а съ внутренней стороны), основныя черты исторіи богоизбраннаго народа за время семидесятилѣтняго плѣна (тоже съ внутренней стороны), говоритъ о характерѣ Валтасара, Дарія Мидянина и Кира, отношеніи ихъ къ Иеговѣ и служенію Ему и т. д. Не говоря ни слова о томъ, что передаютъ о Навуходоносорѣ и преемникахъ его другія библейскія книги, книга эта прекрасно дополняетъ то, чего въ нихъ нѣтъ, и въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ изображаетъ предъ нами ту среду, въ какой очутились іудеи, потерявши свою политическую независимость. На какомъ же основаніи Эвальдъ ставитъ ее въ зависимость отъ другихъ библейскихъ книгъ, въ которыхъ говорится только о воен-

¹⁾ Книги Данила мы здѣсь, конечно, не имѣемъ въ виду.

²⁾ 4 Цар. 25, 27—30; Іер. 52, 31—34.

³⁾ Не говорить о нихъ, правда, и книга Данилова; но это потому, что не было чего и отмѣтить въ ихъ царствованіи: такъ блѣдно и въ общемъ безслѣдно прошло оно какъ вообще для исторіи плѣнныхъ іудеевъ, такъ въ частности и для пророка Данила.

⁴⁾ Вар. 1, 11—12.

⁵⁾ 2 Пар. 36, 22—23; 1 Эздр. 1, 1—4; Ис. 45, 1.

ныхъ подвигахъ Навуходоносора? и по какому праву, съ другой стороны, утверждаетъ, что іудеи не знали ни одного ассирійскаго государя, когда библейскія книги говорятъ намъ совершенно не то? Положимъ, Эвальдъ прибавляетъ, что, вѣроятно, были среди позднѣйшихъ іудеевъ какія-либо саги о Навуходоносорѣ, которыя дополнили собою историческій матеріалъ, бывшій въ рукахъ писателя книги Даниловой. Но развѣ не могло быть разнаго рода сагъ и легендъ объ ассирійскихъ царяхъ, о взятіи Самаріи, о походѣ Сеннахирима и т. п. и развѣ ими не могъ-бы воспользоваться тотъ-же писатель, чтобы вывести Данила въ его настоящей сферѣ, въ Ассиріи? Отрицать это мы не имѣемъ права. Бунзень, впрочемъ, хочетъ оправдаться еще тѣмъ, что Вавилонъ, какъ говоритъ онъ, все равно скоро заступилъ мѣсто Ассиріи. Но приводить подобнаго рода основаніе слишкомъ несправедливо: развѣ тотъ-же Вавилонъ въ свою очередь не уступилъ своего мѣста царству мидо-персидскому, а это—греко-македонскому и т. д.,—но имѣемъ ли мы право событія одного времени, одного мѣста переносить въ другую эпоху, въ другое государство, какъ сдѣлалъ, по представленію Эвальда и сторонниковъ его, писатель книги Даниловой? При такомъ извращеніи историческихъ фактовъ можно было-бы даже сомнѣваться, существовалъ ли въ дѣйствительности и самъ пророкъ Данилъ и не есть ли самая личность его такой же вымыселъ, какъ и та внѣшняя обстановка, какою окружилъ ее писатель его книги,—чего, однако, Эвальдъ не допускаетъ.

Какъ бы въ подтвержденіе, однако, того, что Вавилонъ скоро заступилъ мѣсто Ассиріи и что можно-де на этомъ основаніи историческіе факты изъ общественно-политической жизни одного государства переносить въ другое, Эвальдъ указываетъ на книгу Іудиевъ, гдѣ Навуходоносоръ названъ царемъ ассирійскимъ, царствовавшимъ въ Ниневіи ¹⁾, вѣроятно.

¹⁾ Іудиевъ 1, 1 и др.

въ силу смѣшенія Ассиріи съ Вавилономъ и неточнаго разграниченія событій древней исторіи, такъ какъ никакого Навуходносора ассирійскаго исторія не знаетъ. Противъ такого аргумента можно бы сказать многое. Прежде всего, книга Іудеи есть произведеніе позднѣйшаго времени ветхозавѣтной письменности¹⁾ и притомъ книга неканоническая, которая никогда не можетъ претендовать на богодухновенность и полнѣйшую непогрѣшимость; а отказать въ каноническомъ достоинствѣ и книгѣ Даниловой и тѣмъ поставить ее на одну доску съ неканоническими книгами едва ли рѣшится и самъ Эвальдъ. Главнымъ же образомъ для насъ важенъ вопросъ, имѣетъ ли книга Іудеи чисто-историческій характеръ и можно ли подъ упоминаемымъ въ ней Навуходносоромъ ассирійскимъ разумѣть извѣстнаго Навуходносора вавилонскаго. По отзыву одного спеціальнаго изслѣдователя этого вопроса, книга Іудеи не есть ни чисто-историческое, ни чисто-поэтическое произведеніе. Главнымъ основаніемъ ея послужили историческія событія изъ царствованія Антиоха III Великаго, царя сирійскаго,—именно походы его самого или кого-либо изъ его выдающихся полководцевъ противъ западно-азиатскихъ народовъ и въ частности іудеевъ; но, при воспроизведеніи этихъ историческихъ событій, писатель книги съ особою цѣлю употреблялъ аллегорическіе приемы, измѣнялъ собственныя (историческія) имена и т. д. Такъ, въ частности, Ассиріей онъ назвалъ Сирію („новый Ассуръ“), бывшую, подобно древней Ассиріи, жестокимъ врагомъ Іудеи; а подъ именемъ Навуходносора вывелъ того-же страшнаго для іудеевъ завоевателя Антиоха III, котораго боялся назвать его собственнымъ именемъ и потому умышленно на-

¹⁾ Правда, Эвальдъ и послѣдователи его относятъ къ самому позднему времени ветхозавѣтной исторіи и книгу Данилову; но здѣсь-то именно и заключается все зло, такъ какъ такое предположеніе позволяетъ имъ обращаться съ этой книгой слишкомъ уже безцеремонно.

звалъ именемъ аллегорическимъ, именемъ такого же ненавистнаго и такого же грознаго для іудеевъ врага ихъ Навуходносора; причемъ, назвавши этого Навуходносора царемъ ассирійскимъ, писатель ясно далъ понять, что онъ разумѣлъ подъ нимъ не извѣстнаго историческаго вавилонскаго Навуходносора, а какого-то другого, аллегорическаго „Навуходносора“,—именно царя „ассирійскаго“, ново-ассирійскаго, царство котораго (Сирія) сходно съ древней Ассиріей не по имени только, но и по характеру¹⁾. Между тѣмъ, такой аллегоризаціи историческихъ фактовъ и именъ никогда нельзя найти въ чисто-историческихъ и, притомъ, каноническихъ библейскихъ книгахъ и мѣстахъ, въ числу которыхъ и самъ Эвальдъ не отказывается отнести первую половину книги Даниловой; и онъ въ ней видитъ не аллегорическое воспроизведеніе жизни историческаго Данила, а только искаженіе историческихъ фактовъ; а между искаженіемъ и аллегоризаціей—громадная разница. Понятно, отсюда, что примѣръ изъ книги Іудеи, на которомъ Эвальдъ основываетъ одно изъ главныхъ своихъ положеній, здѣсь вовсе не идетъ къ дѣлу, такъ какъ книга эта отличается совершенно инымъ характеромъ, чѣмъ книги Царствъ, Паралипоменонъ, историческія мѣста книгъ Іереміи, Даниила и др., въ которыхъ цари ассирійскіе и вавилонскіе рѣзко отличаются другъ отъ друга и называются каждый принадлежащимъ ему именемъ²⁾. Въ частности книга Данилова носитъ на себѣ всецѣло историческій характеръ: каждый сообщаемый въ книгѣ фактъ, какъ будемъ не разъ видѣть впослѣдствіи, имѣетъ подъ собою историческую основу и достовѣрность его подтверждается по-

¹⁾ Дроздовъ Н. Историческій характеръ книги Іудеи. Кіевъ. 1876. Стр. 90—91; 93—107; 147—148; ср. стр. 28—89.

²⁾ См., напр., изъ сравнительно раннихъ библейскихъ свидѣтельствъ упоминаніе о Беродахъ-Баладанѣ, царѣ вавилонскомъ (4 Цар. 20, 12), и недалеко отъ него—о Сеннахиримѣ, царѣ ассирійскомъ (4 Цар. 18, 13; 19, 36—37), и др.

вѣйшими историческими памятниками и историческими свидѣтельствами. Нельзя, поэтому, видѣть въ ней и только нравственно-дидактическое, а не чисто-историческое произведение, такъ какъ внутренняя связь этой книги, съ одной стороны, съ книгами Царствъ и Паралипоменонъ, съ другой— съ книгами Эздры и Нееміи несомнѣнна; отрицая эту историческую связь, мы тѣмъ самымъ лишимъ себя не только главнаго, но и единственнаго источника для исторіи іудеевъ въ эпоху вавилонскаго плѣна.

Нельзя оставить безъ вниманія еще одного соображенія Кюнена. Призывая историческое существованіе самого пророка Даніила несомнѣннымъ, онъ въ тоже время сомнѣвается въ дѣйствительномъ существованіи трехъ друзей его на томъ будто-бы основаніи, что о нихъ слишкомъ мало говорится въ книгѣ Даніиловой. Къ такому заключенію привело Кюнена предположеніе, будто писатель этой книги перенесъ историческаго ассирійскаго Даніила въ Вавилонъ именно потому, что здѣсь въ эпоху плѣна вавилонскаго дѣйствительно существовалъ какой-то Даніилъ, какъ это видно изъ книгъ Эздры и Нееміи, гдѣ упоминается и объ Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ, и будто этихъ-то трехъ лицъ онъ по аналогіи называлъ друзьями и своего Даніила, совершенно вопреки исторической дѣйствительности. Такого рода соображенія, понятно, крайне натянуты. Неужели въ плѣну вавилонскомъ, на протяженіи свыше 70 лѣтъ, въ плѣмѣ народѣ-племеніи, кромѣ пророка Даніила и его друзей, не могли существовать еще четыре лица съ тѣми-же именами, которыя, притомъ, какъ мы упоминали, вовсе не рѣдки? Да и не странно ли было-бы со стороны писателя книги Даніиловой переносить этого пророка въ другое мѣсто, въ другую эпоху только потому, что гдѣ-то и когда-то существовалъ еще одинъ человекъ съ именемъ Даніила, если писатель убѣжденъ, что его Даніилъ жилъ въ Ассиріи и въ эпоху плѣна ассирійскаго? Такого рода извращеніе исторической правды не только непонятно, но и

совершенно неразумно. И что даетъ право Кюнелю отрицать историческое существованіе друзей Даніиловыхъ? Прежде всего, о нихъ говорится не такъ уже мало: третья глава книги Даніиловой (самая обширная въ греческой и славянской Библии) вся цѣликомъ посвящена разсказу объ этихъ именно лицахъ, такъ какъ о самомъ пророкѣ Даніилѣ она не говоритъ ни слова; да и въ другихъ мѣстахъ книги ¹⁾ друзья дѣйствуютъ сообща съ Даніиломъ, преслѣдуютъ вмѣстѣ тѣ или другіе религіозно-нравственные интересы. Если же пророкъ Даніилъ является среди нихъ передовымъ лицомъ, то неужели отсюда слѣдуетъ, что онъ одинъ только дѣйствительно существовалъ? Развѣ всѣ вообще писатели о существующихъ лицахъ и вещахъ говорятъ непремѣнно много, а о вымышленныхъ мало? Кюнелю, положимъ, объясняетъ самое появленіе въ книгѣ Даніиловой друзей пророка заимствованіемъ именъ ихъ изъ книгъ Эздры и Нееміи; но невозможность или, по крайней мѣрѣ, странность такого явленія для насъ очевидна уже изъ того, что было сказано по этому поводу раньше.

Переходимъ, наконецъ, къ послѣдней своеобразной теоріи касательно личности и времени жизни пророка Даніила, представителями которой являются Эрнестъ Бунзенъ, Нольдеке и Кёнигъ, отождествляющіе пророка Даніила съ Даніиломъ-священникомъ, современникомъ Эздры и Нееміи.

Для Эрнеста Бунзена исходной точкой его разсужденій служить личность упоминаемаго въ книгѣ Даніиловой Дарія Мидянина. Царя съ такимъ именемъ, говоритъ онъ, исторія не знаетъ, а отождествлять его съ Киромъ тоже нельзя; вѣроятно, поэтому, писатель назвалъ такъ знаменитаго Дарія Гистаспа, царствовавшаго гораздо позже Кира. Но въ такомъ случаѣ Даніилъ не могъ жить еще при Даріѣ Гистаспѣ, если онъ былъ взятъ въ плѣнъ, какъ говоритъ книга его имени

¹⁾ Дан. 1, 6. 7. 12. 17. 19. 20; 2, 17. 18. 49.

въ 3 годъ царствованія Іоакима: еслибы тогда ему было даже 1—3 года, то при вступленіи на престоль Дарія Гистаспа онъ былъ-бы уже 78-лѣтнимъ старцемъ. Естественноѣе, поэтому, предположить, что пророкъ Даниилъ жилъ дѣйствительно еще при Даріѣ Гистаспѣ, что онъ вмѣстѣ съ Эздрую возвратился изъ Вавилона въ Палестину и есть тотъ самый Даниилъ-священникъ, о которомъ говорятъ Эзра и Неемія ¹⁾; вѣроятно, онъ былъ и изъ числа судей народа іудейскаго, какіе существовали въ плѣну вавилонскомъ, какъ видно изъ исторіи Сусанны; по преданію, онъ же былъ и членомъ великой синагоги, основанной Эздрую, но никакъ не пророкомъ вавилонскаго плѣна, чего доказать во всякомъ случаѣ нельзя ²⁾.

Нольдеке предполагаетъ, что имя пророка Даниила писатель его книги заимствовалъ у пророка Іезекиіля; но такъ какъ о какомъ-то Даниилѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и объ Ананіи, Азаріи и Мисаилѣ говорится въ книгахъ Эдры и Нееміи, то есть основаніе предположить, что писатель книги Данииловой вывелъ именно этихъ четырехъ современниковъ Эдры, только отнесъ ихъ почему-то къ болѣе раннему времени, — эпохѣ плѣна вавилонскаго ³⁾.

За современниковъ же Эдры и Нееміи, упоминаемыхъ ими въ своихъ книгахъ, считаетъ пророка Даниила и друзей его и Кѣнигъ, не отрицая, конечно, того, что друзья эти жили уже въ плѣну вавилонскомъ, откуда возвратились въ отечество вмѣстѣ со своими соплеменниками ⁴⁾.

Возраженія эти для насъ уже далеко не новы: рѣшительно всѣ частные элементы ихъ были уже нами разсмотрѣны. Могъ ли писатель книги Данииловой заимствовать имя

¹⁾ 1 Эдр. 8, 2; Неем. 10, 6.

²⁾ *Bunsen* Ernst. Die Einheit der Religionen. I. Baud. Berlin. 1870. S. 506—508.

³⁾ *Nöldeke* Th. Die alttestamentliche Literatur. Leipzig. 1868. S. 229.

⁴⁾ *König* E. Einleitung in das Alte Testament. Bonn. 1893. S. 385, 391.

пророка Даниила изъ книги пророка Іезекиіля,—это мы видѣли при разборѣ теорій Гитцига и Корниля; а говорить ли онъ о тѣхъ четырехъ мужахъ, которые упоминаются въ книгахъ Эдры и Нееміи,—объ этомъ сказали по поводу гипотезъ де-Ветте, Блека, Фатке и Рима. Разница между взглядомъ послѣднихъ и предположеніемъ Нольдеке и Кѣнига состоитъ только въ томъ, что де-Ветте, Блекъ, Фатке и Римъ говорятъ исключительно объ *именахъ* Даниила и друзей его, подъ которыми будто-бы писатель книги Данииловой вывелъ какихъ-то фантастическихъ лицъ; по Нольдеке же и Кѣнигу, писатель этотъ говоритъ именно объ указанныхъ современникахъ Эдры и Нееміи, т. е. объ историческихъ лицахъ, но исторію ихъ жизни передаетъ не исторически, потому что относить ихъ къ другому времени и другой обстановкѣ. Что же побудило писателя намѣренно извратить историческую дѣйствительность,—объ этомъ Нольдеке и Кѣнигъ не говорятъ ни слова. Въ виду такого характера ихъ теоріи, для которой и сами представители ея не могутъ или не хотятъ высказать какихъ-либо достаточныхъ хотя съ ихъ точки зрѣнія основаній, трудно даже высказать сужденіе о какомъ-либо ея достоинствѣ.

Для Эрнеста же Бунзена камнемъ преткновенія служитъ личность Дарія Мидянина, въ которомъ онъ, подобно Христіану Карлу Бунзену, видитъ Дарія Гистаспа, сходнаго съ нимъ по имени, да притомъ же еще дѣйствительно завоевавшего нѣкогда Вавилонъ, что приписывается въ книгѣ Данииловой Дарію Мидянину. О неосновательности подобнаго отождествленія мы уже говорили при разборѣ теоріи Христіана Карла Бунзена. Дарій Мидянинъ и Дарій Гистаспъ—это совершенно различныя лица; послѣдній не былъ и не можетъ быть названъ „мидяниномъ“, такъ какъ къ Мидіи онъ не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія; а первый есть дѣйствительно историческое лицо, мидійскій государь, предшественникъ Кира по управленію вавилонскимъ государствомъ, какъ это

увидимъ въ послѣдствіи. Въ виду этого и главное положеніе теоріи Эрнеста Бунзена не имѣетъ для насъ никакой цѣны. Даниилъ жилъ не при Даріѣ Гистаспѣ, а при Даріѣ Мидянѣ, какъ и говоритъ о томъ извѣстная подъ его именемъ библейская книга;—былъ пророкъ вавилонскаго плѣна, а не послѣплѣнный уже священникъ, да кромѣ того судья и членъ великой синагоги, какъ говоритъ о немъ Бунзень. Одно тожество именъ обоихъ историческихъ Данииловъ еще ничего не говоритъ; а различіе общественнаго положенія, сравнительныхъ заслугъ, условій дѣятельности того и другого—само собою говоритъ и о различіи самыхъ лицъ.

Мы покончили съ вопросомъ объ историческомъ существованіи пророка Даниила и времени его жизни. Путемъ анализа и критическаго разбора главнѣйшихъ основаній относящихся сюда теорій, мы дали сильное доказательство того, что теоріи эти вообще неосновательны и недоказательны и даже для самыхъ представителей ихъ иногда не восходятъ далѣе простой вѣроятности; очевидно, поэтому, что онѣ не въ силахъ подорвать историческаго достоинства книги Данииловой. Но этимъ только не исчерпывается подготовительная часть нашей работы. Положимъ, мы доказали, что пророкъ Даниилъ есть историческое лицо, что онъ жилъ именно въ вавилонскомъ плѣну,—не раньше и не позже; но дѣйствительно ли вся жизнь его сложилась такъ, какъ изображаетъ ее книга Даниилова? Дѣйствительно ли всѣ частные эпизоды ея носятъ на себѣ такую же печать исторической достовѣрности, какую имѣетъ, судя по доказанному нами, общая идея этой книги? Нечего и говорить, насколько важенъ этотъ вопросъ самъ по себѣ. Въдѣ книга Даниилова есть единственный источникъ для жизнеописанія этого пророка; между тѣмъ, несмотря на ея богодухновенность и всѣми признаваемое каноническое достоинство, многіе не вѣрятъ этой книгѣ, а если и вѣрятъ, то только общей идеѣ ея, считая всѣ частности только вымыслами писателя, не имѣющими въ себѣ исторической

достоверности. Такъ смотрятъ, конечно, всѣ представители разобранныхъ нами теорій, которые, то отрицая безусловно историческое существованіе пророка Даниила, то перенося его во время раннѣйшее или позднѣйшее вавилонскаго плѣна, по необходимости должны отвергнуть историческую достовѣрность книги Данииловой, по крайней мѣрѣ, ея частнѣйшихъ эпизодовъ, всѣхъ хронологическихъ и топографическихъ датъ. Даже одинъ изъ нихъ—Кнобель, который, какъ мы видѣли, допускаетъ существованіе и „плѣннаго“ Даниила (наряду съ „доплѣннымъ“), и тотъ довѣряетъ только общей идеѣ книги Данииловой, на которой, какъ исторической основѣ, въ послѣдствіи, по его взгляду, возникъ сказочный, легендарный рассказъ, наполненный разнаго рода преувеличеніями, наростами, вымыслами досужей фантазіи писателя и т. п., и образовалъ въ концѣ концовъ такую смѣсь историческаго и мифическаго элемента, что разъединить то и другое рѣшительно невозможно ¹⁾. Совершенно такъ же смотрятъ на книгу Даниилову, называя ее то историческимъ романомъ, то фантастической легендой, Корроди ²⁾, Бертольдъ ³⁾, Кирмсъ ⁴⁾, Фирстъ ⁵⁾, Тиле ⁶⁾ и др., которые, правда, не высказываютъ опредѣленнаго взгляда на характеръ самой личности пророка Даниила, но, нужно думать, и не отрицаютъ вообще его историческаго существованія и именно въ эпоху вавилонскаго плѣна. При такомъ однако воззрѣніи на сущность книги Данииловой, по-

¹⁾ *Knobel A. Der Prophetismus der Hebräer. II. Th. S. 390—401.*

²⁾ *Corrodi. Freimüthige Versuche über verschiedene in Theologie und biblische Kritik einschlagende Gegenstände. Berlin. 1783. S. 1.—Versuch einer Beleuchtung der Geschichte des jüdischen und christlichen Bibelkanons. B. I. Halle. 1792. S. 75—95.*

³⁾ *Bertholdt L. Daniel. I. Hälfte. Erlangen. 1806. S. 8—9.*

⁴⁾ *Kirmss. Commentatio historico-critica, exhibens descriptionem et censuram recentiorum de Danielis libro opinionum. Jena. 1828. p. 6.*

⁵⁾ *Fürst J. Geschichte der biblischen Literatur. II. Band. 1870. S. 538.*

⁶⁾ *Tiele C. P. Babylonisch-assyrische Geschichte. I. Teil. 1886. S. 8.*

нятно, нельзя сказать ничего определеннаго объ обстоятельствахъ жизни и дѣятельности самого Даниїла: онъ представляется только пророкомъ вавилонскаго плѣна, пожалуй (по сужденіямъ болѣе умѣренныхъ критиковъ) воспитаннымъ при дворѣ и достигшимъ высокаго государственнаго положенія; но какъ все это случилось, какими слѣдствіями это сопровождалось,—остается неизвѣстнымъ; отъ цѣльнаго образа свѣтлой личности Даниїла остается только скелетъ, а вся жизненность и весь интересъ ея пропадаютъ. Вотъ почему на историческій характеръ книги Давіиловой (въ полномъ ея составѣ) необходимо обратить должное вниманіе, чтобы имѣть затѣмъ полное право видѣть въ ней въ собственномъ смыслѣ *источникъ* для жизнеописанія пророка Даниїла и на основаніи этого источника нарисовать какъ вообще среду, въ которой жилъ и дѣйствовалъ этотъ пророкъ, такъ въ частности дѣятельность Давіила и его значеніе въ исторіи богоизбраннаго народа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Историческій характеръ книги Даниїловой, какъ источника для жизнеописанія сего пророка.

Что же въ сущности даетъ основаніе указаннымъ нами въ предшествующей главѣ представителямъ западной богословской науки отрицать достовѣрность книги пророка Даниїла то въ цѣломъ ея объемѣ, то только въ ея частнѣйшихъ фактахъ и эпизодахъ?

Главнымъ образомъ, конечно, особенность содержанія этой книги, преимущественно обиліе чудснаго элемента въ ней, обусловленная, въ свою очередь, исключительнымъ характеромъ дѣятельности самого пророка Даниїла. Въ самомъ дѣлѣ, съ чисто внѣшней стороны пророкъ этотъ рѣзко обособляется отъ всѣхъ другихъ пророковъ, какихъ обыкновенно привыкли видѣть іудеи, какимъ былъ, напр., и Іезекиль, жившій одновременно съ Даниїломъ же въ вавилонскомъ плѣну. Обыкновенно пророки іудейскіе жили среди своихъ же соплеменниковъ; ихъ они непосредственно учили, среди нихъ были то священниками, то руководителями, то вообще вѣстниками воли Божіей, посредниками между Йеговою и Его народомъ; во время же общественныхъ бѣдствій, въ разсѣяніи, въ плѣну пророки являлись сильнымъ объединяющимъ звеномъ, по крайней мѣрѣ, лучшей части Израїля, центромъ, отъ котораго исходило или вокругъ котораго вращалось и народное учительство, и религіозныя проявленія, и общественное управленіе. Такое значеніе имѣла дѣятельность и пророка Іезекіиля среди вавилонскихъ плѣнниковъ-іудеевъ. Между тѣмъ, дѣятельность Даниїла въ томъ-же Вавилонѣ идетъ совершен-

Св. пророкъ Даниїль.

но другимъ путемъ: онъ—одинъ изъ первыхъ сановниковъ языческихъ государей, живетъ во дворцѣ, изучаетъ „мудрость халдейскую“, занимается вавилонскими государственными дѣлами и т. д. Другіе пророки говорятъ вообще объ Израилѣ, Иерусалимѣ, храмѣ, жертвахъ; судьбы же языческихъ народовъ они касаются лишь постольку, поскольку она связана съ судьбою народа Божія. Между тѣмъ, религиозно-политическій кругозоръ пророка Даниила несравненно шире: указывая въ своихъ пророчествахъ на постепенное приближеніе мессіанскаго царства, какъ царства, притомъ, вѣчнаго и всеобщаго, онъ изображаетъ политическую судьбу міровыхъ языческихъ монархій, какъ средоточія общественной жизни домессіанскаго человѣчества, и говоритъ о постепенной смѣнѣ ихъ, заканчиваемой наступленіемъ и господствомъ мессіанскаго царства ¹⁾. Вотъ почему насколько другіе пророки были іудейскими въ собственномъ смыслѣ этого слова, настолько же Даниилъ былъ пророкомъ всего современнаго ему человѣчества и даже преимущественно языческаго. Но не потому ли талмудъ отрицаетъ даже пророческое достоинство Даниила ²⁾? Не потому ли и указанные нами западные богословы хотятъ превратить исторію жизни пророка Даниила въ легенду или романъ, навязываютъ писателю его книги разнаго рода политическія тенденціи, а въ каждомъ историческомъ ея разсказѣ видятъ аллегорическое или символическое изображеніе позднѣйшихъ событій, примѣръ чего мы уже видѣли въ теоріи Христіана Карла Бунзена? На распространеніе такого рода воззрѣнія на книгу Даниилу имѣлъ особенно вліяніе своеобразный взглядъ большинства протестантскихъ богослововъ на время составленія этой книги. Изъ сказаннаго нами въ предшествующей главѣ можно было ви-

¹⁾ Указываемъ только на чисто-внѣшнія черты отличія дѣятельности и ученія пророка Даниила отъ другихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ.

²⁾ *Wünsche* A. Der babylonische Talmud. I. Halbband. Leipzig. 1886. S. 489.

дѣтъ, что самое появленіе книги представители разобранныхъ тамъ теорій относятъ ко времени далеко позднѣйшему вавилонскаго плѣна: писатель ея, воспользовавшійся будто-бы то отзывомъ о Даниилѣ Іезекиіля, то устнымъ преданіемъ о Даниилѣ, то какой-то „сагой“ о немъ, переходившей изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, долженъ былъ жить и писать свою книгу гораздо позже и вавилонскаго плѣна, и самого Іезекиіля. Такимъ временемъ, къ которому можно будто-бы приурочить происхожденіе книги Данииловой, признаютъ время Маккавеевъ, приблизительно за полтора вѣка до Р. Хр.; писателемъ же ея считаютъ, конечно, не Даниила, а какого-то іудея, жившаго въ эту эпоху. При такомъ воззрѣніи на время происхожденія и личность писателя книги Данииловой, естественно, является самый широкій просторъ для какихъ-угодно сужденій и относительно самыхъ описываемыхъ въ ней лицъ и событій: въ самомъ дѣлѣ, если книга написана спустя 400 лѣтъ послѣ плѣна, о которомъ она говоритъ,—написана какимъ-то іудеемъ, который неизвѣстенъ даже по имени ¹⁾, а тѣмъ болѣе по своимъ религиозно-нравственнымъ качествамъ (хотя и опредѣляютъ его словомъ „какой-то благочестивый іудей“), по своему общественному положенію, по своему значенію въ исторіи народа Божія,—то почему не можетъ зарониться въ насъ сомнѣніе, правду ли сообщаетъ этотъ писатель, дѣйствительно ли онъ передаетъ исторію того, что было съ евреями въ Вавилонѣ, дѣйствительно ли даже существовалъ самъ пророкъ Даниилъ, по крайней мѣрѣ, въ это время? Если даже писатель книги излагаетъ обстоятельства жизни историческаго Даниила вполне согласно съ дошедшимъ до него преданіемъ или, допустимъ,

¹⁾ Кажется, одинъ только Гитцигъ называетъ этимъ писателемъ определенное лицо,—именно первосвященника Оніу IV, бѣжавшаго въ Египетъ и тамъ будто-бы написавшаго нашу книгу Даниилову.—*Hitzig* F. Kurzgefasstes exegetisches Handbuch z. A. T. X. Lief. S. X.

„сагою“ объ этомъ пророкъ, то не превратилось ли само преданіе, въ теченіе 400 лѣтъ своего существованія среди родовъ и поколѣній іудейскаго народа, въ легенду, далеко отстоящую по своей правдоподобности отъ дѣйствительной исторіи жизни и дѣятельности пророка, хорошо извѣстной, конечно, плѣнникамъ вавилонскимъ? Всѣ эти вопросы весьма естественны,—между тѣмъ рѣшеніе ихъ существенно важно для насъ; и рѣшеніе это зависитъ всецѣло отъ такой или иной постановки вопроса о времени составленія и писателѣ книги Даниловой. Вопросомъ о времени составленія книги мы и должны пока занять наше вниманіе; рѣшеніе его поведетъ къ болѣе или менѣе опредѣленному сужденію о писателѣ книги Даниловой, а отсюда уже достаточно будетъ видна и историческая достовѣрность ея.

Въ рѣшеніи вопроса о времени происхожденія книги Даниловой мы встрѣчаемся съ двумя противоположными взглядами: по одному, книга эта написана въ плѣну вавилонскомъ, при жизни самого пророка Даниила; по другому—въ Палестинѣ, во время Антіоха Епифана и Маккавеевъ, между 170 и 164 г. до Р. Хр.¹⁾ Послѣдній взглядъ весьма распространенъ особенно среди представителей протестантскаго богословія и съ каждымъ годомъ приобрѣтаетъ себѣ все болѣе и болѣе сторонниковъ²⁾. Другихъ сужденій по тому-же

¹⁾ Разногласія защитниковъ послѣдняго взгляда при точномъ опредѣленіи самаго года написанія книги Даниловой, тоже не незначительны.

²⁾ Первымъ выразителемъ и защитникомъ его былъ знаменитый Порфирій (Библиотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ. Книга 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Киевъ. 1894. Стр. 1). За нимъ постепенно слѣдуютъ: Spinoza (Tractatus theologico-politicus. Hamburgi. 1670. P. 132), Corrodi (Freimüthige Versuche über verschiedene in Theologie und bibl. Kritik einschlagende Gegenstände. S. 1), Bertboldt (Daniel. I. Hälfte. S. 22—40), Griesinger (Neue Ansicht der Aufsätze im Buche Daniel. Stuttg. u. Tüb. 1815), Kirms (Commentatio historico-critica, exh. descriptionem et censuram recentiorum de Dan. libro opinioſum), Lengerke (Das Buch Daniel. S. III—LXXXIII; C), Knobel (Der Prophetismus d. Hebräer. II. Th. S. 396), Hitzig (Kurzgef.

вопросу не видно. Выборъ, слѣдовательно, остается только между двумя указанными взглядами,—положительнымъ и отрицательнымъ: книга пророка Даниила написана или при жизни самого пророка, или же 400 лѣтъ спустя, въ эпоху маккавейскую. Мы достигнемъ, конечно, своей цѣли, если намѣтимъ основанія, которыя бы неопровержимо говорили въ пользу вавилонскаго именно происхожденія книги Даниловой, и представимъ возраженія противъ доводовъ, приводимыхъ защитниками маккавейскаго происхожденія ея.

Совершенно естественно начать съ послѣдняго. Что, въ самомъ дѣлѣ, даетъ основаніе сторонникамъ маккавейскаго

exeg. Handbuch z. A. T. X. Lief. S. X), Fritzsche (Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zu den Apokryphen des A. T. I. Lieferung. Leipzig. 1851. S. 111), Lücke (Versuch einer vollständigen Einleitung in die Offenbarung des Johannes. 2. Aufl. Bonn. 1852. S. 41), Eisenlohr (Das Volk Israel unter der Herrschaft der Könige. II. Theil. Leipzig. 1856. S. 369), Meier (Geschichte d. poetischen National-Literatur d. Hebräer. S. 252), Hilgenfeld (Die jüdische Apokalyptik. Iena. 1857. S. 19), Bunsen Chr. C. (Gott in der Geschichte. I. Th. S. 302—304), Stähelin (Specielle Einleitung in die kanon. Bücher d. A. T. Elberfeld. 1862. S. 346—351), Herzfeld (Geschichte des Volkes Israel. 2. Ausg. B. I u. II. Leipzig. 1863. S. 419), Baxmann (Über das Buch Daniel. Theolog. Stud. u. Krit., 1863, S. 452—532), Ewald (Geschichte d. Volkes Israel. IV. B. S. 394), Hausrath (Geschichte d. alttest. Literatur. S. 120), Weber (Geschichte d. Volkes Israel. I. B. S. 455), Nöldeke (Die alttest. Literatur. S. 223), Graf (Schenkel's Bibel-Lexikon. I. B. S. 569), de-Wette (Lehrbuch d. hist.-krit. Einleitung in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T. S. 507), Bunsen E. (Die Einheit d. Religionen. I. B. S. 503—507), Reuss (Die Geschichte d. heil. Schriften A. T. S. 576—579), Ledrain (Histoire d'Israel. II partie. Paris. 1882. P. 167—168), Riehm (Handwörterbuch des Bibl. Altertums. I. B. Bielefeld u. Leipzig. 1884. S. 255), Piepenbring (Théologie de l'ancien testament. Paris. 1886. P. 293), Bleek (Einleitung in d. A. T. S. 440), Vatke (Hist.-krit. Einl. in d. A. T. S. 665, 667), Stade (Geschichte des Volkes Israel. II. Band. Berlin. 1888. S. 323), Schürer (Geschichte d. jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. 2. Aufl. I. Th. Leipzig. 1890. S. 155. II. Theil. 1886. S. 613), Kuenen (Hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. II. Th. S. 473—475, 483), Cornill (Grundriss der theol. Wissenschaften. II. Th. I. B. S. 260), Renan (Histoire du peuple d'Israel. T. IV. P. 343), Kamphausen (D. Buch Daniel. S. 2, 37, 38), König (Einleitung in d. A. T. S. 382, 390, 391) и др.

происхожденія книги Данииловой относить ее къ этой именно эпохѣ, а не ко времени плѣна вавилонскаго? Прежде всего, мѣсто книги Данииловой въ іудейскомъ канонѣ, гдѣ она помѣщается не среди пророческихъ книгъ, а въ третьемъ отдѣлѣ канона, въ ряду такъ называемыхъ „писаній“ (ketubim¹⁾) или агіографовъ, да и среди нихъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ²⁾. Это указываетъ, говорятъ, на происхожденіе книги уже въ позднѣйшее время, когда рядъ пророческихъ книгъ былъ законченъ и образовалъ особую часть канона. На самое возникновеніе ветхозавѣтнаго канона защитники таковаго возрѣнія—Бертольдъ³⁾, де-Ветте⁴⁾, Рейсъ⁵⁾ и др.—смотрятъ слишкомъ уже механически: въ первую часть канона собиратели его, говорятъ они, внесли Пятовнижіе Моисеево; во вторую—писанія пророческія, откуда и вся эта часть канона получила названіе „пророковъ“; къ „пророкамъ“ же отнесли книги І. Навина, Судей и Царствъ, потому что третьей части канона еще не существовало; но появленіи же позднѣйшихъ книгъ составили изъ нихъ третью часть канона—„писанія“, куда, какъ позднѣйшая, вошла и книга Даниилова. Проводить такой взглядъ на происхожденіе ветхозавѣтнаго канона нѣтъ никакихъ основаній. Почему, въ самомъ дѣлѣ, можно было внести въ разрядъ „пророковъ“ книги І. Навина, Судей и Царствъ, а нѣсколько позже нельзя было уже присоединить къ нимъ чисто-пророческую книгу Даниилу? Чѣмъ ограждена была вторая часть канона отъ при-

¹⁾ Известно дѣленіе у евреевъ канона священныхъ книгъ на „законъ“ (תורה—*tora*), „пророковъ“ (נביאים—*nebiim*) и „писанія“ (כתובים—*ketubim*).

²⁾ Рядъ агіографовъ, по талмуду, слѣдующій: книга Руоъ, Псалтирь, Іова, Притчи, Екклесіастъ, Пѣснь пѣсней, Плачь, Даниила, Эсфирь, Эздръ и Паралипоменонъ (*Wünsche A. Der babylonische Talmud. II. Halbb., 2. Abth. Leipzig. 1888. S. 139.*)

³⁾ *Bertholdt. Daniel. I. Hälfte. S. 90—92.*

⁴⁾ *De-Wette. Lehrbuch d. hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. S. 501, 29.*

⁵⁾ *Reuss. Die Geschichte d. heil. Schriften A. T. S. 577-*

внесенія въ нее новыхъ книгъ? Какъ будто не оказалось мѣста для книги Данииловой? Вѣроятно, не это, а что-нибудь другое послужило причиной такого явленія. Да и ничѣмъ нельзя доказать, что агіографы—это позднѣйшія произведенія священной письменности. Самое слово ketubim (כתובים отъ כתב) значитъ именно „писанія“, известный родъ письменности, отличный отъ „закона“ или „пророковъ“. Въ новомъ завѣтѣ эти „писанія“ называются „псалмами“¹⁾. Не значитъ ли это, что псалмы были въ „писаніяхъ“ центромъ, вокругъ котораго группировались другія привнесенныя сюда священные произведенія, точно такъ, какъ и пророческія книги дали названіе второй части канона—„пророкамъ“. Но ни отсюда не видно, чтобы священные книги, входящія въ разрядъ „писаній“, были именно позднѣйшими по времени происхожденія книгами: книга Руоъ, напр., и Псалтирь сравнительно ранняго происхожденія; Плачь Іереміинъ, конечно, современенъ самой книгѣ Іереміиной, а между тѣмъ послѣдняя внесена въ разрядъ „пророковъ“, въ то время какъ Плачь—въ „писанія“. Чѣмъ это объяснить? Не указываетъ ли послѣдній примѣръ на то, что Плачь не по времени происхожденія, а по чему-то другому отличенъ отъ пророческой книги Іереміиной и не могъ быть внесенъ въ разрядъ „пророковъ“? Не въ силу ли особыхъ внутреннихъ побужденій присоединили къ „писаніямъ“ (а не „пророкамъ“) и книгу Даниилу? Нельзя не прибавить здѣсь, что привнесеніе или, лучше, перенесеніе этой книги въ разрядъ „писаній“ принадлежитъ, кажется, только позднѣйшему времени,—позднѣйшему самаго принятія этой книги въ канонъ. Вѣдь въ александрійскомъ переводѣ LXX (а отсюда—и въ нашемъ славянскомъ) книга Даниилова помѣщается въ ряду пророческихъ книгъ, послѣ книги Іезекіила. Такъ же помѣщаетъ ее Іосифъ Флавій, когда опредѣляетъ число входившихъ въ

¹⁾ Лк. 24, 44.

канонъ священныхъ книгъ и раздѣляетъ ихъ на три группы: пять книгъ Моисеевыхъ, тринадцать пророческихъ, содержащихъ исторію народа Божія отъ кончины Моисея до правленія Артаксеркса, царя персидскаго, и четыре остальные книги, содержащія священныя пѣсни Богу и наставленія для жизни людямъ¹⁾; во второй разрядъ книгъ онъ включаетъ, несомнѣнно, и книгу пророка Даниила, котораго называетъ „однимъ изъ великихъ пророковъ“²⁾; потому что въ разрядъ четырехъ книгъ „писаній“, о которыхъ Флавій говоритъ, включить эту книгу никоимъ образомъ нельзя. Не указываетъ ли это обстоятельство на то, что и у евреевъ книга Даниилова помѣщалась нѣкогда среди пророческихъ книгъ, а въ разрядъ „писаній“ перенесена талмудистами позже? Вѣдь талмудъ, какъ мы упоминали, не считаетъ Даниила даже пророкомъ, а его книгу, слѣдовательно, пророческою въ собственномъ смыслѣ этого слова. Дѣйствительно, не говоря уже объ исключительномъ характерѣ дѣятельности Даниила, и пророчества его значительно разнятся отъ пророчествъ другихъ пророковъ: они облечены въ форму возвышенныхъ видѣній, смыслъ которыхъ высокъ и глубокъ и для непосредственнаго сознанія мало доступенъ; объясненіе ихъ должно было быть „запечатано до послѣдняго времени“³⁾. У другихъ пророковъ этого не видно. Совершенно естественно было выдѣлить книгу Даниилу изъ ряда собственно-пророческихъ книгъ и помѣстить ее наряду, напр., съ Псалмами, Притчами, Пѣсню пѣсней, произведеніями благочестивыхъ мужей,—пророковъ по духу, чего, конечно, талмудисты не отрицали и въ Даниилѣ. Не имѣло ли при этомъ косвеннаго вліянія и то обстоятельство, что часть книги Данииловой написана на арамейскомъ языкѣ? Талмудисты при своихъ исключительныхъ воззрѣніяхъ могли на этомъ основаніи помѣстить ее наряду

¹⁾ Иосифъ Флавій. О древностяхъ противъ Аппіона. Кн. I. Стр. 350—351.

²⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Ч. II. Стр. 168.

³⁾ Дан. 12, 4.

съ книгой Эздры, нѣкоторые отрывки которой написаны тоже по арамейски. Не имѣетъ, поэтому, значенія ссылка указанныхъ нами западныхъ богослововъ на мѣсто книги Данииловой въ ряду агіографовъ, такъ какъ оно нисколько не говоритъ въ пользу позднѣйшаго, маккавейскаго происхожденія этой книги: если стать на своеобразную точку зрѣнія этихъ критиковъ и признать какой-то хронологическій порядокъ священныхъ книгъ ветхозавѣтнаго канона, тогда придется отнести къ маккавейскому же, а пожалуй и еще позднѣйшему времени книги Эсеиръ, Эздры и Паралипоменонъ, что, конечно, немыслимо.

Затѣмъ, противъ домаккавейскаго существованія книги Данииловой указываютъ на то, что Сирахъ въ своемъ пространномъ перечнѣ знаменитыхъ мужей древности совершенно не упоминаетъ о пророкѣ Даниилѣ¹⁾; а это будто-бы свидѣтельствуется о томъ, что при составленіи книги Сираховой²⁾ Данииловой книги еще не существовало³⁾. Дѣлать такой выводъ, во всякомъ случаѣ, слишкомъ поспѣшно. Если обратимъ вниманіе на самый рядъ именъ прославляемыхъ Сирахомъ (гл. 44—49) праведниковъ, то увидимъ, что здѣсь превозносятся преимущественно мужи, дѣйствовавшіе непосредственно среди народа Божія, его національные дѣятели. Но это не все. Замѣчательно, что Сирахъ ни слова не говоритъ, напр., о царѣ Иосафатѣ, Эздрѣ, Мардохеѣ и др., между тѣмъ какъ превозноситъ похвалами Іосіу, Зоровавеля, Исуса, сына Іоседекова, и Неемію; пропускъ Эздры (конечно, болѣе зна-

¹⁾ Сир., гл. 49. См. стихи 10—13: переходъ отъ Іезекіила и двѣнадцати пророковъ прямо къ Зоровавелю.

²⁾ Приблизительно въ началѣ III в. до Р. Хр.

³⁾ Указываемыя нами возраженія принадлежатъ въ большей или меньшей мѣрѣ вообще защитникамъ маккавейскаго происхожденія книги Данииловой, которые то высказываютъ ихъ самостоятельно, то ссылаются другъ на друга. Называть поименно представителей такого или иного воззрѣнія значило-бы повторять одинъ и тотъ-же рядъ именъ, приведенныхъ нами выше.

менитаго въ исторіи народа израильскаго, чѣмъ Зоровавель), да еще наряду съ восторженною рѣчью о Нееміи—особенно непонятенъ; а между тѣмъ книга Эздры въ то время, несомнѣнно, существовала, такъ же, какъ и книга Нееміи,—и объяснять этотъ пропускъ незнаніемъ или отсутствіемъ книги Эздры нельзя. Какіе въ частности мотивы этого пропуска,—трудно сказать, но они-то, конечно, не случайны, какъ не случаенъ пропускъ и имени Даниила. Но выводить отсюда, что книги Данииловой во время Сираха еще не существовало,—логически невозможно. Собственно говоря, молчаніе это могло-бы говорить не противъ существованія книги Данииловой, а противъ существованія самого Даниила (а вмѣстѣ съ нимъ и Эздры, Мардохея и др.); но такое заключеніе, конечно, немыслимо. Между тѣмъ, что книга Даниилова во время Иисуса, сына Сирахова, уже существовала,—мало того,—что онъ имѣлъ ее подъ руками и пользовался ею,—на это есть ясный намекъ: ученіе его о „вождяхъ“ cadaго народа¹⁾ предполагаетъ собою знакомство съ мѣстами книги Данииловой объ ангелахъ или „князьяхъ“ царствъ и народовъ²⁾; замѣчаніе о преемственной смѣнѣ мировыхъ монархій³⁾ напоминаетъ пророчество Даниила о томъ-же⁴⁾.

Несостоятельно также и возраженіе, будто у послѣднихъ пророковъ (Аггея, Захаріи и Малахіи) не видно никакихъ слѣдовъ знакомства ихъ съ книгой Даниила,—иначе оно имѣло-бы сильное вліяніе на ихъ мессіанскія воззрѣнія. Слѣды этого знакомства есть въ книгѣ пророка Захаріи: нѣкоторыя мѣста его настолько темны, что объясняются только при сопоставленіи ихъ съ соответствующими пророчествами книги Данииловой, которыя, очевидно, они предполагаютъ, какъ уже извѣстныя, и на которыя дѣлаютъ

¹⁾ Сир. 17, 14.

²⁾ Дан. 10, 13. 20. 21; 12, 1.

³⁾ Сир. 10, 8.

⁴⁾ Дан. 2, 37—45.

тонкіе намеки. Таково, напр., видѣніе Захаріи о 4 рогахъ¹⁾, означающихъ собою тѣ „роги, которые разбросали Іуду, Израиля и Іерусалимъ“, и еще яснѣе—„роги народовъ, поднявшихъ рогъ свой противъ земли Іуды, чтобы разсѣять ее“²⁾. Не трудно усмотрѣть здѣсь тѣже 4 царства, владычествовавшія преемственно надъ іудеями, о которыхъ говоритъ пророкъ Данииль³⁾. Но еще яснѣе видна связь пророчествъ Захаріи и Даниила о томъ-же предметѣ изъ другого видѣнія пророка Захаріи—о 4 колесницахъ съ различными въ каждой конями: въ первой—рыжими, во второй—вороними, въ третьей—бѣлыми и въ четвертой—пѣгими⁴⁾. Эти четыре колесницы, параллельныя четыремъ вѣтрамъ небеснымъ⁵⁾, указываютъ на тѣже 4 царства Данииловы. Самые цвѣта коней представляютъ собою нѣкоторую аналогію съ тѣми образами, въ которыхъ изображаетъ свои царства пророкъ Данииль: рыжий цвѣтъ коней первой колесницы своимъ золотистымъ отблѣскомъ указываетъ на первое, „золотое“ царство Даниила⁶⁾; вороной и бѣлый цвѣтъ коней второй и третьей колесницы своею полною цвѣтовою противоположностью параллельны противоположнымъ символамъ втораго и третьаго царства у Даниила: малоподвижному медвѣдю и быстрому барсу⁷⁾ или овну и козлу⁸⁾; кони четвертой колесницы своимъ пѣгимъ или пестрымъ цвѣтомъ указываютъ на четвертое царство Даниилово,—царство раздѣленное само въ себѣ, двухсоставное⁹⁾; кони эти стремятся пройти всю землю и дѣйствительно проходятъ ее¹⁰⁾;

¹⁾ Зах. 1, 18—21.

²⁾ Зах. 1, 19. 21.

³⁾ Дан. 2, 37—45.

⁴⁾ Зах. 6, 1—8.

⁵⁾ Зах. 6, 5.

⁶⁾ Дан. 2, 38.

⁷⁾ Дан. 7, 5—6.

⁸⁾ Дан. 8, 3—7. 20—21.

⁹⁾ Дан. 2, 33. 41—42.

¹⁰⁾ Зах. 6, 7.

это—символь четвертаго царства, которое будетъ поирать и разрушать всю землю ¹⁾). Аналогія между пророчествами Даниила и Захаріи естественная; но зависимость должна быть приписана, во всякомъ случаѣ, послѣднему: видѣнія Даниила болѣе связаны съ обстоятельствами его жизни и дѣятельности, чѣмъ у Захаріи; сами въ себѣ они иногда содержатъ и объясненіе своихъ таинственныхъ символовъ; у Захаріи же болѣе отвлеченности и темноты, предполагающей въ читателяхъ знакомство съ прежними, Данииловыми пророчествами, въ связи съ которыми и сами они дѣлаются болѣе удобопонятными. Замѣчательно еще то, что пророкъ Захарія въ томъ же видѣніи о 4 колесницахъ, намѣтивши четыре символа четырехъ царствъ, вслѣдъ затѣмъ символъ перваго царства оставляетъ безъ вниманія, а указываетъ пути, по которымъ идутъ кони вороные, бѣлые и пѣгіе, какъ будто рыжіе кони закончили уже свое теченіе и не могутъ болѣе служить предметомъ пророчества. Не потому ли это, что вавилонское царство, которое для Даниила было настоящимъ, а пожалуй и будущимъ и входило въ кругъ его пророчествъ, во времена Захаріи отошло уже въ область прошедшаго, такъ что пророчество о немъ было-бы совершенно неумѣстно? При такомъ пониманіи легко объясняются и другія пророчества Захаріи о трехъ уже царствахъ, которыя онъ выводитъ подъ образами то коней различныхъ цвѣтовъ ²⁾, то трехъ пастырей, истребляемыхъ въ одинъ мѣсяць ³⁾. Едва ли вообще можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что пророкъ Захарія пользовался книгой Даниила и прикровенно указывалъ на содержащіяся въ ней пророчества.

Если разобранныя нами возраженія противъ домаккавейскаго происхожденія книги Данииловой не вполне основательны,

¹⁾ Дан. 2, 40; 7, 7. 23.

²⁾ Зах. 1, 8—17.

³⁾ Зах. 11, 8.

то, съ другой стороны, нѣтъ недостатка и въ положительныхъ доказательствахъ въ пользу вавилонскаго именно происхожденія этой книги. О немъ говорить, прежде всего, принятіе ея въ канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ, такъ какъ канонъ этотъ сложился сравнительно рано, еще задолго до временъ Маккавеевъ. Вопросъ о происхожденіи канона, правда, довольно сложный и при рѣшеніи его трудно избѣжать нѣкоторыхъ недоумѣній. Иудейская синагога и древняя христіанская церковь относятъ возникновеніе и окончательное заключеніе канона ко времени Эздры и Нееміи, вождей и руководителей народа іудейскаго въ начальные годы его послѣдней исторіи, и пророковъ Аггея, Захаріи и Малахіи; главное участіе въ дѣлѣ составленія и заключенія канона свящ. книгъ принималъ, нужно думать, самъ Эзра, священникъ и книжникъ, „свѣдущій въ законѣ Моисеевомъ“ ¹⁾. Впрочемъ, нѣкоторые изъ протестантскихъ богослововъ, не отрицая того, что начало составленія канона принадлежитъ времени Эздры и Нееміи, самый процессъ этого составленія растягиваютъ на весьма продолжительное время. Съ такого рода теоріей (Бертольда, де-Ветте и Рейса) мы имѣли уже случай познакомиться. Это гипотеза такъ называемаго постепеннаго образованія канона, думающая найти для себя оправданіе въ самомъ дѣленіи канона на три части, въ основѣ котораго будто бы лежитъ хронологически-постепенное привнесеніе или присоединеніе къ каноническому сборнику позднѣйшихъ книгъ. Окончательное же завершеніе ветхозавѣтнаго канона де-Ветте относитъ, напр., къ маккавейскимъ временамъ (приблизительно къ 150 г. до Р. Хр. ²⁾), а Гильгенфельдъ ³⁾, Деличъ ⁴⁾, Ширеръ ⁵⁾, Буль ⁶⁾, Виль-

¹⁾ 1 Эздр. 7, 6. 11.

²⁾ De-Wette. Lehrbuch d. hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. S. 25.

³⁾ Dillmann. Ueber Bildung des alttestamentlichen Canons. Dörner's Jahrbücher, 1858. S. 488.

⁴⁾ Delitzsch. Talmud. Studien. Zeitschrift für luth. Theologie, 1854. S. 212.

⁵⁾ Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes. II. Th. S. 250.

⁶⁾ Buhl F. Kanon und Text des Alten Testaments. Leipzig. 1891. S. 19.

дебоеръ ¹⁾—даже во времени Юси́фа Флавія (I в. по Р. Хр.). Такого рода соображенія защитниковъ теоріи постепеннаго образованія канона, какъ мы уже видѣли, лишены серьезныхъ основаній. Противъ нихъ говоритъ самое раздѣленіе канона на „законъ“, „пророковъ“ и „писанія“, которое обусловливается вовсе не какимъ-то хронологическимъ распредѣленіемъ ветхозавѣтныхъ книгъ по тремъ эпохамъ, на чемъ зиждется, собственно говоря, и самая теорія, а троякаго рода содержаніемъ и значеніемъ священныхъ книгъ; это очевидно уже изъ того, что нѣкоторыя книги, составленныя въ одно и тоже время, даже принадлежащія одному и тому-же писателю, но разнородныя по содержанію (наприм., книга пророка Іереміи и Плачъ Іереміинъ) отнесены къ различнымъ частямъ канона. Основанія, приводимыя защитниками позднѣйшаго происхожденія ветхозавѣтнаго канона, тоже не говорятъ въ ихъ пользу. Ссылка ихъ на 8—10 главы книги Нееміи, гдѣ Эздра читаетъ народу законъ Моисеевъ и вмѣстѣ съ соотечественниками даетъ клятву въ исполненіи его, вовсе не говоритъ о томъ, что другія свящ. книги въ то время еще не были соединены съ Пятокнижіемъ въ одинъ сборникъ, потому что и пророки призываютъ народъ къ исполненію именно *закона*, какъ основы теократіи ²⁾, а сами только объясняютъ его,—и въ эпоху маккавейскую говорятъ объ исполненіи именно *закона* ³⁾, хотя этимъ не исключается существованіе наряду съ закономъ и богодухновенныхъ пророческихъ книгъ. Все это говоритъ только объ исключительномъ значеніи закона Моисеева въ религиозно-нравственной жизни іудейскаго общества, въ силу чего законъ и выдѣленъ былъ въ особую часть канона. Еслибы Эздра счелъ необходимымъ прочесть народу существовавшія въ его время историческія и пророческія книги ветхаго завѣта, на бого-

¹⁾ *Wildboer* G. Die Entstehung des Alttestamentlichen Kanons. Gotha. 1891. S. 134—136.

²⁾ Ис. 8, 20; Мал. 4, 4.

³⁾ 1 Макк. 2, 21. 26. 27; 3, 21 и др.

духовенность которыхъ указываетъ какъ онъ самъ, такъ и современныя ему свящ. писатели ¹⁾, онъ, конечно, прочелъ-бы ихъ, независимо отъ того, были ли эти книги фактически приняты въ канонъ свящ. книгъ или еще нѣтъ. Равнымъ образомъ, замѣчаніе 2 книги Маккавейской, что Неемія „для составленія библиотеки собралъ сказанія о царяхъ и пророкахъ и о Давидѣ и письма царей о священныхъ приношеніяхъ“ ²⁾, говоритъ только въ пользу того, что составленіе канона принадлежитъ если не самому Нееміи, то во всякомъ случаѣ его времени: самъ Неемія былъ занятъ преимущественно постройками и упорядоченіемъ внѣшняго благосостоянія народа іудейскаго ³⁾, такъ что особенно выдающагося участія въ дѣлѣ составленія канона, какъ и вообще въ удовлетвореніи духовно-нравственныхъ потребностей народа, онъ принимать не могъ; тѣмъ не менѣе, въ силу извѣстнаго намъ стремленія его обосновать гражданскій бытъ народа на общихъ теократическихъ началахъ ⁴⁾, отрицать возможность факта составленія имъ „библиотеки“ изъ свящ. книгъ нѣтъ основаній. „Библиотека“ эта не была, конечно, „канономъ“: она содержала въ себѣ „сказанія о царяхъ (книги Царствъ и Паралипоменонъ) и пророкахъ (пророческія книги) и о Давидѣ (вѣроятно, Псалтирь) и письма царей о священныхъ приношеніяхъ (посланія персидскихъ царей отъ Кира до Артаксеркса о приношеніяхъ въ пользу іудейскаго храма, содержащіяся и въ книгахъ Эдры и Нееміи)“. Пятокнижіе Моисеево и нѣкоторыя другія священные книги, какъ видно, не входили въ этотъ сборникъ; но вывести отсюда, что онѣ и къ канону были присоединены уже впоследствии,—положительно несправедливо: если что, то именно Пятокнижіе должно было стать краеугольнымъ камнемъ

¹⁾ Зах. 1, 4; Неем. 9, 26. 29. 30.

²⁾ 2 Макк. 2, 13.

³⁾ Неем., гл. 2—7.

⁴⁾ Неем., гл. 13.

канона какъ по времени своего происхожденія, такъ и по своему общественному значенію; иначе необъяснимо отношеніе въ закону Эздры, сподвижника Нееміи, и его современниковъ, о чемъ мы недавно говорили. Можно думать, что сама „библіотека“ Нееміи имѣла характеръ частнаго собранія, пролагавшаго, однако, путь къ составленію и завершенію сборника богодухновенныхъ книгъ или „канона“.

Мы не лишены, притомъ, возможности на основаніи фактическихъ положительныхъ данныхъ намѣтить извѣстный историческій пунктъ, послѣ котораго существованіе канона представлялось-бы дѣломъ несомнѣннымъ. Обратимъ вниманіе, прежде всего, на свидѣтельство Іосифа Флавія: „у насъ не десятки тысячъ книгъ, несогласныхъ между собою и противорѣчащихъ одна другой, а только двадцать двѣ книги, содержащія запись всего времени, по справедливости признаваемыя божественными: и изъ нихъ пять Моисеевыхъ, которыя содержатъ въ себѣ законы и преданіе о человѣческомъ родѣ съ начала до кончины Моисея. Сіе время немного меньше трехъ тысячъ лѣтъ; отъ кончины же Моисея до правленія Артаксеркса, преемника Ксерксова, царя персидскаго, пророки, бывшіе послѣ Моисея, описали совершившееся въ ихъ время въ тринадцати книгахъ; остальные же четыре содержатъ пѣсни Богу и наставленія для жизни людямъ. Отъ Артаксеркса же до нашего времени хотя каждое событіе было записано, но не одинаковой вѣры удостоилось въ сравненіи съ прежними писаніями, поелику не стало постоянного преемства пророковъ. Изъ самаго дѣла ясно, какъ мы вѣримъ нашимъ писаніямъ: ибо, тогда какъ уже столько времени прошло, никто не дерзнулъ ни приложить что-либо къ нимъ, ни отнять отъ нихъ, ни перемѣнить въ нихъ“¹⁾. Это мѣсто Флавія говоритъ само за себя. Здѣсь авторъ проводитъ рѣзкую границу между свящ. книгами, написанными до царствованія Артаксеркса,

¹⁾ Іосифъ Флавій. О древностяхъ противъ Аппіана. Кн. I. Стр. 350—351.

и произведеніями позднѣйшаго времени. Первые онъ называетъ „божественными“: это—22 книги, содержащія „запись всего времени“ отъ начала міра до Артаксеркса¹⁾; вторыя содержатъ въ себѣ тоже подробную исторію позднѣйшихъ событій, но, сравнительно съ „божественными“ писаніями, онѣ не имѣютъ уже свойства богодухновенности, потому что тогда уже не было постоянного преемства пророковъ, сообщавшихъ неизгладимую печать богодухновенности своимъ писаніямъ. Какой выводъ слѣдуетъ изъ такого умозаключенія Флавія—очевидно: только первыя писанія и богодухновенны, только они и могутъ составить „канонъ“ священныхъ книгъ, потому что позднѣйшія произведенія не священны, не богодухновенны; а отсюда слѣдуетъ, что и самый канонъ долженъ былъ быть заключенъ въ правленіе Артаксеркса, чтобы окончательно установить число и порядокъ свящ. книгъ и оградить ихъ отъ привнесенія книгъ позднѣйшихъ, небогодухновенныхъ. Такъ дѣйствительно и было, какъ видно изъ заключительнаго вывода Флавія: „изъ самаго дѣла ясно, какъ мы вѣримъ нашимъ писаніямъ (т. е. священнымъ писаніямъ, о которыхъ Флавій говорилъ подробно раньше,—тѣмъ 22 книгамъ, которыя составили канонъ): ибо, тогда какъ уже столько времени прошло (отъ Артаксеркса и прекращенія преемства пророковъ), никто не дерзнулъ ни приложить что-либо къ нимъ, ни отнять отъ нихъ, ни перемѣнить въ нихъ“; слѣдовательно, тогда же, при Артаксерксѣ, канонъ былъ и огражденъ отъ всякихъ измѣненій, привнесеній и опущеній. Какъ видимъ, Іосифъ намѣчаетъ два пункта, опредѣлявшихъ время окончательнаго заключенія ветхозавѣтнаго канона: съ одной сторо-

¹⁾ Книги эти слѣдующія: 1) Бытія, 2) Исходъ, 3) Левитъ, 4) Числа, 5) Второзаконіе, 6) I. Навина, 7) Судей, 8) I и II Царствъ, 9) III и IV Царствъ, 10) I и II Паралипоменонъ, 11) I и II Эздры, 12) Псалтирь, 13) Притчи, 14) Экклезиастъ, 15) Пѣснь пѣсней, 16) 12 малыхъ пророковъ, 17) Исаи, 18) Іеремія, 19) Іезекиля, 20) Даниила, 21) Іова и 22) Эсфирь.—Zündel. Kritische Untersuchungen über d. Abfassungszeit d. B. D. S. 198.

ны, чисто-хронологическая дата—правление Артаксеркса, съ другой—историческая причина—прекращение пророковъ. Смерть Артаксеркса Лонгимана относится къ 425 году до Р. Хр.¹⁾, на два съ половиною вѣка раньше Антіоха Епифана и Маккавеевъ. Пророки же прекратились вообще со смертію послѣднихъ послѣднихъ пророковъ Аггея, Захаріи и Малахіи, такъ что въ маккавейскія времена о пророчествѣ говорили, какъ о давно минувшемъ уже времени, ждали появленія новаго истиннаго пророка²⁾. Указанныя двѣ даты даютъ намъ полное право отнести окончательное заключеніе канона къ V в. до Р. Хр. Замѣчательны въ этомъ отношеніи тѣже двѣ даты Флавія. При своей видимой неопредѣленности, онѣ отличаются въ тоже время возможною точностью. Съ одной стороны, правление Артаксеркса вообще, безъ частнѣйшаго опредѣленія не только года его царствованія, но даже начала или конца его, потому что въ это царствованіе внесена въ канонъ книга Эсѣиръ; съ другой стороны, прекращеніе ряда пророковъ, но безъ упоминанія, что это прекращеніе произошло именно со смертію Эздры, Нееміи и послѣднихъ пророковъ, въ виду того-же присоединенія къ священнымъ книгамъ книги Эсѣиръ. Замѣтимъ, что такое соображеніе Флавій выдаетъ не за свой личный взглядъ, а проводитъ его, какъ мнѣніе современнаго ему іудейскаго общества: „у насъ не десятки тысячъ книгъ.... ясно, какъ мы вѣримъ нашимъ писаніямъ“... Видѣть въ этомъ воззрѣніи всей ветхозавѣтной церкви—совершенно справедливо.

Мѣсто Флавія наводитъ насъ и на чисто-теоретическія соображенія въ пользу составленія ветхозавѣтнаго канона во время именно Эздры и Нееміи и завершенія его вскорѣ послѣ ихъ смерти. Плѣнъ вавилонскій былъ причиною сильнаго возбужденія въ іудеяхъ религіознаго чувства. Этотъ религіоз-

¹⁾ Царствовалъ 465—425 г. до Р. Хр.

²⁾ 1 Макк. 4, 46; 9, 27; 14, 41.

ный подъемъ, какъ нельзя лучше, замѣтенъ въ жизни и настроеніи современниковъ Эздры и Нееміи: жертвоприношенія¹⁾ и торжественное совершеніе праздниковъ²⁾, посты³⁾, сокрушеніе о грѣхахъ⁴⁾, наконецъ, всенародное чтеніе „книги закона“ и торжественная клятва въ исполненіи его⁵⁾—все это достаточно характеризуетъ внутреннее состояніе тогдашняго іудейства. Неудивительно, если это чтеніе закона, эти клятвы въ исполненіи его сопровождались стремленіемъ опредѣлить и обособить все, что далъ Господь Своему народу въ письменахъ Своихъ посланниковъ. Сильнымъ побужденіемъ къ этому служило еще то, что пророчество въ народѣ Божиимъ видимо прекращалось и въ своей дѣятельности онъ былъ предоставленъ уже руководству того, что было написано пророками раньше. Сохраненіе-то этихъ священныхъ письменъ и обособленіе ихъ отъ позднѣйшихъ непроороческихъ привнесеній было естественнымъ влеченіемъ религіознаго чувства. Съ другой стороны, самая дѣятельность по собиранію и сохраненію священныхъ книгъ скорѣ всего должна была принадлежать послѣднимъ богодухновеннымъ мужамъ, какъ завершеніе видимой дѣятельности Духа Божія среди избраннаго народа. И эти мужи опредѣлили число священныхъ книгъ, такъ что позднѣйшія произведенія, хотя и благочестивыхъ мужей (кн. Сирахова, Маккавейскія и др.) не вошли уже въ канонъ.

Въ пользу того-же сравнительно ранняго происхожденія ветхозавѣтнаго канона говоритъ еще предисловіе⁶⁾ къ древнѣйшей неканонической книгѣ—Іисуса, сына Сирахова, составленное греческимъ переводчикомъ ея уже послѣ заключе-

¹⁾ 1 Эдр. 8, 35.

²⁾ Неем. 8, 14—18.

³⁾ 1 Эдр. 8, 21—23.

⁴⁾ 1 Эдр. 9, 3—4; 10, 1—44; Неем. 9, 1—3.

⁵⁾ Неем. 8, 1—10, 39.

⁶⁾ Предисловіе это есть и въ нашей славянской Библии.

нія канона и даже послѣ перевода каноническихъ ветхозавѣтныхъ книгъ¹⁾; по крайней мѣрѣ, на существованіе перевода LXX здѣсь прямо дѣлается намекъ: „не равную силу имутъ та въ себѣ, яже еврейски глаголема суть, егда преведутся на иный языкъ“. Въ этомъ предисловіи обращаетъ на себя вниманіе мѣсто: „дѣдъ мой Исусъ (писатель книги Сираховой) множайше себе вдавъ въ чтеніе закона же и пророковъ и иныхъ отеческихъ книгъ...“; слѣдовательно, во времена переводчика существовало уже раздѣленіе канона на „законъ“, „пророки“ и „писанія“²⁾, а тѣмъ болѣе существовалъ и самый канонъ.

Но если такъ, то, несомнѣнно, въ число каноническихъ книгъ при заключеніи канона была внесена и книга Даниилова. Іосифъ Флавій въ приведенномъ выше мѣстѣ помѣщаетъ книгу Даниилу въ ряду 22 признаваемыхъ имъ каноническими книгъ. Правда, онъ опредѣляетъ только число этихъ книгъ, не перечисляя ихъ по заглавіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣляетъ ихъ по тремъ группамъ: 5 книгъ „законъ“, 13—„пророческихъ“ и 4 книги, относящіяся къ разряду „писаній“, причемъ книгу Даниилу, несомнѣнно, относитъ къ числу пророческихъ книгъ, потому что самого Даниила называетъ „однимъ изъ великихъ пророковъ“³⁾, „истиннымъ пророкомъ и мужемъ божественнымъ“⁴⁾, предсказывавшимъ „о самодержавіи римлянъ и о томъ разореніи, какое они причинили народу израильскому“⁵⁾, о бѣдствіяхъ евреевъ при Антиохѣ Епифанѣ⁶⁾,—говоритъ, что предсказанія его дѣйстви-

¹⁾ Переводчикъ принялся за свой трудъ „въ Египтѣ послѣ 38 года Евергета цара“, т. е. Птолемея Евергета I (247—221), преемника Птолемея Филадельфа.

²⁾ Не говоримъ уже, что о всѣхъ трехъ частяхъ канона упоминаетъ Флавій въ приведенномъ выше мѣстѣ.

³⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Ч. II. Стр. 168.

⁴⁾ Ibid., стр. 169.

⁵⁾ Ibid., стр. 170.

⁶⁾ Ibid.

тельно сбылись на дѣлѣ¹⁾, что они-то и записаны въ книгѣ этого пророка²⁾ и что эти-то книги, написанныя самимъ Данииломъ, іудеи „читали, вѣруя, что пророкъ этотъ имѣлъ собесѣдованіе съ Богомъ“³⁾. Выраженный Флавіемъ въ этихъ словахъ взглядъ іудейской церкви на пророческое служеніе Даниила и каноническое достоинство его книги очевиденъ самъ собою. Если же книга эта принята была въ канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ,—слѣдовательно, при заключеніи канона, еще за два съ половиною вѣка до маккавейскаго времени, она уже существовала и происхожденіе ея, естественно, относится ко времени плѣна вавилонскаго. Попытка доказать, будто книга Даниилова составлена уже послѣ заключенія плѣннаго кодекса священныхъ книгъ⁴⁾, на томъ основаніи, что писатель якобы точно цитируетъ книгу Іереміи и даже говоритъ, что онъ читалъ въ писаніяхъ⁵⁾,—конечно, ничего не говоритъ: пророкъ Данииль имѣлъ въ рукахъ книгу Іереміину, содержащую прочитанное имъ пророчество, которая въ то время уже была написана, а не полный кодексъ каноническихъ книгъ, пользование которымъ ничѣмъ нельзя доказать. А что вообще послѣ заключенія канона книга Даниилова не могла быть внесена въ тотъ-же канонъ,—это несомнѣнно. Если она, положимъ, произошла въ маккавейское (а не вавилонское) время, тогда въ это же время была присоединена и къ канону; но такое важное дѣло, какъ признаціе богодухновенности вновь появившейся книги, въ то смутное время, когда живо чувствовалось отсутствіе вдохновенныхъ мужей, когда даже самые мелочные обрядовые вопросы оставляли для рѣшенія будущему пророку⁶⁾, было фактически

¹⁾ I. Флавій. Древности іудейскія. Ч. II. Стр. 169, 170.

²⁾ Ibid., стр. 170.

³⁾ Ibid., стр. 168.

⁴⁾ Herbst I. G. Historisch-kritische Einleitung in d. heil. Schriften d. A. T., hrsg. von B. Welte. II. Th., 2. Abth. Freiburg im Br. 1844. S. 87.

⁵⁾ Дан. 9, 2; ср. Іер. 25, 11, 12; 29, 10.

⁶⁾ I Макк. 4, 46.

невозможно; немислимо и предположить, что книга Данилова, благодаря стремленіямъ нѣсколькихъ лицъ, дѣйствовавшихъ изъ-за своихъ интересовъ, могла быть хитростью присоединена къ канону, потому что и въ то время было не мало „книжниковъ“¹⁾, занятыхъ религіозными вопросами, а синагога іудейская, въ силу ревности къ закону предковъ, едва ли бы приняла въ число священныхъ книгъ книгу новѣйшаго происхожденія. Только при предположеніи вавилонскаго происхожденія книги Даниловой и является вполне понятнымъ и естественнымъ фактъ принятія этой книги въ канонъ священныхъ книгъ,—принятія первоначальнаго, а не „присоединенія“, основаній для котораго не могло быть никакихъ: приведенное мѣсто Флавія, жившаго уже послѣ маккавейскихъ временъ и являющагося въ данномъ случаѣ представителемъ всего ветхозавѣтнаго іудейства, даетъ прекрасный отвѣтъ по этому вопросу.

Обратимъ, затѣмъ, вниманіе на одно мѣсто (въ книгѣ Маккавейской) изъ рѣчи умирающаго Маттаѳіи къ своимъ сыновьямъ. Онъ приводитъ рядъ мужей вѣры и благочестія, о которыхъ говорится въ Пятовнижій, въ книгахъ I. Навина и Царствъ, а затѣмъ переходитъ къ чудесамъ вѣры, совершеннымъ надъ пророкомъ Даниломъ и его друзьями, которые называются здѣсь поименно²⁾. Припомнимъ, что смерть Маттаѳіи относится еще къ самому началу маккавейской исторіи; а это говоритъ о томъ, что въ маккавейскія времена книга Данилова уже существовала. Правда, Бертольдъ высказываетъ соображеніе, будто Маттаѳіа почерпнулъ свои свѣдѣнія о Данилѣ не изъ нашей канонической книги (которой, по его мнѣнію, въ то время еще или совсѣмъ не существовало, или же существовали только разрозненные отрывки ея, составленные въ разное время), а узналъ о немъ изъ преданія³⁾; но

¹⁾ 1 Макк. 7, 12.

²⁾ 1 Макк. 2, 59—60.

³⁾ Bertholdt. Daniel. S. 92.

такое мнѣніе довольно произвольно. Маттаѳіа беретъ примѣры для своей рѣчи изъ священныхъ іудейскихъ книгъ и книгъ именно каноническихъ, такъ какъ цѣлюю его рѣчи было воодушевить своихъ сыновей-патріотовъ ревностно бороться за вѣру отеческую; въ противномъ же случаѣ, рѣчь эта не имѣла-бы такой убѣдительности и, пожалуй, не достигла-бы цѣли. Обращаетъ на себя вниманіе самый порядокъ чудесъ въ рѣчи Маттаѳіи: „Ананія, Азарія, Мисаиль вѣрою спаслись отъ пламени. Данилъ за свою невинность избавленъ отъ челюстей львовъ“. Порядокъ тотъ-же, какой сохраняется въ книгѣ пророка Даниила (гл. 3 и 6), несмотря на то, что личность самого пророка, конечно, важнѣе личностей друзей его. Это обстоятельство можетъ служить доказательствомъ того, что самые примѣры изъ жизни пророка Даниила и друзей его Маттаѳіа взялъ изъ книги пророка, а не почерпнулъ ихъ изъ устнаго преданія. И другія мѣста изъ той-же рѣчи Маттаѳіи указываютъ, что онъ читалъ книгу Данилову и сыновьямъ своимъ намекалъ на исполненіе тѣхъ горестныхъ для іудеевъ событій, которыя были предсказаны только пророкомъ Даниломъ¹⁾. Отсюда видно, что видѣнія, пророчества и обстоятельства жизни Даниила въ то время были уже записаны, но записаны, конечно, въ самой же книгѣ Даниловой, а не въ какой-либо сагѣ о немъ, предполагать существованіе которой нѣтъ никакихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, рѣчь Маттаѳіи служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ какъ достовѣрности книги Даниловой, такъ и ея сравнительно ранняго происхожденія. Хотя книги Маккавейскія не считаются у насъ каноническими книгами, однако историческій характеръ ихъ не подлежитъ сомнѣнію: писались онѣ въ самую позднюю эпоху израильской исторіи и излагали событія послѣднихъ моментовъ жизни ветхозавѣтнаго іудейства,—событія почти современные писателямъ ихъ; это—

¹⁾ Ср. 1 Макк. 2, 49. 62 съ Дан. 8, 25; 11, 20. 36; 1 Макк. 1, 39 съ Дан. 8, 11; 1 Макк. 1, 54 съ Дан. 11, 31.

ничто иное, как летописи народа иудейскаго, которыя сейчас же были обнародываемы предъ очевидцами; какая бы то ни было порча или искаженія здѣсь были едва ли возможны. Вотъ почему нельзя согласиться съ предположеніемъ нѣкоторыхъ критиковъ¹⁾, будто самая рѣчь Маттаѳи, въ которой находится указанное нами мѣсто, составлена самимъ писателемъ книги Маккавейской. Книга эта передаетъ такой обстоятельный и цѣльный рассказъ, дышетъ такою простотою и правдивостью, что даже критики библейскихъ книгъ не возражаютъ противъ ея достовѣрности, а считаютъ ее однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ позднѣйшей исторіи иудейства²⁾. Сама по себѣ рѣчь Маттаѳи вовсе не похожа на тѣ рѣчи, которыя классическіе писатели влагаютъ въ уста своимъ героямъ. Да еслибы даже рѣчь эта была произведеніемъ самого писателя книги, то и тогда она не теряетъ для насъ своего значенія: такъ или иначе, а она доказываетъ, что въ маккавейскія времена книга Даниилова уже существовала.

Далѣе, важное значеніе для нашей цѣли имѣетъ рассказъ Иосифа Флавія объ Александрѣ Великомъ. Когда Александръ, передаетъ онъ, по завоеваніи Тира и Газы, двинулся на Иерусалимъ, то первосвященникъ иудейскій встрѣтилъ его съ дарами, самъ же Александръ „вошелъ въ храмъ, принесъ Богу жертву съ показанными отъ первосвященника обрядами и оказалъ великую честь священникамъ и начальнику ихъ. Они показали ему книгу Даниилову, въ которой содержалось пророчество, что нѣкто изъ грековъ опровергнетъ персидское царство; а Александръ, думая, что онъ былъ тотъ самый грекъ, великую изъявилъ о томъ радость“³⁾. Нечего и говорить, насколько важно это свидѣтельство: оно показываетъ, что уже

¹⁾ Bertholdt. Daniel. S. 92, и др.

²⁾ Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. Th. II. S. 580.—Reuss. Die Geschichte d. heiligen Schriften A. T. S. 623—624.

³⁾ I. Флавій. Древности иудейскія. Ч. II. Стр. 218.

въ концѣ IV вѣка до Р. Хр. книга Даниилова существовала и всѣми признавалась за истинно-пророческую книгу. Правда, де-Ветте¹⁾, Блекъ²⁾ и Рейсъ³⁾ считаютъ самый рассказъ Флавія по существу сомнительнымъ и недостовѣрнымъ, потому что, по ихъ словамъ, о походѣ Александра на Иерусалимъ не говорятъ другіе историки, которые только передаютъ, что изъ Газы Александръ пошелъ въ Египетъ, не заворачивая къ Иерусалиму, какъ выходитъ по Флавію. Возраженіе это въ общемъ вѣрное, но оно не даетъ повода сомнѣваться въ исторической дѣйствительности похода Александра В. на Иерусалимъ. Въ данномъ случаѣ Иосифъ Флавій долженъ служить для насъ такимъ же историческимъ авторитетомъ, какъ и другіе древніе историки: онъ описалъ исторію своего же народа и для своихъ современниковъ; вполне естественно, если онъ, въ виду спеціальнаго характера своихъ „Древностей“, отмѣчалъ въ нихъ все болѣе или менѣе выдающееся изъ исторіи своего народа, если выдвигалъ наряду съ крупнымъ историческимъ фактомъ подробность, для другихъ историковъ незначительную и проходимую часто молчаньемъ, но для историка иудейскаго народа характерную и по существу своему важную. Тѣмъ болѣе не могъ онъ пройти молчаньемъ похода Александра на Иерусалимъ, въ то время, какъ языческіе историки не разграничиваютъ точно обстоятельствъ великихъ завоеваній Александра. При всемъ этомъ историческія указанія на завоеваніе Иерусалима Александромъ В. встрѣчаются и у другихъ историковъ. Такъ, Аррианъ, согласно съ Флавіемъ, передаетъ, что Иудея уступила не силѣ Александра, а сдалась ему добровольно⁴⁾; благосклонность Александра къ иудеямъ,

¹⁾ De-Wette. Lehrbuch der bist.-krit. Einleitung in die kanon. u. apokr. Bücher des A. T. S. 504.

²⁾ Bleek. Einleitung in d. heilige Schrift. I. Th. S. 417.

³⁾ Reuss. Die Geschichte der heiligen Schriften A. T. S. 579.

⁴⁾ Arrian. De expedit. Alex. Magni, historiarum libri VII. 3575. P. 50.

такъ рѣзко отгнѣнная въ разсказѣ Флавія о принесеніи имъ жертвы Богу іудейскому и объ уваженіи его къ іудейскимъ священникамъ, находятъ себѣ мѣсто въ историческихъ свидѣтельствахъ о религиозной и національной свободѣ іудеевъ въ Александріи и другихъ мѣстахъ обширной монархіи Александра Великаго ¹⁾. Въ частности, самая возможность принесенія Александромъ жертвы Богу іудейскому по указанію первосвященника вполне подтверждается, напр., разсказомъ Арріана о жертвоприношеніяхъ этого государя Вилу въ Вавилонѣ подѣ руководствомъ языческаго жреца ²⁾; а уваженіе его къ іудейскимъ священникамъ вполне объясняется тѣмъ, что они вышли ему на встрѣчу въ священныхъ одеждахъ, а первосвященникъ и въ кидарѣ; аналогичный этому случай представляетъ собою почтеніе Александра къ восточнымъ царямъ, вышедшимъ ему на встрѣчу, когда онъ отправлялся въ Сирію ³⁾. Довѣріе его къ пророчеству Даниилову объясняется, конечно, тою вѣрою, какую питали древніе языческіе государи къ разнаго рода прорицателямъ и волхвамъ, бывшимъ часто неизмѣннымъ ихъ спутниками; такого же рода прорицателей держалъ вокругъ себя и Александръ ⁴⁾. Наконецъ, самый походъ его на Іерусалимъ вполне объясняется политическими его соображеніями,—желаніемъ обезопасить себя съ тылу, что было весьма важно при нашествіи на Египетъ, особенно въ виду не совсѣмъ удачнаго завоеванія Газы. Всѣ эти частности служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ разсказа Іосифа Флавія о походѣ Александра въ Іерусалимъ, отвергать который на основаніи только молчанія о немъ нѣкоторыхъ историковъ нѣтъ данныхъ.

¹⁾ Hengstenberg. Beiträge zur Einleitung ins A. T. I. B. S. 282.

²⁾ Arrian. De expedit. Alex. Magni. P. 63.

³⁾ Justin. Histoire universelle, trad. par Pierrot. T. I. Paris. 1833. P. 237.

⁴⁾ Arrian. De expedit. Al. M. P. 85.

Наконецъ, о домаккавейскомъ происхожденіи книги Даниловой говорятъ нѣкоторыя мѣста изъ третьей книги сивиллы эриерейской, давно обращавшія на себя вниманіе изслѣдователей въ силу буквального сходства своего съ соответствующими стихами книги Даниловой. Указываютъ, напр., на 396—400 ст. сивиллиной книги, гдѣ идетъ рѣчь въ пророческомъ смыслѣ о рогѣ, выросшемъ среди десяти роговъ и господствующемъ надъ всѣмъ ¹⁾. Такого рода пророческіе символы и образы есть у Даниила ²⁾, буквальнымъ воспроизведеніемъ которыхъ, несомнѣнно, является указанное мѣсто сивиллиной книги. Стихи 608—617 этой книги говорятъ о великомъ царѣ изъ Азіи, войско котораго покроетъ всю землю и который будетъ все разрушать и вездѣ причинять несчастія ³⁾; это—воспроизведеніе пророчества Даниилова о четвертомъ царствѣ, которое будетъ „пожирать всю землю, попирать и сокрушать ее“ ⁴⁾. Въ стихахъ 653—663 книги сивиллиной идетъ рѣчь о царѣ, котораго „пошлетъ Богъ отъ солнца, который прекратитъ на землѣ войну, умертвивъ однихъ и примиривъ другихъ; все это онъ сдѣлаетъ не по собственному произволу, но по порученію великаго Бога; народъ же Его наградитъ большимъ богатствомъ,—золотомъ, серебромъ и пурпуровыми одеждами“ ⁵⁾. Сильно замѣтно здѣсь отображеніе пророчества

¹⁾ Ῥίζαν ἰαν ἀναδοῦς, ἣν περ κόψει βροτολογός
Ἐκ δέκα μὲν κεράτων, παρὰ δὲ φωτὸν ἄλλο φωτεύσει
....καὶ τότε δὴ παραφύομενον κέρασ ἀρξεί.

По изданію Rzach'a.—Oracula sibyllina, recens. Aloisius Rzach. Pragae-Vindobonae-Lipsiae. 1891. P. 68—69.

²⁾ Дан. 7, 7. 8. 20.

³⁾ Ἐλθῆ δ' ἐξ Ἀσίας βασιλεὺς μέγας, αἰετός αἰθῶν,
Ὅς πᾶσαν σκεπάσει γαῖαν περὶ τὸς τε καὶ ἵππους,
Πάντα δὲ συγκόψει καὶ πάντα κακῶν ἀναπλήσει.

Oracula sibyllina, rec. Rzach. P. 80.

⁴⁾ Дан. 7, 23.

⁵⁾ Καὶ τότε ἀπ' ἡλίου θεὸς πέμψει βασιλῆα
Ὅς πᾶσαν γαῖαν πάσει πολέμοιο κακοῦ,

Даниилова о „о Сынъ человѣческомъ, идущемъ съ облаками небесными“ и получившемъ отъ Бога „власть, славу и царство“, и вмѣстѣ съ тѣмъ о судѣ надъ міромъ и убіеніи страшнаго звѣря¹⁾. Въ указанныхъ мѣстахъ книги сивиллиной, несомнѣнно, заключается пророчество или, по крайней мѣрѣ, рѣчи приданъ пророческій характеръ: съ этимъ согласны всѣ изслѣдователи. Вопросъ только въ томъ, къ какому времени отнести происхождение этой книги. Сама сивилла, отъ имени которой исходятъ изложенныя въ книгѣ пророчества, относитъ себя къ глубокой древности, ко времени еще потопа; на самомъ же дѣлѣ, историческое существованіе личности этой сивиллы ничѣмъ нельзя доказать, тѣмъ болѣе, что она окружена какимъ-то таинственнымъ мракомъ и невольно выдаетъ свой легендарный характеръ. Книга же ея носитъ на себѣ явные слѣды своего позднѣйшаго происхожденія,—во времена именно маккавейскія. Такъ, ст. 35—746 этой книги (среди которыхъ заключаются и отмѣченныя нами мѣста сивиллиныхъ пророчествъ), по соображенію Блека²⁾, Гфререра³⁾, Ликке⁴⁾, Александра⁵⁾ и Фридлиба⁶⁾, написаны какимъ-то александрийскимъ иудеемъ временъ Маккавеевъ около 160 г. до Р. Хр.;

Τοὺς μὲν ἀρα κτείνας, τοῖς δ' ὄρνια πιστὰ τελέσσας.
 Οὐδέ γε ταῖς ἰδίαις βουλαῖς τάδε πάντα ποιήσει,
 Ἄλλὰ θεοῦ μεγάλου πειθήσας δόγμασιν ἑσθλοῖς.
 Ναὸς δ' αὖ μεγάλου θεοῦ περικαλλεῖ πλοῦτον
 Βεβριθῶς, χρυσῷ τε καὶ ἀργύρῳ ἠδὲ τε κόσμῳ πορφύρεῳ.

Oracula sibyllina, rec. Rzach. P. 82.

¹⁾ Дан. 7, 13. 14. 10. 11.

²⁾ Bleek. Ueber Alter und Zusammenhang der ältesten sibyllinischen Orakel. — Theolog. Zeitschrift von Schleiermacher u. Lücke. I. Heft, S. 120; II. Heft, S. 172.

³⁾ Gfrörer. Philo, II. Theil, S. 121 ff. — Zündel. Kritische Untersuchungen über die Abfassungszeit des Buches Daniel. S. 141.

⁴⁾ Lücke. Einleitung in die Offenbarung Johannes. Bonn. 1832. S. 116.

⁵⁾ Alexandre. Angabe der Sibyllinen. Paris. 1849. Einleitung.

⁶⁾ Friedlieb. Oracul. Sibyllin. — Zündel. S. 141.

Гильгенфельдъ же¹⁾, Циндель²⁾ и Ширеръ³⁾ относятъ эти стихи ко времени не раннѣйшему 137 г. до Р. Хр. Такъ или иначе, но приблизительно время происхожденія этихъ стиховъ опредѣляется 160—140 г.г. до Р. Хр.; и въ это время, замѣтимъ, книга Даниилова уже служитъ предметомъ подражанія для авторовъ разнаго рода апокрифическихъ пророчествъ, которые, конечно, вѣрили въ священный пророческій авторитетъ этой книги, такъ какъ въ противномъ случаѣ самое подражаніе ей съ цѣлью составленія цѣлаго ряда болѣе или менѣе правдоподобныхъ пророчествъ отъ имени какой-то невѣдомой древней сивиллы было-бы совершенно неумѣстно. Слѣдовательно, сама-то книга Даниилова въ это время уже существовала,—лучше сказать, давно существовала, потому что гораздо логичнѣе было для автора сивиллиныхъ пророчествъ принять за источникъ для себя книгу болѣе ранняго происхожденія, несомнѣнно пророческую и каноническую, чѣмъ произведеніе неизвѣстнаго писателя, только что явившееся въ свѣтъ, составленное на основаніи какихъ-либо воспоминаній или даже записанной саги о Даниилѣ и потому не имѣющее за собою всѣми признанной достовѣрности. Противъ такого вывода, свидѣтельствующаго о существованіи книги Данииловой еще задолго до временъ Маккавеевъ, Блекъ выступаетъ съ совершенно своеобразнымъ предположеніемъ: онъ объясняетъ сходство отмѣченныхъ нами мѣстъ сивиллиной книги съ соответствующими стихами книги Данииловой вовсе не подражаніемъ, а просто тѣмъ, что, по его соображенію, обѣ эти книги составлены хотя двумя различными писателями (авторомъ сивиллиной книги—въ Египтѣ, а писателемъ Данииловой—въ Палестинѣ), но въ одно и то же время (маккавейское, —около 160 г. до Р. Хр.) и на основаніи однихъ и тѣхъ-же источ-

¹⁾ Hilgenfeld. Jüdische Apokalyptik. S. 68—69.

²⁾ Zündel. Krit. Untersuchungen über d. Abfassungszeit d. B. D. S. 143, 145—165.

³⁾ Schürer. Geschichte des jüdischen Volkes. B. II. S. 794.

никовъ, откуда оба они черпали одни и тѣже понятія, образы и т. п. ¹⁾). Такое соображеніе Блека слишкомъ натянуто. Не говоря уже о томъ, что указать какіе-либо источники (устные или письменные) для книги Даниіловой, какъ мы въ свое время говорили, рѣшительно невозможно,—но и третья книга сивиллина представляетъ изъ себя въ сущности, какъ легко можно видѣть изъ самаго содержанія ея, компиляцію внѣшнимъ образомъ сгруппированныхъ и нагроможденныхъ другъ на друга мыслей и понятій, взятыхъ изъ библейскихъ пророческихъ книгъ и произведеній греческихъ классиковъ: встрѣчаются въ ней мѣста, представляющія буквальное сходство съ нѣкоторыми стихами книгъ пророковъ Исаи, Іереміи, Іезекіиля, Захаріи ²⁾; а сходство съ понятіями древнихъ классиковъ видно изъ представленія этой книги о Божествѣ, все производящемъ, но безразличномъ Само въ Себѣ, объ единой всемірной религіи (каковою, впрочемъ, авторъ книги считаетъ іудейскую) и т. п. Въ силу такого, въ общемъ компилятивнаго характера книги сивиллиной, совершенно естественно съ нашей стороны указаніе на Даниілову книгу, какъ на одинъ изъ источниковъ книги сивиллиной, наряду съ другими библейскими пророческими книгами; а отсюда совершенно ясно вытекаетъ сдѣланное уже нами заключеніе о существованіи книги Даниіловой еще задолго до маккавейскихъ временъ.

Какъ видимъ, внѣшніе признаки указываютъ на происхожденіе книги Даниіловой, какъ произведенія священной библейской письменности, въ вавилонское, а отнюдь не въ маккавейское время. Обратимся теперь къ внутреннему характеру, содержанию и изложенію этой книги. Что здѣсь даетъ основаніе защитникамъ маккавейскаго происхожденія ея относить эту

¹⁾ Bleek. Ueber Alter u. Zusammenhang d. ält. sibyll. Orakel.—Theol. Zeitschrift. II. Heft. S. 222—223.

²⁾ Ср. ст. 280 съ Іер. 25, 12; 29, 10; ст. 323, 512, 664—702 и 704—732 съ Іез. гл. 38 и 39, 10 и Зах. гл. 14; ст. 647, 728—731 съ Іез. 39, 9; ст. 784 съ Ис. 11, 6; Зах. 9, 9 и др.

книгу къ такому позднему періоду ветхозавѣтной исторіи? Прежде всего, греческія слова, встрѣчающіяся въ книгѣ Даниіловой и свидѣтельствующія будто-бы о составленіи ея уже въ эпоху всемірнаго владычества Александра Великаго и распространенія на Востокъ греческаго языка вмѣстѣ съ греческой культурой и цивилизаціей, т. е. не раньше III в. до Р. Хр. Такихъ греческихъ словъ во всей книгѣ Даниіловой Бертольдъ насчитываетъ десять ¹⁾; другіе изслѣдователи ²⁾ находятъ возможнымъ значительно ограничить это число и, наконецъ, признаютъ за несомнѣнно греческія слова названія четырехъ музыкальныхъ инструментовъ, упоминаемыхъ въ Дан. 3, 5. 10: кивара или цитра (*κίθαρα*, — *קִיָּרָה*), самвика или цѣвница (*σαμβύκη*, — *סַמְבֻּקָה*), псалтирь или гусли (*ψαλτήριον*, — *פְּסַלְתֵּירִיֹן*) и симфонія (*συμφωνία*, — *סִמְפֹּנְיָה*). Предполагается, конечно, что и самые эти четыре инструмента при Навуходносорѣ еще не были извѣстны въ Вавилонѣ, а занесены сюда только съ распространеніемъ греческой культуры по всему Востоку. Слабость такого основанія въ пользу маккавейскаго происхожденія книги Даниіловой сама собою очевидна. Неужели четыре греческихъ слова на всю книгу Даниілову могутъ быть достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы приписывать ей позднѣйшее происхожденіе? Еслибы дѣло шло о греческой конструкціи всей книги или нѣкоторыхъ отдѣловъ ея, о такъ называемыхъ „грецизмахъ“, пересыпающихъ рѣчь писателя книги, о греческомъ колоритѣ передаваемыхъ событій,—тогда это, конечно, служило-бы вѣскимъ доводомъ въ пользу маккавейскаго происхожденія этой книги. Но четыре греческихъ слова слишкомъ слабы для этого; да и существованіе ихъ въ книгѣ Даниіловой объясняется совершенно естественно, такъ какъ инструменты, названія которыхъ они пред-

¹⁾ Bertholdt. Daniel. S. 24—25.

²⁾ Lücke's Einleitung in die Offenbarung Johannes. S. 32.—De Wette. Lehrbuch d. historisch-kritischen Einleitung in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T. S. 500.

ставляют собою, несомненно, были известны вавилонянамъ еще до Навуходоносора. Такъ, что касается самвики, то этотъ инструментъ получилъ свое начало на Востоку: Атеней мѣстомъ происхожденія его считаетъ Сирію¹⁾, а Страбонъ называетъ его „варварскимъ“ инструментомъ²⁾; отсюда же, съ Востока, онъ уже перешелъ въ Грецію, а не наоборотъ. Что касается трехъ другихъ инструментовъ—киары, псалтири и симфоніи,—то названія ихъ, несомненно, греческаго происхожденія; но это не значитъ, что самые инструменты во время Навуходоносора еще не были известны вавилонянамъ. Есть данныя предполагать, что эти инструменты были изобрѣтены первоначально на Востоку,—можетъ быть, самими ассириянами и вавилонянами, а затѣмъ перешли въ Грецію и здѣсь были усовершенствованы или видоизмѣнены, послѣ чего возвратились опять на Востоку уже со своими греческими названіями. Это, напр., нужно сказать о цитрѣ или киарѣ, которая, вѣроятно, была изобрѣтена вавилонянами же или персами³⁾, а въ Греціи была только усовершенствована и въ такомъ именно усовершенствованномъ видѣ встрѣчается на позднѣйшихъ ассирійскихъ памятникахъ⁴⁾. Но еслибы даже самые инструменты эти были чисто-греческаго происхожденія, то и тогда нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, будто они могли перейти къ вавилонянамъ только послѣ Александра В., съ распространеніемъ греческаго языка на Востоку. Взаимныя сношенія между вавилонянами и греками существовали еще задолго не только до Александра, но и до Навуходоносора. Такъ, еще во время пророка Исаи и царя іудейскаго

¹⁾ *Athenäus*. *Deipnosoph.* IV, 182; XIV, 634.—*Zündel*. *Krit. Unters.* üb. d. *Abfass.* d. B. D. S. 5.

²⁾ *Страбонъ*. *Географія*. Пер. Мищенко. М. 1879. Стр. 482.

³⁾ Ср. персидское ея названіе *si-tageh*, т. е. шестиструнная.

⁴⁾ Изображеніе киары на древнѣйшихъ и позднѣйшихъ ассирійскихъ памятникахъ значительно разнится между собою.—*Vigouroux* F. *Die Bibel u. die neueren Entdeckungen in Palästina, in Aegypten und in Assyrien.* Übers. v. I. Ibach. IV. B. S. 406—407.

Езекии современный имъ ассирійскій царь Саргонъ, какъ видно изъ одной его надписи, зналъ іонянъ и называлъ часть Средиземнаго моря около о. Кипра Іонійскимъ моремъ¹⁾; въ числѣ же данниковъ его былъ и о. Кипръ (*Jatnan*²⁾). Сеннахиримъ, царь ассирійскій, въ Киликіи одержалъ побѣду надъ греками и въ знакъ этого поставилъ даже памятникъ; въ своей арміи онъ имѣлъ уже и греческій отрядъ³⁾. Цари Асаргадонъ и Ассурбанипаль нерѣдко воевали съ Финикіей, бывшей въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Греціей⁴⁾; они же покорили себѣ и сдѣлали своими данниками греческихъ царей острововъ Кипра, Пафоса, Куріума и др. и нѣкоторыхъ греческихъ городовъ⁵⁾. При Навуходоносорѣ же вавилоняне вступали въ сношенія чуть не со всѣми народами тогдашняго міра⁶⁾; а по свидѣтельству Страбона, во время войны грековъ съ вавилонянами братъ греческаго поэта Алкея, нѣкто Антименидъ, бывший, вѣроятно, предводителемъ греческаго отряда, оказалъ большую помощь вавилонянамъ⁷⁾. Во время плѣна вавилонскаго греки были уже отлично знакомы съ Востокомъ, такъ что Анаксимандръ, современникъ этого плѣна, составилъ даже карту древняго міра⁸⁾. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если еще задолго до Навуходоносора греческіе инструменты стали известны вавилонянамъ и вошли у нихъ въ употребленіе подъ своими же греческими именами. Мы положительно утверждаемъ это. Ассиро-вавилоняне были большіе любители музыки. Какъ свидѣлствуютъ клинообразныя над-

¹⁾ *Schrader*. *Keil. Bibliothek.* B. II. S. 43.

²⁾ *Ibid.*, S. 53.

³⁾ *Berosus*. *Fragm. hist. graec.*, ed. Müller, II, 504.—*Zündel*. *Krit. Unters.* üb. d. *Abf.* d. B. D. S. 6.

⁴⁾ *Schrader*. *Keil. Bibl.* B. II. S. 125, 127, 145, 149, 169, 239.

⁵⁾ *Ibid.*, S. 149, 151, 161, 163, 167, 169, 173, 239, 241.

⁶⁾ *Ср.* *Ier.* 17, 4. 12. 20.

⁷⁾ *Страбонъ*. *Географія*. Пер. Мищенко. Стр. 630.

⁸⁾ *Diog.* II, 2. *Agathemerus*. *Geogr. Inf.* 1.—*Zeller*. *Die Philosophie der Griechen.* I. Theil. 3. Aufl. Leipzig. 1869. S. 180.

Св. пророкъ Даниилъ.

писи ассирийских царей, они въ качествѣ военной добычи, послѣ побѣды надъ чужеземными царями и народами, забирали, между прочимъ, и музыкантовъ ¹⁾, а вмѣстѣ, конечно, и музыкальные инструменты; съ полученной добычей торжественно вступали въ столицу своего государства при пѣніи и звукахъ оркестра изъ многочисленныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ ²⁾; религиозныя и общественныя торжества сопровождались непременно музыкой ³⁾ и т. п. Почему же мы не можемъ допустить, что аналогичные случаи пѣвенія греческихъ музыкантовъ вмѣстѣ съ ихъ національными инструментами ⁴⁾ могли быть при побѣдѣ надъ греками царей Саргона, Сеннахирима, Асаргадона и Ассурбанипала? Замѣтимъ еще, что псалтирь, напр., изображается уже на барельефѣ Ассурбанипала ⁵⁾, — и кивара въ своемъ усовершенствованномъ видѣ — на памятникахъ изъ временъ послѣднихъ ассирийскихъ царей ⁶⁾; конечно въ это время греческіе инструменты, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, были уже знакомы вавилонянамъ и употреблялись ими въ оркестрахъ. Имѣетъ ли, поѣтому, силу разбираемое нами возраженіе защитниковъ маккавейскаго происхожденія книги Даниловой о составленіи ея уже послѣ Александра В., на основаніи упоминаемыхъ въ ней греческихъ названій четырехъ музыкальныхъ инструментовъ?

Ссылаются ⁷⁾, далѣе, на слишкомъ развитое уже ученіе книги Даниловой по нѣкоторымъ догматическимъ и нрав-

¹⁾ *Schrader*. Keil. Bibl. V. II. S. 85, 97, 255.

²⁾ *Ibid.*, S. 127, 257.

³⁾ *Ibid.*, S. 253.

⁴⁾ Похъ греческими же и названіями; ср. 3 Цар. 10, 22.

⁵⁾ *Vigouroux*. D. Bibel. u. d. neueren Entdeckungen. IV. B. S. 408.

⁶⁾ *Ibid.*, S. 406—407.

⁷⁾ *Bertholdt* (Daniel. S. 29—33), *Griesinger* (Neue Ansicht d. Aufsätze im Buche Daniel. S. 45), *Lengerke* (Das Buch Daniel. S. LXV—LXXII, 25—26), *de-Wette* (Lehrbuch d. histor.-krit. Einleitung in d. kan. u. apokr. Bücher d. A. T. [S. 497]) и др.

ственно-практическимъ вопросамъ, которое будто-бы въ такой именно степени своего развитія и въ такой своеобразной формѣ могло существовать только въ позднѣйшій періодъ іудейской исторіи, — въ эпоху маккавейскую. Такъ, указываютъ на ученіе о Богѣ ¹⁾, о Мессіи — Сынѣ Человѣческомъ ²⁾ и вѣчномъ царствѣ Его ³⁾, объ ангелахъ высшихъ и низшихъ ⁴⁾ и о сонмѣ силъ небесныхъ, окружающихъ престолъ Божій ⁵⁾, о воскресеніи мертвыхъ ⁶⁾, объ обычаяхъ три раза въ день молиться, обращаясь, притомъ, лицомъ въ Іерусалиму ⁷⁾, о постѣ, сѣтованіи и воздержаніи отъ роскошной пищи ⁸⁾, вавкой „аскетизмъ“ возможенъ былъ будто-бы только въ вѣкъ Маккавеевъ ⁹⁾, о милосердіи къ бѣднымъ ¹⁰⁾ и т. д. Возраженіе это теряетъ для насъ всякую цѣну, если обратимся къ ученію о тѣхъ-же предметахъ предшествующихъ библейскихъ писателей. Такъ, образъ Іеговы почти тѣми-же чертами опредѣляется и у Іезекииля ¹¹⁾; о Мессіи не менѣе ясно говорятъ Исаія и другіе доплѣнные пророки; есть ученіе о царствѣ мессіанскомъ, вѣчномъ, праведномъ и мирномъ ¹²⁾. Ученіе объ ангелахъ составляетъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ ветхозавѣтной догматики. Различіе ихъ между собою по степени своего достоинства, по нравственному при-

¹⁾ Дан. 7, 9—10.

²⁾ Дан. 7, 13.

³⁾ Дан. 2, 44; 7, 13—14; 12, 1—8.

⁴⁾ Дан. 8, 16; 9, 21; 10, 13. 20. 21; 12, 1. — Ученіе пророка Даниила объ ангелахъ воспроизводитъ даже изъ ученія персидской религіи о духахъ высшихъ и низшихъ и объясняютъ заимствованіемъ изъ нея.

⁵⁾ Дан. 7, 9—14.

⁶⁾ Дан. 12, 2.

⁷⁾ Дан. 6, 10.

⁸⁾ Дан. 9, 3; 10, 2—3; 1, 8—16.

⁹⁾ *Lengerke*. Das Buch Daniel. S. 25—26. — Ср. 1 Макк. 1, 62; 2 Макк. 5, 27.

¹⁰⁾ Дан. 4, 24.

¹¹⁾ Ср. Дан. 7, 9—10 съ Іезек. 1, 26—27.

¹²⁾ Ис. 9, 6—7; Пс. 71.

ближенію къ Богу, по роду предназначенной имъ Творцомъ миссіи или служенія Богу и людямъ—все это замѣтно проглядываетъ въ различныхъ мѣстахъ доплѣнныхъ библейскихъ книгъ, гдѣ говорится, напр., о серафимахъ¹⁾, объ архистратигахъ и воинствѣ небесномъ²⁾, объ ангелахъ народовъ и племенъ³⁾, объ ангелахъ-хранителяхъ частныхъ лицъ⁴⁾ и т. д. Представленіе о сонмахъ силъ небесныхъ, окружающихъ престолъ Иеговы, присуще древнѣйшимъ пророкамъ и другимъ священнымъ писателямъ⁵⁾. Не чуждо было имъ и ученіе о воскресеніи мертвыхъ⁶⁾. Обычай три раза въ день возносить молитвы Богу существовалъ еще задолго до плѣна⁷⁾; а обращеніе при этомъ лицомъ къ Иерусалиму,—частіе къ святилицу,—вошло въ обыкновеніе со времени самаго устройства его тамъ⁸⁾. Какъ общественныя жертвы и молитвы должны были возноситься только въ храмъ⁹⁾, такъ и частныя молитвы израильтянина должны были направляться къ храму же¹⁰⁾, какъ мѣсту особеннаго присутствія Иеговы; сюда, къ своему отечеству, къ священному Иерусалиму и храму должны были направлять свои молитвенные помыслы и плѣненные іудеи¹¹⁾. Хотя Иерусалимъ при Даріѣ Мидяннѣ былъ въ разрушеніи и храмъ былъ сожженъ, хотя и слава Господня „поднялась“ изъ храма и разрушеннаго города¹²⁾, но самое мѣсто святилица было свято для благочестиваго израильтянина¹³⁾; самый Сіонъ былъ дорогъ

¹⁾ Ис. 6, 2—4.

²⁾ Нав. 5, 14; Пс. 102, 20—21.

³⁾ Исх. 14, 19; 23, 20; 32, 34.

⁴⁾ Быт. 16, 7, 9; 19, 1; 21, 17; 22, 11; 24, 7, 40; 31, 11; 48, 16; Іов. 33, 23 и др.

⁵⁾ Втор. 33, 2; 3 Цар. 22, 19—22; Іов. 1, 6—12; 2, 1—7; Пс. 67, 18; Ис. 6, 2—4.

⁶⁾ Іов. 19, 25—26; Ис. 26, 19, 21; 66, 24; Ос. 13, 14; Іез. 37, 3—14.

⁷⁾ Пс. 54, 18.

⁸⁾ Пс. 5, 8; 27, 2; 137, 2.

⁹⁾ Втор. 12, 5, 6.

¹⁰⁾ 3 Цар. 8, 29; Ис. 56, 7.

¹¹⁾ 3 Цар. 8, 46, 48; 2 Пар. 6, 34.

¹²⁾ Іезек. 11, 23.

¹³⁾ Пс. 19, 3; 120, 1.

и сердцу Иеговы¹⁾, потому что „спасеніе—отъ Сіона“²⁾. Вотъ почему молитва по направленію къ Иерусалиму была завѣтомъ и плѣнныхъ іудеевъ,—завѣтомъ не новымъ, но коренящимся на основаніи закона и пророковъ. Затѣмъ, постъ, соединенный съ сѣтованіемъ и молитвою³⁾, былъ съ древнѣйшихъ временъ всеобщимъ явленіемъ въ жизни народа Божія: многочисленныя примѣры его видимъ въ жизни посланниковъ Иеговы, пророковъ, законодателей, священниковъ, всего народа и частныхъ лицъ; а „аскетизмъ“, состоявшій въ воздержаніи отъ роскошной пищи, приготовляемой руками язычниковъ, и имѣвшій цѣлю предохраненіе себя отъ оскверненія запрещенными для іудея яствами⁴⁾, былъ совершенно естественнымъ, но никакъ не исключительнымъ для того времени, стремленіемъ благочестивыхъ юношей—Даніила и друзей его: пророки и раньше предсказывали объ оскверненіи іудеевъ пищею въ Вавилонѣ⁵⁾; а пророкъ Іезекиль самъ особенно заботился о сохраненіи себя отъ оскверненія пищею⁶⁾. Наконецъ, ученіе о милосердіи къ бѣднымъ, исходящее изъ устъ пророка Даніила, тоже не составляетъ чего-либо новаго: объ этомъ говорили и доплѣнные пророки⁷⁾. Совершенно напрасно, такимъ образомъ, стремленіе навязывать пророку Даніилу то, чего у него нѣтъ, ставить ученіе его и предшествовавшихъ ему священнымъ писателямъ чуть не на двухъ противоположныхъ полюсахъ, приписывая первому крайнюю степень развитія догматико-этическихъ началъ, а послѣднимъ, наоборотъ, какую-то неразвитость этихъ началъ.

¹⁾ Пс. 73, 2.

²⁾ Пс. 13, 7.

³⁾ См. Дан. 9, 3; 10, 2—3.

⁴⁾ См. Дан. 1, 8—16.

⁵⁾ Іез. 4, 13; Ос. 9, 3—4.

⁶⁾ Іез. 4, 14.

⁷⁾ Ис. 1, 17; 58, 10 и др.

Говорить ли здѣсь что-нибудь о принадлежности учения пророка Даниила лишь маккавейской эпохѣ, — ясно изъ только-что сказаннаго нами.

Указываютъ, затѣмъ, какъ на доказательство маккавейскаго происхожденія книги Данииловой, на характеръ и содержаніе заключающихся въ ней пророчествъ, которыя будто-бы доходятъ только до времени Антиоха Епифана, а затѣмъ касаются прямо царства Мессіи и даже воскресенія мертвыхъ—и тѣмъ свидѣлствуютъ, что книга Даниилова написана при Антиохѣ или вскорѣ послѣ смерти его, такъ какъ въ сущности писатель ея изложилъ въ пророческой формѣ минувшія уже событія, о дальнѣйшемъ же послѣ Антиоха, не имѣя пророческаго дара („вслѣдствіе незнанія имъ будущаго“), не могъ ничего сказать. Возраженіе это, высказанное впервые неоплатоникомъ Порфиріемъ¹⁾, повторяется однимъ за другимъ всѣми защитниками ея маккавейскаго происхожденія. Коренится оно на своеобразномъ толкованіи этихъ пророчествъ,—напр., пророчествъ о четырехъ міровыхъ монархіяхъ²⁾, подъ которыми разумѣютъ вавилонскую, мидо-персидскую, греческую и македонскую (Александра В. и преемниковъ его),—пророчества, содержащагося въ Дан. 11, 21—45 и гл. 12, гдѣ говорится будто-бы только объ Антиохѣ Епифанѣ, его царствованіи и отношеніи къ іудеямъ. Крайняя предзанятость такихъ сужденій сама собою видна. Вѣдь, по прямому смыслу пророчествъ Данииловыхъ, царство „вѣчное“, мессіанское настанетъ вслѣдъ за разрушеніемъ четвертой міровой монархіи³⁾ (какую бы подъ ней ни подразумѣвали); уже это одно показываетъ, что въ сущности

¹⁾ Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Книга 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 1.

²⁾ Дан., гл. 2 и 7.

³⁾ Дан. 2, 34, 44; 7, 11—14.

нѣтъ основаній проводить какую-либо рѣзкую границу между Антиохомъ Епифаномъ и его царствомъ (если только оно относится къ четвертой міровой монархіи) и царствомъ мессіанскимъ; съ полнымъ правомъ можно сказать, что пророчества Данииловы доходятъ не до Антиоха, а до мессіанскаго царства влючительно, тѣмъ болѣе, что царство это охарактеризовано не менѣе яркими чертами, чѣмъ каждая изъ четырехъ міровыхъ монархій, что, въ свою очередь, доказываетъ въ писателѣ вовсе не безусловное „незнаніе“ событий послѣ Антиоха, а совершенно противное. Но это еще не все: самое объясненіе пророчества о четырехъ міровыхъ монархіяхъ, какое высказываютъ защитники разбираемаго нами возраженія, возбуждаетъ сомнѣніе. Общую точку зрѣнія на идею четырехъ Данииловыхъ царствъ мы уже провели при разборѣ теоріи Эвальда. Первое царство, изображенное подъ символами золотой головы¹⁾ и крылатаго льва²⁾, по объясненію самого пророка, есть вавилонское царство³⁾; второе—подъ образами серебряныхъ груди и рукъ⁴⁾, медвѣдя⁵⁾ и двурогаго барана⁶⁾—есть, по объясненію ангела, двухсоставное царство мидо-персидское⁷⁾; третье, символами котораго являются мѣдное туловище⁸⁾, барсъ⁹⁾ и козель¹⁰⁾, есть царство „Греціи“¹¹⁾; большой рогъ между глазами козла означаетъ перваго царя этого „греческаго“ царства¹²⁾,—

¹⁾ Дан. 2, 32.

²⁾ Дан. 7, 4.

³⁾ Дан. 2, 37—38.

⁴⁾ Дан. 2, 32.

⁵⁾ Дан. 7, 5.

⁶⁾ Дан. 8, 3.

⁷⁾ Дан. 8, 20; ср. 5, 31; 6, 28.

⁸⁾ Дан. 2, 32.

⁹⁾ Дан. 7, 6.

¹⁰⁾ Дан. 8, 5.

¹¹⁾ Дан. 8, 21.

¹²⁾ Дан. 8, 21.

очевидно, Александра Македонскаго, ставшаго всемірнымъ владыкой древняго міра послѣ знаменитыхъ персидскихъ царей; четыре другихъ рога, выросшихъ у козла вмѣсто перваго,—это четыре царства, слѣдовавшія за первымъ царствованіемъ, но значительно уступавшія ему въ силѣ¹⁾; несомнѣнно, это—четыре царства, образовавшіяся изъ громадной монархіи Александра В. послѣ его смерти; отъ одного-то изъ этихъ царствъ и вышелъ небольшой рогъ, „вознесшійся“ до воинства небеснаго и Вождя его, надругавшійся надъ жертвою Его и мѣстомъ святыни Его, съ успѣхомъ извращавшій и попиравшій истину на землѣ²⁾),—царь наглый, коварный, врагъ истины и Владыки владыкъ³⁾). Это-то царь (Антиохъ Епифанъ) вышелъ, слѣдовательно, изъ третьяго міроваго царства, которое въ дѣйствительности было не „греческимъ“ только, а *греко-македонскимъ*, причисляя къ нему и преемниковъ Александра В.; иначе что разумѣть подъ „греческимъ“ (третьимъ) царствомъ, если даже и Александра В. причислить уже къ четвертому царству, когда каждое царство должно *преемственно* слѣдовать одно за другимъ, когда—мало того—тоже третье царство только послѣ окончательнаго разрушенія втораго царства приобрѣло всемірное господство⁴⁾? Между же этимъ третьимъ царствомъ (а слѣдовательно и Антиохомъ) и царствомъ вѣчнымъ, мессіанскимъ слѣдуетъ еще четвертое міровое царство, которое уничтожило и сокрушило всѣ другія царства, царство „страшное, ужасное и весьма сильное“⁵⁾),—очевидно, судя по историческимъ даннымъ, царство римское; изъ него вышелъ небольшой рогъ,—врагъ „Всевышняго“ и Его за-

¹⁾ Дан. 8, 22.

²⁾ Дан. 8, 9—12.

³⁾ Дан. 8, 23—25.

⁴⁾ Дан. 8, 6—7; 2, 39.

⁵⁾ Дан. 7, 7; 2, 40.

вона, гонитель „святыхъ“¹⁾),—отличный, однако, отъ коварнаго царя третьяго царства (Антиоха), хотя и подобный ему по своему коварству, жестокости и враждѣ противъ Бога и народа Его,—точно такъ же, какъ и десятирогий страшный звѣрь²⁾ (символь четвертаго царства) отличенъ отъ однорогаго козла³⁾ (символа третьяго царства); различіе обоехъ царей видно уже изъ времени царствованія того и другого: владычество царя третьяго царства продолжается 2300 „вечеровъ и утръ“⁴⁾ или 1290 дней⁵⁾), а дѣятельность царя четвертаго царства—„время, времена и полвремени“⁶⁾). Объ этихъ же двухъ врагахъ религіи Бога истиннаго говорятъ и Дан. 11, 21—45 и гл. 12,—мѣста, относимыя приверженцами разбираемаго нами взгляда исключительно къ Антиоху; къ послѣднему безъ натяжки и согласно съ историческою дѣйствительностью можно отнести только Дан. 11, 21—45; 12, 11—12; а 12, 1—3. 6—7 говорятъ уже о царѣ четвертаго царства. Это-то отличіе послѣдняго отъ Антиоха Епифана, строгое разграниченіе между третьимъ (греко-македонскимъ) и четвертымъ (римскимъ) царствомъ, какъ нельзя лучше, доказываетъ, что пророчества Даниїла заходятъ далеко за время Антиоха, такъ какъ они касаются и римскаго царства, конецъ котораго граничить съ наступленіемъ царства мессіанскаго; о маккавейскомъ происхожденіи книги Даниїловой это нисколько не говоритъ.

Что книга Даниїлова будто-бы содержитъ въ себѣ, какъ говоритъ Порфирій⁷⁾), а за нимъ и всѣ противники

¹⁾ Дан. 7, 8. 24. 25.

²⁾ Дан. 7, 7.

³⁾ Дан. 8, 5.

⁴⁾ Дан. 8, 14.

⁵⁾ Дан. 12, 11.

⁶⁾ Дан. 7, 25; 12, 7.

⁷⁾ Библиотека твор. св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 1.

подлинности ея, не столько пророчества Даниловы о будущемъ, сколько изложенную въ маккавейскія времена писателемъ этой книги исторію уже минувшаго,—доказательствомъ этого считаютъ точныя историческія подробности этихъ пророчествъ, возможные будто-бы только въ историческихъ повѣствованіяхъ, но никакъ не въ пророчествахъ о будущемъ. Искусственность такого возраженія ясно видна каждому, болѣе или менѣе знакомому съ главнѣйшими ветхозавѣтными пророчествами. Есть среди нихъ очень подробныя и точныя пророчества. Такъ, пророчество Іереміи о завоеваніи Вавилона¹⁾ содержитъ въ себѣ такія подробности и точныя историческія указанія, болѣе которыхъ не даетъ намъ и исторія объ этомъ событіи: оно говоритъ о завоеваніи Вавилона „великимъ народомъ отъ сѣвера“²⁾, именно „царями мидійскими“³⁾ въ союзѣ съ другими царями⁴⁾ „великихъ народовъ отъ земли сѣверной“⁵⁾, объ отсутствіи въ то время царя въ столицѣ⁶⁾, объ отводѣ осаждавшими рѣки Евфрата въ особые каналы съ цѣлю проникнуть въ городъ чрезъ прежнее русло рѣки⁷⁾, о пиршествѣ, бывшемъ тогда въ Вавилонѣ, въ которомъ принимали участіе какъ начальники города, такъ и войска⁸⁾,—объ избіеніи проникшими въ городъ непріятелями городской стражи и всѣхъ попадавшихся на встрѣчу, опьяненныхъ и потому безсильныхъ, „какъ женщины“⁹⁾,—объ освобожденіи іудеевъ изъ плѣна вскорѣ послѣ завоеванія Вавилона¹⁰⁾, о постепенномъ, затѣмъ, разрушеніи и окончательномъ запустѣніи знаменитаго нѣкогда

¹⁾ Іер., гл. 50—51.

²⁾ Іер. 50, 3. 41; 51, 48.

³⁾ Іер. 51, 11. 28.

⁴⁾ Іер. 50, 41.

⁵⁾ Іер. 50, 9.

⁶⁾ Іер. 51, 31.

⁷⁾ Іер. 50, 38; 51, 32. 36.

⁸⁾ Іер. 51, 39. 57.

⁹⁾ Іер. 51, 30; 50, 37.

¹⁰⁾ Іер. 50, 19.

Вавилона¹⁾ и т. д. Въ книгѣ Исаи тоже содержится пророчество о завоеваніи Вавилона мидянами²⁾, во время всеобщаго пиршества³⁾, и объ освобожденіи, затѣмъ, іудеевъ изъ плѣна⁴⁾. Пророкъ Захарія съ необыкновенною точностью предсказалъ о завоеваніяхъ Александра Великаго⁵⁾,—во время которыхъ Сирія и Финикія были покорены знаменитымъ завоевателемъ⁶⁾, Тирь былъ сожженъ⁷⁾, Газа потеряла своего царя⁸⁾, Аскалонъ сдѣлался необитаемъ⁹⁾, Азотъ послѣ потери своихъ жителей былъ населенъ „чужимъ племенемъ“¹⁰⁾,—Іерусалимъ же былъ спасенъ отъ руки враговъ¹¹⁾. Всѣ эти историческія подробности вполне подтверждаются показаніями древнихъ писателей—историковъ этихъ событій. Неужели же на основаніи такой ясности и исторической точности пророчествъ (хотя бы только-что указанныхъ нами) мы вправѣ оспаривать ихъ достоинство, предполагать въ нихъ не пророчество, а позднѣйшую исторію указываемыхъ въ нихъ событій? Это значило-бы требовать отъ пророчества только какого-то общаго описанія, чуждаго всякихъ опредѣленныхъ указаній на будущія событія, а тѣмъ болѣе точныхъ подробностей. Вспомнимъ встать пророчества о новозавѣтныхъ событіяхъ, наполненные ясными указаніями на разнаго рода обстоятельства рожденія, жизни, чудесъ, ученія, страданій, смерти, воскресенія Спасителя,—тогда увидимъ, что пророчества вообще отличаются опредѣленностью и точностью, да

¹⁾ Іер. 50, 3. 12. 13. 39. 40; 51, 26. 29. 37. 43.

²⁾ Ис. 21, 2.

³⁾ Ис. 21, 5.

⁴⁾ Ис. 13, 14.

⁵⁾ Зах. 9, 1—8.

⁶⁾ Зах. 9, 1—2.

⁷⁾ Зах. 9, 4.

⁸⁾ Зах. 9, 5.

⁹⁾ Зах. 9, 5.

¹⁰⁾ Зах. 9, 6.

¹¹⁾ Зах. 9, 8.

и должны отличаться ими по своему особенному характеру и назначенію. Справедливо ли поэтому, оспаривать достоинство пророчествъ Даниіловыхъ, вообще опредѣленныхъ и точныхъ, какъ и другія наиболѣе подробныя ветхозавѣтныя пророчества? Впрочемъ, противъ Даниіловыхъ пророчествъ находятъ еще одно возраженіе: говорятъ, что они представляютъ судьбу такихъ царствъ и народовъ, которые во время самого пророка еще и не существовали, что опять будто-бы доказываетъ ихъ не пророческій, а историческій характеръ. Блестящимъ опроверженіемъ этого возраженія служитъ пророчество Валаама о томъ, что „корабли Киттима“ нѣвогда „смирять Ассура и Евера“¹⁾,— пророчество о македонянахъ (Киттимъ²⁾), историческое существованіе которыхъ было для Валаама дѣломъ далекаго будущаго; при Александрѣ В. пророчество это дѣйствительно исполнилось. Таковы же по существу пророчества Исаи³⁾ и Михея⁴⁾ о завоеваніи Іерусалима и другихъ городовъ Іудеи вавилонянами и объ отведеніи завоевателями покоренныхъ іудеевъ въ плѣнъ, сказанныя въ то время, когда самъ Вавилонъ былъ только ассирійской провинціей. Какъ видно, и судьба царствъ и народовъ, будущихъ по самому существованію своему, можетъ быть и бываетъ предметомъ пророчества; слѣдовательно, и съ этой стороны достоинство пророчествъ Даниіловыхъ не можетъ быть оспариваемо, а предположеніе о составленіи ихъ уже послѣ совершенія предсказанныхъ въ нихъ событій ничѣмъ не доказывается.

Наконецъ, маккевейское происхожденіе книги Даниіловой думаютъ⁵⁾ обосновать еще однимъ своеобразнымъ пред-

¹⁾ Числ. 24, 24.

²⁾ Ср. 1 Макк. 1, 1.

³⁾ Ис. 39, 6—7.

⁴⁾ Мих. 4, 10.

⁵⁾ De-Wette. Lehrbuch d. hist.-krit. Einl. in d. Bücher d. A. T. S. 508. — Bleek. Einleitung in d. heilige Schrift. 1. Th. S. 422, 431, 432—435. — Kuenen. Hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. II. T. S. 469.

положеніемъ, будто историческое повѣствованіе этой книги есть аллегорическое или легендарное воспроизведеніе исторіи Антиоха Епифана и маккевейскихъ временъ,—будто подъ Навуходоносоромъ, Валтасаромъ и Даріемъ Мидяниномъ выведенъ тотъ-же Антиохъ въ различныхъ обнаруженіяхъ его ненависти къ іудейству, а подъ Даниіломъ и его друзьями—преслѣдуемые Антиохомъ іудеи. Мы имѣли уже случай встрѣтиться съ аналогичнымъ этому взглядомъ—въ теоріи Христіана Карла Бунзена, предполагающаго подъ Навуходоносоромъ въ одномъ изъ сообщаемыхъ о немъ въ книгѣ Даниіловой фактовъ, однако, не Антиоха, а Артаксеркса. Какъ тамъ, такъ и здѣсь параллель между сообщаемымъ въ книгѣ Даниіловой и разнаго рода фактами изъ времени Антиоха Епифана слишкомъ неестественна, да по существу едва ли и возможна. Справедливо ли отождествлять, напр., похищеніе свящ. сосудовъ изъ храма іерусалимскаго Навуходоносоромъ и Антиохомъ? Первый не могъ руководиться исключительно корыстными цѣлями, а тѣмъ болѣе преслѣдовать какіе-либо религіозные интересы, въ родѣ уничтоженія служенія Іеговѣ; свящ. сосуды были для него общимъ побѣднымъ трофеемъ, къ которому онъ относится съ вниманіемъ и уваженіемъ¹⁾. Антиохъ же оскверняетъ свящ. сосуды и самое святилище, задавшись цѣлію уничтожить іудейскую религію и обрядность, и съ надменностью и жестокостью похищаетъ изъ святилища сосуды, храмовыя принадлежности и сокровища съ корыстною цѣлію²⁾. Возьмемъ повѣствованіе книги Даниіловой о громадномъ истуканѣ Навуходоносора, которое считаютъ воспроизведеніемъ исторіи о поставленіи Антиохомъ жертвенника на алтарѣ іерусалимскаго храма. Что здѣсь мы видимъ при сопоставленіи обоихъ рассказовъ? Навуходоносоръ ставитъ истуканъ³⁾; а Антиохъ—

¹⁾ Дан. 1, 2; 5, 2.

²⁾ 1 Макк. 1, 20—24; 2 Макк. 5, 15—16.

³⁾ Дан. 3, 1.

жертвенникъ ¹⁾; первый—на полѣ ²⁾, второй—на altarѣ іерусалимскаго храма ³⁾; истуканъ—громадный по величинѣ, въ 60 локтей высоты и 6 локтей ширины ⁴⁾, жертвенникъ же Антиоха настолько небольшихъ размѣровъ, что могъ помѣститься на altarѣ храма ⁵⁾; Навуходоносоръ ставитъ только одинъ истуканъ въ одномъ мѣстѣ ⁶⁾, а Антиохъ—жертвенники во многихъ городахъ іудейскихъ ⁷⁾; открытіе истукана сопровождается всенароднымъ торжествомъ, музыкой ⁸⁾; о чемъ-либо подобномъ при поставленіи жертвенника ничего неизвѣстно; поклоненіе и чествованіе истукана имѣло кратковременный характеръ и сопровождалось, можно думать, только жертвоприношеніями ⁹⁾; напротивъ, жертвенникъ Антиоха былъ поставленъ не для однократнаго только жертвоприношенія, да и служеніе намѣченной Антиохомъ цѣли должно было сопровождаться всякаго рода распутствомъ и другими языческими мерзостями ¹⁰⁾; Навуходоносоръ, говоря о чествованіи и поклоненіи поставленному имъ истукану, не имѣетъ въ виду преслѣдовать ни іудейской, ни какой-либо другой національной религіи: онъ не требуетъ отреченія отъ Іеговы, не думаетъ уничтожать и служенія Ему; онъ требуетъ только однократнаго поклоненія поставленному истукану ¹¹⁾; по языческимъ воззрѣніямъ, это можно было сдѣлать каждому, не оскорбляя тѣмъ своего національнаго бога (или боговъ); напротивъ, Антиохъ задался цѣлію уничтожить въ конецъ іудейскую религію, задумалъ составить изъ всѣхъ

¹⁾ 1 Макк. 1, 59.

²⁾ Дан. 3, 1.

³⁾ 1 Макк. 1, 59.

⁴⁾ Дан. 3, 1.

⁵⁾ 1 Макк. 1, 59.

⁶⁾ Дан. 3, 1.

⁷⁾ 1 Макк. 1, 54.

⁸⁾ Дан. 3, 2—5.

⁹⁾ Дан. 3, 12, 14, 18.

¹⁰⁾ 1 Макк. 1, 48.

¹¹⁾ Дан. 3, 5—6, 15.

подвластныхъ ему племенъ одинъ народъ съ одною общою религіею,—именно языческою,—и съ этою цѣлію ставитъ въ Іудеѣ языческіе жертвенники, требуя отъ всѣхъ принесенія на нихъ языческихъ жертвъ, отреченія отъ іудейской обрядности, обрѣзанія, праздниковъ и т. п. и воздвигая жестокое гоненіе на вѣрныхъ служителей Іеговы ¹⁾; наконецъ, ослушниковъ царскаго повелѣнія Навуходоносоръ предаетъ прямо смерти ²⁾; Антиохъ же—предварительно страшнымъ пыткамъ и мученіямъ ³⁾. Много ли, спрашивается, можно найти сходства между тѣмъ и другимъ рассказомъ? Далѣе, есть ли основаніе отождествлять наказаніе Богомъ Навуходоносора и судъ Іеговы надъ Антиохомъ? Навуходоносоръ былъ наказанъ Богомъ, но не за какія-либо гоненія на іудеевъ, а за свою гордость и тщеславіе ⁴⁾; Антиохъ же признаетъ надъ собою судъ Божій за грѣхи своего фанатизма и необыкновенной ярости ⁵⁾; Навуходоносоръ приходитъ къ сознанію своей вины и вторично вступаетъ на царство ⁶⁾; болѣзнь же Антиоха оканчивается для него самою жалкою смертію ⁷⁾. Въ чемъ еще сходство между Валтасаромъ и Антиохомъ? Первый не преслѣдуетъ ни іудеевъ, ни въ частности Данила; мало того: выслушиваетъ страшное для себя предсказаніе пророка и его же еще награждаетъ ⁸⁾; Антиохъ же не зналъ мѣры въ своей ярости противъ іудеевъ; Валтасара постигаетъ судъ Божій за оскверненіе имъ свящ. сосудовъ и прославленіе „боговъ серебряныхъ и золотыхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ“,

¹⁾ 1 Макк. 1, 41—42, 44—50.

²⁾ Дан. 3, 6.

³⁾ 2 Макк. 7.

⁴⁾ Дан. 4, 14, 27.

⁵⁾ 1 Макк. 6, 12—13; 2 Макк. 9, 5—6.

⁶⁾ Дан. 4, 31—33.

⁷⁾ 2 Макк. 9, 28.

⁸⁾ Дан. 5, 17—29.

а не Бога живаго ¹⁾; Антиохъ же грѣшитъ гораздо большимъ; Валтасаръ былъ убитъ ²⁾; Антиохъ же умираетъ естественною смертію, хотя отъ ужасной болѣзни; царство Валтасара переходитъ къ мидянамъ и персамъ ³⁾, царство же Антиоха получаетъ сынъ его ⁴⁾. А Дарій Мидянинъ похожъ ли сколько-нибудь на Антиоха Епифана? Указъ Дарія не имѣетъ въ виду преслѣдованія іудеевъ, потому что послѣ 30 дней каждый подданный его могъ по прежнему молиться своему богу ⁵⁾; гоненіе же Антиоха на іудеевъ и издававшіяся имъ для этого распоряженія имѣли безусловное значеніе; указъ Дарія былъ хитро вынужденъ у него врагами Даниила съ цѣлью погубить пророка ⁶⁾; Антиохъ же съ свойственною ему жестокостью всячески преслѣдуетъ іудеевъ, являясь самъ главною пружиною затѣяннаго имъ гоненія; Дарій, послѣ обвиненія пророка Даниила въ нарушеніи царскаго указа, сильно скорбитъ о своемъ любимцѣ, до самаго вечера всячески старается оправдать или извинить его, чтобы спасти отъ смерти, съ горечью уступаетъ только законному основанію, напутствуетъ пророка пожеланіемъ спасенія ему силою Божіею, самъ отъ скорби не можетъ ни вкушать пищи, ни спать, раннимъ утромъ спѣшитъ ко рву львиному освѣдомиться о Даниилѣ, несказанно радуется его спасенію, осуждаетъ на смерть враговъ пророка ⁷⁾; есть ли здѣсь хоть одна черта, напоминающая свирѣпаго и жестокаго Антиоха, ненавидящаго и Бога іудейскаго и народъ Его? Вавилонскіе и мидійскіи цари, познавшіе силу Іеговы, прославляютъ чудеса Его всевѣдѣнія, всемогущества,

¹⁾ Дан. 5, 22—24.

²⁾ Дан. 5, 30.

³⁾ Дан. 5, 28. 31.

⁴⁾ 1 Макк. 6, 14—15. 17.

⁵⁾ Дан. 6, 7.

⁶⁾ Дан. 6, 5. 11.

⁷⁾ Дан. 6, 14—24.

правосудія ¹⁾, призываютъ всѣхъ къ благоговѣнію предъ Нимъ ²⁾, угрожая за хуленіе Его смертною казнію ³⁾; пророка Даниила и друзей его награждаютъ всякаго рода почестями и дарами, возвышаютъ на первыя мѣста въ государствѣ ⁴⁾. Мыслимо ли приравнивать къ этому отношенію Антиоха Епифана къ Богу іудейскому, Его религіи и Его народу? А въ чемъ, наконецъ, сходство между положеніемъ пророка Даниила и друзей его въ Вавилонѣ и іудеевъ въ маккавейскія времена? Данииль съ друзьями воспитывается при царскомъ дворѣ, окружается почестями, иногда, впрочемъ, живетъ въ отдаленіи отъ дѣлъ правленія ⁵⁾; маккавейскіе же іудеи были, напротивъ, цѣлю гоненій Антиоха и сами должны были стать на защиту свою съ оружіемъ въ рукахъ; Данииль былъ другомъ почитавшихъ его царей, относился къ нимъ съ уваженіемъ и сочувствіемъ ⁶⁾; Маккавеи же называютъ Антиоха „изобрѣтателемъ всѣхъ золъ, нечестивымъ и преступнѣйшимъ изъ всѣхъ людей“, предвозвѣщаютъ ему страшный гнѣвъ Божій ⁷⁾. Разумно ли, поэтому, называть исторію пророка Даниила аллегорическимъ воспроизведеніемъ исторіи маккавейскихъ временъ, а отсюда дѣлать заключеніе о маккавейскомъ происхожденіи самой книги Данииловой? Очевидно само собою.

Что же служитъ доказательствомъ въ пользу именно вавилонскаго происхожденія этой книги? Прежде всего, языкъ ея. Книга Даниилова написана на двухъ языкахъ: гл. 1—2, 4 и гл. 8—12 на еврейскомъ, а гл. 2, 4 до конца 7 гл. на арамейскомъ. Очевидно, вавилонскій писатель книги зналъ оба эти языка: какъ іудей (каковымъ нужно, несомнѣнно, считать

¹⁾ Дан. 2, 47; 3, 95; 4, 34.

²⁾ Дан. 6, 26—27.

³⁾ Дан. 3, 96.

⁴⁾ Дан. 2, 48—49; 3, 97; 5, 29; 6, 3.

⁵⁾ Дан. 5, 11. 13.

⁶⁾ Дан. 2, 38; 4, 16.

⁷⁾ 2 Макк. 7, 31—37.

Св. пророкъ Данииль.

его), онъ не могъ не знать своего родного, еврейскаго языка; а какъ житель Вавилона (что также очевидно), онъ долженъ былъ знать и общенародный въ Вавилонѣ арамейскій языкъ. Такое же знакомство съ обоими языками онъ предполагалъ и въ читателяхъ своей книги—іудеяхъ; а когда евреи (не избранные только, конечно, а общая масса ихъ) могли читать на арамейскомъ языкѣ, какъ не въ Вавилонѣ во время плѣна? До него они говорили на родномъ еврейскомъ языкѣ, хотя болѣе образованные евреи были знакомы и съ ассиро-вавилонскимъ, арамейскимъ языкомъ¹⁾; но, замѣчательно, въ плѣну общеупотребительный въ Вавилонѣ арамейскій языкъ сталъ брать перевѣсъ надъ еврейскимъ языкомъ среди іудейскаго населенія, постепенно вытѣснялъ его собою, такъ что скоро послѣ плѣна, при Эздрѣ и Нееміи, хотя іудеи знали еще родной языкъ, такъ какъ послѣплѣнные библейскіе писатели писали, по весьма понятной причинѣ, на священномъ языкѣ, но съ теченіемъ времени стали забывать его²⁾: арамейскій языкъ до того укрѣпился, что возвратъ къ прежнему библейскому языку оказался невозможнымъ; самъ Эзра пишетъ нѣкоторые отрывки своей книги уже по арамейски. Съ теченіемъ времени еврейскій языкъ подвергался все большому и большому забвенію, а во времена Маккавеевъ уже давно прекратилъ свое существованіе и замѣнился сиро-халдейскимъ или арамейскимъ; древнебиблейскій еврейскій языкъ сталъ достояніемъ только ученыхъ (какъ это мы видимъ и у современныхъ намъ евреевъ). Съ какою же цѣлю писатель книги Даниловой (если

¹⁾ 4 Цар. 18, 26; Ис. 36, 11.

²⁾ Ср. Неем. 13, 24: во времена Нееміи сыновья іудеевъ, женившись на иноплеменницахъ, говорили уже то по авотски, то на другихъ языкахъ; по еврейски же не умѣли говорить. Это, впрочемъ, не значить, что вообще іудеи говорили въ то время по еврейски, а незнаніе этого языка сыновьями отъ смѣшанныхъ браковъ зависѣло именно отъ послѣдняго: это указываетъ только на быстрое забвеніе священнаго еврейскаго языка, который не успѣлъ еще совершенно отойти на задній планъ, вытѣсняемый то арамейскимъ языкомъ, то другими инородными.

онъ жилъ въ маккавейское время) сталъ-бы писать свою въ высшей степени интересную книгу на непонятномъ для народа еврейскомъ языкѣ, когда для египетскихъ іудеевъ гораздо раньше этого времени былъ сдѣланъ переводъ свящ. книгъ (LXX) именно потому, что евреи не понимали уже древнебиблейскаго языка и не могли, поэтому, читать библейскихъ книгъ въ подлинникѣ? Ужъ не для того, во всякомъ случаѣ, чтобы своею книгою представить нѣчто подобное произведеніямъ прежнихъ библейскихъ писателей¹⁾—Иереміи и Эздры; если въ ихъ времена соединеніе двухъ языковъ въ одномъ произведеніи было естественно, то для маккавейскихъ читателей это казалось-бы совершенно безцѣльнымъ: писатель долженъ былъ пользоваться или народнымъ, арамейскимъ языкомъ, или же однимъ священнымъ, еврейскимъ, а не дѣлать средину священной книги достояніемъ народа, покрывая въ тоже время начало и конецъ ея непроницаемою для него тайною. Частнѣйшее разсмотрѣніе свойствъ языка книги Даниловой говоритъ только въ пользу вавилонскаго происхожденія ея. Еврейское нарѣчіе этой книги по своимъ особенностямъ имѣетъ близкое сходство съ языкомъ книги Іезекіиля²⁾. Подобно послѣднему, и первое далеко не отличается правильностью и чистотою, что, конечно, вполне понятно. Если Аггей, Захарія, Эзра и Неемія, жившіе и писавшіе въ Палестинѣ, гдѣ еврейскій языкъ хотя вымиралъ, но, какъ языкъ науки и литературы, еще былъ въ употребленіи, не отличаются чистотою и правильностью языка своихъ священныхъ произведеній, если книга пророка Іезекіиля, жившаго уже въ Ва-

¹⁾ Какъ предполагаетъ Кирмъ (*Commentatio historico-critica, exh. descr. et cens. recent. de Dan. libro opin. P. 33*).

²⁾ Употребленіе словъ: בַּן (Дан. 1, 5; Іез. 25, 7), הַבַּיִת (Дан. 1, 10; Іез. 18, 7), צָבִיר (Дан. 8, 9; Іез. 20, 6. 15), בֵּן - אֶרֶם (Дан. 8, 17; у Іез. довольно часто), קָלִל (Дан. 10, 6; Іез. 1, 7), כְּתָב вмѣсто סֵפֶר (Дан. 10, 21; Іез. 13, 9), וְהָרָה (Дан. 12, 3; Іез. 8, 2) и др.—*Zündel. Krit. Untersuchungen üb. d. Abfassungszeit d. Buches Daniel. S. 243—244.*

вилонѣ, хотя и среди колоніи своихъ соплеменниковъ, нерѣдко изобилуетъ всякаго рода халдеизмами, которыхъ въ ней несравненно больше, чѣмъ въ книгѣ современнаго Іезекіілю пророка Іереміи,—тѣмъ большей порчи родного еврейскаго языка нужно ждать отъ писателя книги Даниловой, стоявшаго, какъ видно непосредственно изъ нея же, въ близкихъ отношеніяхъ къ двору Навуходоносора, къ классу вавилонскихъ мудрецовъ-халдеевъ и т. п., гдѣ еврейскій языкъ былъ совершенно невѣдомъ. Что касается арамейскаго нарѣчія книги Даниловой, то оно сродно съ арамейскимъ языкомъ книги Эздры, сравнительно съ которымъ имѣетъ признаки болѣе ранняго происхожденія, и значительно отличается отъ языка позднѣйшихъ таргумовъ¹⁾, относящихся, по достовѣрнымъ о нихъ изслѣдованіямъ, ко времени не раннѣйшему второй половины I в. до Р. Хр. Такъ называемые „персизмы“ или арійскія слова, пересыпающія иногда рѣчь книги Даниловой²⁾, встрѣ-

¹⁾ Ср. еврейское חֲמֻץ съ халдейскими у Дан. 6, 5 שְׁלֹחַ и שְׁלֹחַ и Дан. 4, 24 חֲמֻץ , у Эздр. 4, 23 שְׁלֹחַ и въ таргумѣ Онкелоса חֲמֻץ (Быт. 20, 9); евр. חֲמֻץ съ халд. Дан. 2, 5 נִילֹ , Эздр. 6, 11 נִילִי , тарг. קְלִקְלִתָּהּ (1 Цар. 2, 9); евр. סֶפֶר съ Дан. 4, 14 פְּרֻגְמָה , Эздр. 6, 17; 5, 3 פְּרֻגְמָה , тарг. סֶפֶרָא (Быт. 17, 14); евр. עַל כֵּן съ Дан. 2, 12. 24 כֹּל-קַבְל-רִי , Эздр. 6, 3; 5, 4 כֹּל-קַבְל-רִי , тарг. אֲרִי עַל כֵּן (Быт. 38, 26); евр. צוּר съ Дан. 5, 2 עֵינֵי טַעַם , Эздр. 5, 4; 6, 1. 14 שִׁימ טַעַם , тарг. פְּקִיד (Быт. 42, 25) и יִצָּה ; евр. עַל-פְּנֵי съ Дан. 3, 13; 4, 14 עֲלוּהֵי עַל , Эздр. 6, 17 עֲלוּהֵי עַל , тарг. עַל-אִפְּי (Быт. 1, 2; 25, 19); евр. הִנֵּי съ Дан. 5, 30; 2, 23. 16 רִי (перѣдка אֲרִי Дан. 7, 5), Эздр. 6, 8 רִי и Эздр. 5, 17; 7, 26 רִי , тарг. אֲרִי (Быт. 28, 11; 1, 10. 12. 18) и проч. *Zündel. Krit. Unters. üb. d. Abf. d. B. D. S. 246—247.*

²⁾ См. Дан. 2, 5. 8: אֲזַנָּא (отъ древнеперсидскаго *azanda*, наука); Дан. 3, 2. 3: דַּתְּבַר (древнеперс. *datouber*, законовѣдъ); Дан. 2, 5; 3, 29: הַדָּם (перс. *handam*, членъ); Дан. 1, 5. 8. 13: פַּתְבַּג (древнеперс. *pati-baga*, трапеза боговъ); Дан. 3, 2. 3: גַּדְבַּרִין (древнеперс. *gas-bar*, казначей); Дан. 1, 3: פְּרָתְמִים (санскр. *prathama*, знать); Дан. 3, 2. 3. 27: פַּקֵּה (древнеперс. *paik*, намѣстникъ) и др.—*Zündel. Krit. Unters. S. 248.*

чаются не только у позднѣйшихъ свящ. писателей—Эздры и Нееміи, но и у современника Данила—Іезекііля и говорятъ только о той порчѣ, какой стали подвергаться въ вавилонскомъ плѣну древнееврейскій литературный языкъ. Появленіе ихъ въ книгѣ Даниловой не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній: изъ клинообразныхъ надписей ассирійскихъ царей, особенно Саргона, Сеннахирима и Асаргаддона, мы знаемъ, что они неоднократно подчиняли себѣ мидійскія области, налагали на нихъ дань и т. п.¹⁾; почему же еще въ то время нѣкоторыя арійскія слова не могли войти въ ассиро-вавилонскій арамейскій языкъ? Навуходоносоръ же даже женился на дочери мидійскаго царя; его государство было разнородно и разноплеменно; указы свои онъ разсылалъ всѣмъ „народамъ, племенамъ и языкамъ, живущимъ по всей землѣ“²⁾; если же въ числѣ этихъ „народовъ, племень и языковъ“ были племена персидскія или мидійскія, то что удивительнаго, если нѣкоторыя арійскія слова попали въ общенародный языкъ? Не говоримъ уже о томъ, что писатель книги Даниловой, доводящей исторію жизни пророка до 3-го года Кира персидскаго, если не написалъ, то закончилъ свою книгу не раньше царствованія Кира же, т. е. персидскаго господства въ Вавилонѣ. Не служатъ ли указанная нами свойства языка этой книги несомнѣннымъ доказательствомъ не только вообще домаккавейскаго, но и именно вавилонскаго происхожденія ея?

Въ пользу послѣдняго убѣдительно говорятъ также характеръ изложенія и внутренняя мысль, которая сквозитъ въ каждомъ словѣ книги Даниловой. Знакомство писателя книги съ исторіей времени вавилонскаго плѣна видно, какъ нельзя лучше; хронологическія и топографическія даты говорятъ о томъ-же; иногда писатель дѣлаетъ только намеки на

¹⁾ *Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. B. II. S. 39, 41, 55, 61, 91, 133, 147.*—Ср. 1 Эздр. 4, 9.

²⁾ Дан. 3, 96. 98.

главнѣйшія событія того времени, предполагая, конечно, что они хорошо извѣстны его первоначальнымъ читателямъ-современникамъ. Ставятъ въ вину писателю книги разнаго рода историческія ошибки, въ которыхъ онъ, говорятъ, обнаружилъ будто-бы совершенное незнаніе исторіи вавилонскаго времени, что вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о позднѣйшемъ какъ существованіи самого писателя, такъ и составленіи имъ книги Данииловой. Мы не будемъ теперь касаться сущности этого возраженія и говорить что-либо о его несостоятельности. Объ историческихъ ошибкахъ или, вѣрнѣе, спорныхъ вопросахъ и недоумѣніяхъ въ книгѣ Данииловой намъ придется говорить при самомъ изложеніи обстоятельствъ жизни и дѣятельности пророка Даниила, причемъ нужно будетъ дать надлежащее рѣшеніе или объясненіе ихъ. Тогда мы увидимъ, что „ошибки“ эти, какъ называютъ ихъ, только кажущіяся, а ихъ видимое противорѣчіе не только свѣтской (общегражданской), но и библейской исторической литературѣ (если только существуетъ это, хотя бы и видимое, противорѣчіе) говоритъ именно въ пользу того, что писатель книги Данииловой какъ изучилъ исторію вавилонскаго времени не по литературнымъ памятникамъ, а самъ былъ очевидцемъ изображаемыхъ имъ событій,—такъ и излагалъ ее самъ по себѣ, не подчиняясь чужимъ авторитетамъ, а тѣмъ болѣе не на основаніи готовыхъ данныхъ исторіи¹⁾. Тотъ-же писатель, какъ увидимъ впоследствии, превосходно знаетъ вавилонскіе и мидо-персидскіе обычаи и учрежденія, существовавшіе именно въ описываемое имъ время: онъ

¹⁾ Подобнаго рода видима противорѣчія встрѣчаются иногда, какъ извѣстно, и въ повѣствованіяхъ четырехъ евангелистовъ объ одномъ и томъ-же предметѣ; однако это считаютъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что каждый евангелистъ излагалъ прекрасно извѣстныя ему событія самостоятельно, отмѣчалъ тѣ факты или черты, какія самъ находилъ нужнымъ, а не составлялъ свое евангеліе на основаніи другого.

говоритъ объ именахъ¹⁾, должностяхъ²⁾, одеждахъ³⁾, музыкальныхъ инструментахъ⁴⁾, объ обычаяхъ во время религиозныхъ и общественныхъ празднествъ⁵⁾, на пирахъ⁶⁾, о характерѣ государственнаго управленія⁷⁾ въ Вавилонѣ и Мидіи и т. д.; всѣ указанія его вполне подтверждаются свидѣтельствами другихъ древнихъ авторовъ и открытыми въ послѣднее время историческими памятниками, такъ называемыми клинообразными надписями. У писателя, далѣе, замѣтна своеобразная окраска передаваемыхъ имъ событій; литературный вкусъ его, разнаго рода описанія, халдейскій колоритъ изображаемыхъ дѣйствій и предметовъ, символы звѣрей, встрѣчающихся на дошедшихъ до насъ памятникахъ изъ этой эпохи, и т. п.—все напоминаетъ въ немъ жителя Вавилона и очевидца изображаемыхъ имъ событій, а не позднѣйшаго палестинскаго іудея. Такого рода историческихъ свѣдѣній, знанія вавилонскихъ обычаевъ и учреждений, своеобразной окраски передаваемыхъ событій—не могъ, конечно, писатель книги почерпнуть ни изъ прежней библейской письменности, ни изъ дошедшаго до него преданія о современныхъ вавилонскому плѣну событіяхъ, ни изъ личнаго посѣщенія Вавилона въ позднѣйшее уже время⁸⁾. Разсказъ его указываетъ на прекраснаго знатока государственной и общественной жизни Вавилона. Писатель долженъ былъ быть близокъ къ классу вавилонскихъ мудрецовъ, потому что въ противномъ случаѣ

¹⁾ Дан. 1, 3. 7; 2, 14; 4, 5.

²⁾ Дан. 1, 3. 11; 2, 14. 48. 49; 3, 2. 4; 6, 1. 2. 7.

³⁾ Дан. 3, 21.

⁴⁾ Дан. 3, 5.

⁵⁾ Дан. 3, 2. 4—6.

⁶⁾ Дан. 5, 1. 3. 4.

⁷⁾ Дан. 2, 48. 49; 3, 2. 97; 5, 29; 6, 1. 2. 7.

⁸⁾ Такія воззрѣнія проводятъ Ленгерке (Das Buch Daniel. S. XXXVII—XLV), де-Ветте (Lehrbuch d. hist.-krit. Einl. in d. kanon. u. apokr. Bücher d. A. T. S. 504), Кюненъ (Hist.-krit. Einleitung in d. Bücher d. A. T. II. T. S. 476—477).

не могъ-бы знать ихъ степеней и чиновъ, родовъ ихъ занятій и проч. Извѣстно, какъ изолированы были отъ народа въ древнее время жрецы и маги: не только ихъ тайны, но даже просто организація ихъ института была въ точности извѣстна только для посвященныхъ. Какъ же бы могъ знать это іудей маккавейской эпохи, еслибы онъ даже и посѣтилъ Вавилонъ? Откуда онъ взялъ собственные имена вавилонскихъ придворныхъ? Какія библейскія книги, какое преданіе говоритъ о нихъ?

Могъ ли, наконецъ, іудей маккавейской эпохи написать книгу въ такомъ духѣ, какова въ сущности книга Даніилова? Тогда ненависть къ языческимъ царямъ, преимущественно, конечно, къ Антиоху Епифану, жесточайшему гонителю и врагу всего іудейскаго, проникала все существо іудея и дѣлалась невольно основнымъ мотивомъ всей его дѣятельности; а отсюда развивался крайній ригоризмъ и жесточайшая ненависть ко всему языческому. Возможно ли ожидать, поэтому, отъ іудея такого склада мыслей и чувствъ (а таково было громадное большинство іудеевъ—современниковъ Антиохова гоненія, а тѣмъ болѣе „благочестивый“ іудей, какъ называютъ писателя книги Даніиловой) составленія книги, гдѣ бы говорилось, что пророкъ Даніилъ, строгій ревнитель закона Іеговы, вмѣстѣ съ друзьями своими воспитывался и жилъ при дворѣ языческаго царя, изучалъ у халдеевъ всю мудрость языческую, что онъ и трое отроковъ получили языческія имена и сдѣлались потомъ правителями языческихъ провинцій, а Даніилъ даже начальникомъ халдеевъ, что онъ былъ близокъ къ языческимъ государямъ, относился къ нимъ съ уваженіемъ и симпатією и т. д. „Благочестивый“ іудей маккавейской эпохи, можно съ увѣренностью сказать, не написалъ-бы *такой* исторіи великаго пророка: еслибы она была даже точнымъ воспроизведеніемъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности пророка Даніила, то и тогда, естественно, писатель постарался-бы хоть нѣсколько смягчить или совсѣмъ опустить такія мѣста, придавши самой книгѣ характеръ болѣе

соотвѣтствующій общему настроенію преслѣдуемой Антиохомъ іудейской массы. Съ другой стороны, еслибы книга Даніилова была написана для утѣшенія іудеевъ среди гоненій, какъ говорятъ защитники маккавейскаго происхожденія ея, то достигла ли бы она своей цѣли? Какое утѣшеніе могли извлечь изъ нея вѣрные сыны Іеговы? Надежду на помощь Божию, столь явно низпосланную нѣкогда тремъ отрокамъ въ печи и Даніилу во рву львиномъ? Но основная идея обоихъ рассказовъ была противоположна убѣжденію и стремленію маккавейскихъ іудеевъ: какъ отроки, такъ и пророкъ Даніилъ не защищаются въ виду ожидающей ихъ казни, а спокойно отдаютъ себя въ руки языческихъ властей. То ли было въ маккавейское время? Іудеи пылали мщеніемъ и ненавистью къ своимъ мучителямъ, призывали другъ друга къ оружію и т. п. Предложить имъ для утѣшенія рассказъ объ отрокахъ въ печи или Даніилѣ во рву львиномъ—значило-бы убѣждать оставить оружіе, отказаться отъ защиты и мести, спокойно терпѣть преслѣдованія, мученія и казни въ ожиданіи чудесной помощи Божіей. Едвали бы этимъ „утѣшились“ маккавейскіе іудеи. А какое утѣшеніе они могли почерпнуть изъ рассказовъ о воспитаніи пророка Даніила, о толкованіи имъ сна Навуходносору и объясненіи таинственной надписи Валтасару? Естественно ли вообще навязывать книгѣ Даніиловой какія-то политическія тенденціи и наряду съ этимъ доказывать ея маккавейское происхожденіе? Послѣ всего сказаннаго нами по этому вопросу—очевидно само собою.

Все, что мы говорили до сихъ поръ о времени происхожденія книги Даніиловой, относится вообще къ *канонической* книгѣ Даніиловой, вавилонское происхожденіе которой становится несомнѣннымъ. Мы не упоминали еще, что въ числѣ 14 главъ этой книги, изъ которыхъ она состоитъ въ нашихъ славянской и русской Библияхъ, есть неканоническіе отрывки, подлежащіе особому сужденію: это—исторія Сусанны, изложенная въ 13-ой главѣ книги, затѣмъ, стихи 24—90 третьей

главы (по греческому и нашему славянскому тексту), содержащие в себѣ молитву Азаріи въ раскаленной печи (ст. 24—45), рассказъ о схожденіи ангела въ печь къ отрокамъ (ст. 46—50) и хвалебную пѣснь трехъ отроковъ (ст. 51—90),—и, наконецъ, два самостоятельныхъ рассказа, содержащихся въ 14-ой главѣ книги Данииловой,—рассказъ о Вилѣ (ст. 1—22) и о драконѣ (ст. 23—42)¹⁾. Въ еврейско-арамейскомъ подлинномъ текстѣ книги этихъ отрывковъ вовсе нѣтъ: книга Даниилова состоитъ только изъ нашихъ 12 первыхъ главъ, а въ 3-ей главѣ послѣ 23 стиха слѣдуетъ непосредственно нашъ 91. Но есть они во всѣхъ переводахъ книги Данииловой: въ подлинномъ переводѣ LXX, обнародованномъ по древнѣйшему списку, найденному въ Римѣ и изданному тамъ же Simon'омъ de Magistris въ 1772 г. подъ заглавіемъ: „Daniel secundum septuaginta ex tetraplis Origenis“²⁾, въ переводахъ Θεοδοτία, помѣщаемомъ обыкновенно въ греческихъ текстахъ Библии³⁾, Акилы и Симмаха, въ древнеиталійскомъ переводѣ, въ переводѣ бл. Иеронима (Вульгатѣ) и во всѣхъ переводахъ восточныхъ—сирскихъ, коптскомъ, эіопскомъ, армянскомъ, арабскомъ и др. Въ греческомъ текстѣ они стоятъ не на тѣхъ мѣстахъ, какъ въ нашей славянской Библии: пѣснь трехъ отроковъ помѣщена въ Псалтири послѣ 151 псалма; исторія Сусанны составляетъ первую главу книги Данииловой или, правильнѣе, вступленіе къ ней,—а наша 14-я глава присоединяется къ послѣдней канонической (12-й), но съ особымъ счетомъ стиховъ. Въ греческихъ рукописяхъ исторія Сусанны помѣчается первой главой (или „visio prima“), наша 1-я глава

¹⁾ Придерживаемся хронологическаго порядка самыхъ событій, о которыхъ повѣствуютъ эти отрывки.

²⁾ Lengerke. Das Buch Daniel. S. CVI.

³⁾ Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 3.

стоитъ 2-ю и т. д. по порядку¹⁾. Тоже самое расположеніе главъ замѣчается въ греческомъ изданіи Вульгаты и синопсисѣ Афанасія²⁾; въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ³⁾ и даже печатной славянской Библии 1663 г.⁴⁾. Такого рода обстоятельства легко могутъ навести непредубѣжденнаго изслѣдователя на столь же своеобразное (и въ общемъ невыгодное) заключеніе о характерѣ и происхожденіи неканоническихъ отрывковъ книги Данииловой; отсутствіе же ихъ въ подлинномъ еврейско-арамейскомъ текстѣ книги, на что указывалъ еще бл. Иеронимъ со словъ Евсевія и Аполлинарія⁵⁾, повидимому, даетъ основаніе предполагать, что и первоначально въ немъ ихъ не было, а появились они на свѣтъ впервые только въ переводахъ LXX и Θεοδοτία. Предположеніе это могло-бы перейти въ увѣренность въ силу довода, высказаннаго еще Порфиріемъ, который, по словамъ бл. Иеронима, считалъ всю книгу Даниилу составленною на греческомъ языкѣ въ позднѣйшее время на томъ основаніи, что въ исторіи Сусанны, въ греческомъ ея текстѣ, замѣчается игра словъ: „ἀπό τοῦ σῦνους σῦσαι καὶ ἀπό τοῦ πρίνου πρίσαι“,—болѣе свойственная греческому языку, чѣмъ еврейскому⁶⁾. Тоже замѣчаетъ Юлій Африканъ, что такая игра словъ возможна только въ греческомъ текстѣ, такъ какъ еврейскія слова, соответствующія греческимъ σῦνους и σῦσσω или πρίνους

¹⁾ Montfaucon B. Bibliotheca Coisliniana, olim Segueriana. Parisiis. 1715. P. 179.

²⁾ Sixtus Senensis. Bibliotheca sancta. Editio 3. Coloniae. 1586. P. 13—14.

³⁾ Описаніе славянскихъ рукописей моск. синод. библиотеки. Отдѣлъ I. М. 1855. Стр. 204.

⁴⁾ Востоковъ А. Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцевскаго музеума. СПб. 1842. Стр. 35—36.

⁵⁾ Библ. твор. св. отцевъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 3.

⁶⁾ Ibid.

и $\pi\rho\iota\zeta\omega$ совершенно различны¹⁾, что, естественно, указывает на греческий текст книги, какъ на подлинникъ, а не переводъ. Евсевій и Аполлинарій, по словамъ бл. Иеронима, отрицая существованіе неканоническихъ отрывковъ книги Данииловой въ еврейскомъ ея текстѣ, приписывали составленіе ихъ пророку Аввакуму, сыну Исусову, изъ колѣна левина²⁾. Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей и комментаторовъ Корнелій а Ляпиде считаетъ писателемъ ихъ какого-то іудея, составляшаго въ плѣну вавилонскомъ или послѣ него лѣтописи царей мидійскихъ и персидскихъ³⁾; Перерій⁴⁾ и Аккерманъ⁵⁾— одного іудея греческой уже эпохи іудейской исторіи. Изъ русскихъ—въ пользу позднѣйшаго происхожденія неканоническихъ отрывковъ, явившихся первоначально у греческихъ переводчиковъ книги Данииловой, высказывается Бухаревъ⁶⁾ и др. Созвучіе словъ $\sigma\chi\iota\nu\omicron\varsigma$ и $\sigma\chi\iota\zeta\omega$ и $\pi\rho\iota\nu\omicron\varsigma$ и $\pi\rho\iota\zeta\omega$ (по греческому тексту исторіи о Сусаннѣ), служащее поводомъ къ такого рода воззрѣніямъ, въ сущности слишкомъ мало даетъ намъ права утверждать, будто самый греческій текстъ есть подлинный оригиналъ, а не переводъ: еще Оригенъ въ своемъ посланіи къ Африкану указывалъ на то, что и въ еврейскомъ языкѣ, въ частности на языкѣ священнаго писанія, встрѣчаются подобнаго рода созвучія, такъ какъ ветхозавѣтная священная поэзія была вообще достаточно развита въ этомъ отношеніи⁷⁾. Замѣчаніе Оригена далеко не лишено своей

¹⁾ *Origenis responsum ad Africani epistolam de historia Susannae*. Basileae. 1673. P. 220—222.

²⁾ Библия твор. св. отц. и учт. запад. Кн. 21. Твор. бл. Иеронима, ч. 12. Стр. 3.

³⁾ *Cornelius a Lapide*. Commentaria in Daniele prophetam. Antverpiae. 1727. P. 1398.

⁴⁾ *Pererius B.* Commentarii in Daniele prophetam. Romae. 1587. P. 485.

⁵⁾ *Ackermann*. Introductio in libri V. 3 T. Wien. 1826. P. 342.

⁶⁾ Бухаревъ. О подлинности и цѣлости свят. книгъ пророковъ: Исаія, Иеремія, Іезекіиля и Даниила. М. 1864. Стр. 82—84.

⁷⁾ *Origenis responsum ad Africani epistolam de historia Susannae*. P. 240—242.

цѣны. Не будетъ съ нашей стороны ошибкой, если мы предположимъ, что въ еврейскомъ или арамейскомъ подлинномъ текстѣ исторіи о Сусаннѣ могли стоять названія другихъ деревьевъ, съ соблюденіемъ соотвѣтствующей игры словъ; греческій же переводчикъ, съ цѣлю сохранить это созвучіе, примѣнительно къ глаголамъ $\sigma\chi\iota\zeta\omega$ и $\pi\rho\iota\zeta\omega$, употребилъ слова $\sigma\chi\iota\nu\omicron\varsigma$ и $\pi\rho\iota\nu\omicron\varsigma$. Въ еврейскомъ словарѣ можно найти нѣсколько соотвѣтствующихъ нашему предположенію словъ: $\pi\upsilon\upsilon\upsilon\tau$ (кассия) и $\upsilon\upsilon\tau$ (срубать); $\pi\upsilon\upsilon\tau$ (дикій огурецъ) и $\upsilon\upsilon\tau$ (разбивать, разсѣкать); $\pi\upsilon\tau$ (орѣхъ) и $\pi\upsilon$ (срѣзывать) и т. под. Съ другой стороны, натянуто утвержденіе, будто игра словъ можетъ быть только въ оригинальномъ текстѣ; что она бываетъ и въ переводахъ (напр., греческомъ и латинскомъ),—лучшимъ доказательствомъ этого служить Мф. 16, 18: „ты Петръ (Πέτρος, Petrus), и на семь камиѣ (πέτρα, petra)....“ Не даютъ ли основанія такого рода соображенія заключить, что греческій переводчикъ исторіи о Сусаннѣ перевелъ этотъ рассказъ съ еврейскаго или арамейскаго оригинала, не дошедшаго, конечно, до насъ, но не самъ выдумалъ или записалъ его? Поэтическія же созвучія въ этомъ переводѣ говорятъ лишь о томъ, что переводчикъ этотъ съ намѣреніемъ подобралъ такія греческія слова (параллельныя еврейскимъ подлинника), которыя бы придавали его переводу легкой поэтической оттѣнокъ, представляющій для читателя гораздо болѣй интересъ и занимательность¹⁾. Что касается въ частности неканоническаго разсказа о пребываніи трехъ отроковъ въ печи, то онъ, какъ съ вѣроятностью можно сказать, написанъ первоначально именно на еврейскомъ (а не арамейскомъ и, конечно, не на греческомъ) языкѣ, хотя и стоитъ среди арамейскаго отдѣла книги Данииловой; доказательствомъ этого служатъ еврейскія имена трехъ отроковъ,

¹⁾ Ср. специальную статью объ этомъ *Vigouroux* „Susanne, caractère veridique de son histoire“ въ его „Melanges bibliques“. Paris. 1882. P. 335—361.

встрѣчающіяся также и въ 1-ой главѣ книги, въ то время какъ во 2-ой (арамейской) и въ той-же 3-ей главѣ друзья называются своими вавилонскими именами; характеръ языка неканоническаго отрывка тоже указываетъ на сходство его съ еврейскимъ и отличие отъ арамейскаго языка канонической книги Данииловой. Предполагаютъ, будто писатель канонической (а вмѣстѣ и неканоническихъ отрывковъ) книги потому возобновилъ еврейскую рѣчь, прервавши вдругъ арамейскій языкъ, что въ неканоническомъ разсказѣ 3-ей главы содержатся почти исключительно величественные гимны еврейскихъ мужей, имѣвшіе значеніе только для евреевъ, между тѣмъ какъ цѣлю вообще историческихъ главъ книги Данииловой было изложить чудесныя знаменія всемогущества Божія, явленныя надъ язычниками или же для нихъ. Главнымъ же доказательствомъ въ пользу того, что въ подлинномъ еврейско-арамейскомъ текстѣ книги Данииловой неканоническіе отрывки ея первоначально существовали, несмотря на отсутствіе ихъ въ дошедшемъ до насъ оригинальномъ текстѣ книги, служитъ присутствіе ихъ въ переводахъ этой книги, особенно переводѣ Θεодотіона. Послѣдній переводилъ буквально прямо съ еврейскаго; слѣдовательно, только оттуда онъ могъ взять и неканоническіе отрывки книги Данииловой. Присутствіе ихъ въ переводѣ LXX не имѣетъ для насъ доказательной силы: послѣдній сильно разнится отъ оригинальнаго текста книги Данииловой, представляя собою только самый вольный переводъ съ еврейско-арамейскаго, разукрашенный разнаго рода прибавками, варіаціями и т. п. Параллельное сопоставленіе подлиннаго текста книги съ обоими переводами—LXX и Θεодотіона—докажетъ это, какъ нельзя лучше. Переводъ LXX значительно отстаетъ какъ отъ подлиннаго текста канонической книги Данииловой, такъ и отъ перевода Θεодотіона: болѣе или менѣе существенныя измѣненія словъ и мыслей, частыя то прибавленія, то опущенія, то перестановки, то своеобразныя отгѣнки частныхъ разсказа—все это отличаетъ

переводъ LXX. Съ другой стороны, Θεодотіонъ буквально переводитъ оригинальный текстъ: гдѣ LXX болѣе или менѣе точно придерживаются буквы подлинника, тамъ замѣчается, конечно, и сходство LXX съ Θεодотіономъ; гдѣ же LXX значительно отступаютъ отъ оригинала, тамъ рѣзко видна и разница между этимъ переводомъ и Θεодотіона; послѣдній въ тоже время выдѣляется обиліемъ гебраизмовъ, еврейской конструкціей рѣчи, и притомъ тамъ, гдѣ у LXX замѣтны греческіе обороты. Все это указываетъ на полную самостоятельность перевода Θεодотіона, который никогда не рѣшился бы привнести что-либо новое, еслибы не имѣлъ этого въ бывшемъ у него подъ руками еврейско-арамейскомъ подлинномъ текстѣ Библии. Нельзя отрицать, что и неканоническія части книги Данииловой онъ позаимствовалъ только изъ оригинала, съ котораго переводилъ. Послѣднее подтверждается и слѣженіемъ неканоническихъ отрывковъ книги по переводамъ LXX и Θεодотіона. Первые, обращаясь свободно съ текстомъ каноническихъ главъ книги, не измѣняютъ себѣ и въ неканоническихъ отрывкахъ ея: въ предисловіи разсказа о Вилѣ и драконѣ ставятъ надписаніе, относящее разсказъ этотъ къ „пророчеству Аввакума, сына Исусова, изъ колѣна левіина“; Даниила въ томъ-же разсказѣ называютъ „священникомъ“; о немъ говорится, какъ о неизвѣстномъ лицѣ: „былъ нѣкій человекъ, священникъ, по имени Даниилъ; сынъ Авдіи...“,—объ Аввакумѣ же, какъ объ извѣстномъ всѣмъ пророкѣ. У Θεодотіона этихъ странныхъ варіацій вовсе нѣтъ, конечно, благодаря его буквальному переводу съ подлиннаго текста, значительно измѣненнаго LXX. Неканоническія части книги Данииловой у него органически связаны съ каноническими главами и стихами; разсказъ идетъ послѣдовательно и естественно, не возбуждая какихъ-либо недоразумѣній со стороны подробностей текста; тоже самое и въ нашихъ славянской и русской Библияхъ. Еслибы, допустимъ, Θεодотіонъ только измѣнилъ переводъ LXX, то почему же, напр., въ

томъ-же разсказѣ о Вилѣ и драконѣ онъ опустилъ надписаніе его, почему выбросилъ вступленіе, которое только проясняло разсказъ („былъ нѣкій человекъ, священникъ...“), почему „царя вавилонскаго“ (по LXX), при которомъ произошло это событіе, назвалъ именно Киромъ¹⁾ и т. д.? Видно, залачею своею Θεодотіонъ поставилъ не измѣненіе перевода LXX, а подобно Симмаху и Акилѣ, новый буквальный переводъ съ оригинальнаго текста, который бы могъ замѣнить собою испорченный переводъ LXX. Между тѣмъ, какъ въ этихъ переводахъ, такъ и во многихъ другихъ неканоническихъ отрывки книги Данииловой существуютъ. Откуда же они взяты, какъ не изъ подлиннаго текста? О существованіи ихъ въ послѣднемъ говорить и сопоставленіе еврейскихъ 23 и 24 (славянскихъ 23 и 91) стиховъ 3-ей главы. Въ еврейскомъ контекстѣ бросается въ глаза странный пропускъ: „Седрахъ, Мисахъ и Авденаго упали въ раскаленную огнемъ печь связанные. Навуходносоръ царь изумился и поспѣшно всталъ и сказалъ вельможамъ своимъ: не троихъ ли мужей бросили мы... вотъ я вижу четырехъ...“ Какъ бы ни объясняли этотъ пропускъ, какіе бы примѣры изъ другихъ главъ той-же книги ни приводили въ пользу такого же будто-бы характера изложенія писателя ея, но подобный переходъ между еврейскими 23 и 24 стихами 3-ей главы представляется весьма страннымъ и вовсе не обычнымъ у писателя книги Данииловой. Между тѣмъ, въ греческомъ и нашемъ славянскомъ текстѣ этотъ очевидный пропускъ прекрасно восполняется неканоническими 24—90 стихами той-же главы, гдѣ идетъ рѣчь о спасеніи

¹⁾ Почему именно LXX опустили Дан. 14, 1,—можно предположить съ вѣроятностью. Въ Дан. 1, 21 говорится о первомъ годѣ Кира; и вотъ LXX, своеобразно понимая этотъ стихъ и относя къ 1-му году Кира кончину прор. Даниила, не находятъ возможнымъ отнести къ царствованію Кира событіе, передаваемое въ Дан. 14, почему и опускаютъ имя Кира, оставивши только „царя вавилонскаго“, точно такъ же, какъ и въ Дан. 10, 1, чтобы не противорѣчить Дан. 1, 21, измѣняютъ „третій“ годъ Кира въ „первый“.